

CONTENTS

Persian Poetry in the Perception of Wilhelm Küchelbecker	Aloe Stefano Vinchencovich	11
The Role of Phraseology in Studying the Russian Language	Georgieva Stefka Ivanova	29
Linguo-imagology as a New Integrating Direction of Linguistics	Ivanova Lyudmila Petrovna	45
Reception of Russian Classical Literature in Georgia: Pages of History - Kita Abashidze about Leo Tolstoy	Modebadze Irine Igorevna; Tsitsishvili Tamar Georgievna	65
Synthetic Genres of Art as the Sources of Russian Catchword Units Fund Enrichment	Shulezhkova Svetlana Grigorjevna; Diadechko Ludmila Petrovna	83
Intensification in Higher Education Linguodidactics	Golovaneva Marina Anatolievna	99
Formation of Communicative Competence among Iranian Students on the Material of an Artistic Text (From Work Experience)	Grinkevich Elena Ivanovna	117
Tell Me, Who Is Your Friend: Concept of FRIEND in the Modern Russian Media Discourse (on the Material of the Russian National Corpus 2014)	Makarova Viktorija Vladimirovna	135
Persia in the K. Paustovsky's Artistic Picture of the World	Sivova Tatyana Viktorovna	155
The Protagonist's Search for the "Desired Lot" in the "Persian Motives" Poetic Cycle by S.A. Yesenin	Ustimenko Natalya Mikhailovna	173
Features of Teaching Russian to Students from the Republic of Angola	Fedulova Ekaterina Gennadyevna	193
Similar Word-Formation Ways of Nouns in Russian and Persian Languages	Hemmatzadeh Shahram	213
.....		
Persian Abstracts		7

Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury

Scientific journal

Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury

Iranian Association of Russian Language and Literature

The journal is published twice a year, supported by
Iranian Association of Russian Language and Literature

Managing Editor: Janolah Karimi-Motahhar

Editor-in-Chief: Marzieh Yahyapour

Executive Secretary: M. Mohammad Beygi

Scientific Editor: S.V. Shustova

Editorial Board:

Ahmadi Mireyla, Associate Professor of the Russian Language Department, Tarbiat Modarres University (Tehran, Iran)

Akhmetshin R.B., Associate Professor of the Department of the History of Russian Literature, Moscow State University (Moscow, Russia)

Gholami Hossein, Professor of the Department of Russian Language and Literature, University of Tehran (Tehran, Iran)

Golovin V.V., Doctor of Philology, Professor, Director of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia)

Yerofeva T.I., Doctor of Philology, Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Perm State National Research University (Perm, Russia)

Zavyalova E.E., Doctor of Philology, Professor of the Department of Literature, Faculty of Philology and Journalism, Astrakhan State University (Astrakhan, Russia)

Kazieva A.M., Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature of the Pyatigorsk Linguistic University (Pyatigorsk, Russia)

Karimi-Motahhar Janolah, Professor of the Department of Russian Language and Literature, University of Tehran (Tehran, Iran)

Kotelnikov V.A., Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Department of New Russian Literature (St. Petersburg, Russia)

Mohammadi Mohammad-Reza, Associate Professor of the Russian Language Department, Tarbiat Modarres University (Tehran, Iran)

Shustova S.V., Doctor of Philology, Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Perm State National Research University (Perm, Russia)

Yahyapour Marzieh, Professor of the Department of Russian Language and Literature, University of Tehran (Tehran, Iran)

It was founded in 2013.

ISSN 2345-2498

e-ISSN 2476-3500

Tehran - Iran

<http://www.journaliarll.ir>

International Editorial Board:

Aloe Stefano, Doctor of Philology, Professor of Russian literature and Slavic Studies, Department of Foreign Languages and Literatures, University of Verona (Verona, Italy)

Broda Marian, Doctor of Humanities sciences, Professor of European's explore, University of Lodz (Lodz, Poland)

Vidmarovich Natalia Petrovna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language Division of the East Slavic Languages and Literatures Faculty of Philosophy, University of Zagreb (Zagreb, Croatia)

Koshemchuk Tatiana Alexandrovna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Linguistics and Intercultural Communication, St. Petersburg Agrarian University (Saint-Petersburg, Russia)

Lepakhin Valery Vladimirovich, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Philology of the University of Szeged (Szeged, Hungary)

Liutskanov Yordan Dimitrov, Doctor of Russian literature, associate professor of the Institute for Literature, Bulgarian Academy of Sciences (Sofia, Bulgaria)

Melville Firuza Abdullaeva, Doctor of Philology, Director of the research center of Iranian studies, Faculty of Asian and Middle Eastern Studies, University of Cambridge (Cambridge, UK)

Modebadze Irine Igorevna, Doctor of Philology, Senior Researcher, Department of Theory of Literature and Comparative Literature, Shota Rustaveli Institute Of Georgian Literature (Tbilisi, Georgia)

Molnar Angelika, Ph.D. in Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature, University of West Hungary (Szombathely, Hungary)

Motorin Alexander Vasilievich, Doctor of Philological Sciences, Professor, The Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia).

Nazibekova Mehrinissa, Doctor of Philology, Professor of Faculty of Russian language and literature, Tajik National University (Dushanbe, Tajikistan)

Nike Michelle, Ph.D., Professor at the University of Caen-Normandy (Caen-Normandy, France)

Sawada Kazuhiko, Doctor of Philology, Professor of Faculty of Humanities, Saitama University (Saitama, Japan)

Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury

"Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury" is published in Iran with the aim of publishing original research on the Russian language and literature. The content of the article should correspond to the subject of the journal. Articles prepared in the following fields are accepted: general linguistics, comparative and comparative linguistics, socio- and psycholinguistics, functional grammar, literature, comparative literary criticism, linguodidactics, and translation studies.

Requirements for the article:

- The forwarded articles should be the results of research by the author(s) of the article.
- The language of the journal is Russian.
- The forwarded articles should not be sent for other journals simultaneously, or it should not be published in other journal.
- Materials forwarded to the editorial office can not be returned.
- Article structure: title, abstract (120-140 words), keywords (5-7 words), introduction, main text, conclusion and list of used literature (in Russian and English). The main text should not be less than 3000 and more than 4000 words.
- At the beginning of the article: full title of the article, name and surname, place of work, academic degree, rank, e-mail address, telephone of the author(s).
- Information about quoted sources in the text of the article have to given in parentheses, including the author's surname, year of publication of the source and page numbers (Ivanov 2013. 92).
- Bibliographic references contain the mandatory elements of the description in the strict sequence in alphabetical order of the author's surnames as follows:
- **Book:** surname, date of publication (in parentheses), *title of main and non-main work (italics are typed)*, place of publication, publishing house.
- **Article:** surname, name, date of publication (in parentheses), title of article, *title of journal or collection of articles (italics)*, year and magazine number, place of publication and publishing house for the first and last pages of the article.
- **Internet sources:** surname, name, title of the work, full address of the Internet (site), date of circulation.
- Materials are provided in the following form: in the Word editor 1997-2003; font "Times New Roman"; the main text is size 14; interval 1.5; upper and lower margins -2.5 cm; left field -3 cm, right field -1.5 cm; indent (paragraph) -1.25 cm.
- You can send the article to the email address of the editor in chief:
myahya@ut.ac.ir, journaliar11@gmail.com

Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного!

СОДЕРЖАНИЕ

Персидская поэзия в восприятии В.К.Кюхельбекера	Алоэ Стефано Винченцович	11
Роль фразеологии при изучении русского языка	Георгиева Стефка Иванова	29
Лингвоимагология как новое интегрирующее направление языкознания	Иванова Людмила Петровна	45
Рецепция русской классической литературы в Грузии: страницы истории - Кита Абашидзе о Льве Толстом	Модебадзе Иринэ Игоревна; Цицишвили Тамар Георгиевна	65
Синтетические жанры искусства как источники обогащения фонда крылатых единиц современного русского языка	Шулежкова Светлана Григорьевна; Дядечко Людмила Петровна	83
Интенсификация в лингводидактике высшей школы	Голованева Марина Анатольевна	99
Формирование коммуникативной компетенции у иранских студентов на материале художественного текста (из опыта работы)	Гринкевич Елена Ивановна	117
Скажи мне, кто твой друг: концепт <i>друг</i> в современном русском медиадискурсе (на материале НКРЯ 2014 г.)	Макарова Виктория Владимировна	135
Персия в художественной картине мира К.Г. Паустовского	Сивова Татьяна Викторовна	155
Поиски «желанного удела» лирическим героем книги стихов С.А. Есенина «Персидские мотивы»	Устименко Наталья Михайловна	173
Особенности преподавания русского языка студентам из Республики Ангола	Федулова Екатерина Геннадьевна	193
Соотносимые способы словообразования имен существительных в русском и персидском языках	Хеммат-заде Шахрам	213
.....		
Краткие содержания		7

Исследовательский Журнал Русского Языка и Литературы

Научный журнал
Исследовательский журнал русского языка и литературы

Иранская ассоциация русского языка и литературы
Журнал выходит 2 раза в год при поддержке
Иранской ассоциации русского языка и литературы

Ответственный редактор:

Дж. Карими-Мотаххар

Главный редактор:

Марзие Яхьяпур

Ответственный секретарь:

М. Мухаммадбегии

Научный редактор:

С.В. Шустова

Редакционная коллегия:

Ахмади Мирейла, доцент кафедры русского языка, Университет тарбият модаррес (Тегеран, Иран)

Ахметшин Р.Б., доцент кафедры истории русской литературы, Московский государственный университет (Москва, Россия)

Голами Хосейн, профессор кафедры русского языка и литературы, Тегеранский университет (Тегеран, Иран)

Головин В.В., доктор филологических наук, профессор, директор Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской Академии наук (Санкт-Петербург, Россия)

Ерофеева Т.И., доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания, ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» (Пермь, Россия)

Завьялова Е.Е., доктор филологических наук, профессор кафедры литературы факультета филологии и журналистики ФГБОУ ВПО «Астраханский государственный университет» (Астрахань, Россия)

Казиева А.М., доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной и зарубежной литературы ФГБОУ ВПО «Пятигорский лингвистический университет» (Пятигорск, Россия)

Карими-Мотаххар Джанолах, профессор кафедры русского языка и литературы, Тегеранский университет (Тегеран, Иран)

Котельников В.А., доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской Академии наук, Отдел новой русской литературы (Санкт-Петербург, Россия)

Мохаммади Мохаммад-Реза, доцент кафедры русского языка, Университет тарбият модаррес (Тегеран, Иран)

Шустова С.В., доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания, ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» (Пермь, Россия)

Яхьяпур Марзие, профессор кафедры русского языка и литературы, Тегеранский университет (Тегеран, Иран)

Основан в 2013 году.

ISSN печатной версии 2345-2498

ISSN электронной версии 2476-3500

Тегеран - Иран

<http://www.journaliarll.ir>

Международный редакционный совет:

Алоэ Стефано, доктор филологических наук, профессор русской литературы и славяноведения, департамент иностранных языков и литератур, Университет г. Вероны (Верона, Италия)

Брода Мариан, доктор гуманитарных наук, профессор кафедры европейских исследований, Лодзинский университет (Лодзь, Польша).

Видмарович Наталия Петровна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Отделения восточнославянских языков и литератур Философского факультета Загребского университета (Загреб, Хорватия)

Кошемчук Татьяна Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Санкт-Петербургский аграрный университет (Санкт-Петербург, Россия).

Лепяхин Валерий Владимирович, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии Сегедского университета (Сегед, Венгрия).

Люцканов Йордан Димитров, доктор русской литературы, доцент Института литературы Болгарской академии наук (София, Болгария).

Мелвилл Фируза Ибодуллаевна, доктор филологии, Директор Центра Иранистических исследований, Пемброк Колледж, Кембриджский университет (Кембридж, Великобритания).

Модебадзе Иринэ Игоревна, доктор филологии, старший научный сотрудник Отдела теории литературы и компаративистики, Институт грузинской литературы им. Шота Руставели (Тбилиси, Грузия)

Молнар Ангелика, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Западновенгерский Университет (Сомбатхей, Венгрия)

Моторин Александр Васильевич, доктор филологических наук, профессор, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород, Россия).

Нагзибекова Мехриниссо – доктор филологических наук, профессор, Таджикский национальный университет (Душанбе, Таджикистан)

Никё Мишель, доктор филологических наук, профессор Университета Кана-Нормандии (Кан-Нормандия, Франция)

Савада Кадзухико, доктор филологических наук, профессор гуманитарного факультета, Государственный университет Сайтама (Сайтама, Япония)

Исследовательский Журнал Русского Языка и Литературы

"Исследовательский журнал русского языка и литературы" издается в Иране с целью публикации оригинальных исследований, посвященных русскому языку и литературе. Содержание статьи должно соответствовать тематике журнала. Принимаются статьи, подготовленные в следующих областях: общее языкознание, сравнительное и сопоставительное языкознание, социо- и психолингвистика, функциональная грамматика, литература, сравнительное литературоведение, лингводидактика, переводоведение.

Требования к оформлению статьи:

- Присланные статьи должны быть результатами исследований автора (авторов) статьи.
- Язык журнала – русский.
- К изданию принимаются статьи, ранее нигде не публиковавшиеся.
- Поступившие в редакцию материалы возврату не подлежат.
- Структура статьи: название, аннотация (120-140 слов), ключевые слова (5-7 слов), введение, основной текст, заключение и список использованной литературы (на русском и английском языках). Основной текст не должен быть менее 3000 и более 4000 слов.
- В начале статьи помещаются: полное название статьи, имя и фамилия, место работы, ученая степень, звание, адрес электронной почты, телефон автора (авторов).
- Сведения о цитируемых источниках в тексте статьи приводятся в скобках, включая фамилию автора, год издания источника и номера страниц (Иванов 2013. 92).
- В библиографических ссылках приводятся обязательные элементы описания в строгой последовательности по алфавитному порядку фамилий авторов нижеследующим образом:
Книга: фамилия, дата издания (в скобках), название основного и неглавного произведения (набираются курсивом), место издания, издательство.
Статья: фамилия, имя, дата издания (в скобках), название статьи, название журнала или сборника статей (набираются курсивом), год и номер журнала, место издания и издательства для сборника статей первая и последняя страницы статьи.
Интернет-источники: фамилия, имя, название произведения, полный адрес интернета (сайта), дата обращения.
- Материалы предоставляются в следующем виде: в редакторе Word 1997–2003; шрифт “Times New Roman”; основной текст – кегль 14; интервал 1,5; верхнее и нижнее поля –2,5 см; левое поле –3 см, правое поле –1,5 см; отступ (абзац) – 1,25 см.
- Вы направляете статью на электронный адрес главного редактора: myahya@ut.ac.ir, journaliarll@gmail.com

Sponsored and Indexed by
CIVILICA
We Respect the Science

پایگاه استنادی علوم جهان اسلام

SID

"Лицензионный договор с ООО НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ
БИБЛИОТЕКА от 26 января 2016 г. № 18-01/2016 на размещение
журнала в РИНЦ."
http://elibrary.ru/title_about.asp?id=56226

"License agreement with LLC SCIENTIFIC ELECTRONIC
LIBRARY of January 26, 2016 No. 18-01 / 2016 for the publication
of the journal in the RINC."
http://elibrary.ru/title_about.asp?id=56226

Persian Poetry in the Perception of Wilhelm Küchelbecker

Aloe Stefano Vinchencovich¹

Professor, University of Verona,
Verona, Italia.

(date of receiving: January, 2018; date of acceptance: October, 2018)

Abstract

The interest in the poetic traditions of the Middle East is a widespread phenomenon in Russian culture and literature of the first half of 19th century and particularly this attention was high in the Romantic period. But, generally speaking, it is possible to identify this interest as short-lived one, as a mere trend that leave few traces in the subsequent literary taste. Among the most remarkable exceptions is the well-known writer Alexander Griboedov, who was able to speak many foreign languages, including Persian and Arabic. The case of his friend and comrade Wilhelm Kuchelbecker is less well-known. Kuchelbecker knew neither Persian nor Arabic, but he was actively interested in the poetry of the Middle East and in particular the poetry of Ferdowsi and Saadi, which influences the compositions and poetics of some of his own works of the 1920s and 30s.

Keywords: Wilhelm Küchelbecker, Alexander Griboedov, Ferdowsi, Persian Poetry, Johann W. Goethe.

---

1. E-mail: stefano.aloe@univr.it

Персидская поэзия в восприятии В.К.Кюхельбекера

Алоэ Стефано Винченцович¹

Профессор, Университет г. Вероны,

Верона, Италия.

(дата получения: январь 2018 г.; дата принятия: октябрь 2018 г.)

Аннотация

Интерес к поэтическим традициям Ближнего Востока – довольно распространенный феномен в русской культуре и словесности первой половины 19 в., а, в частности, в краткий период распространения идей романтизма. Однако в большинстве случаев можно ограничить такой интерес уровнем скоротечной моды, не оставляющей значительных следов в литературном вкусе. Среди исключений есть известный пример А.С. Грибоедова, одного из немногих русских литераторов, которые владели такими языками, как персидский и арабский, среди прочих. Не так известен случай В.К. Кюхельбекера, друга и соратника Грибоедова. Кюхельбекер упомянутых языков не знал, но активно интересовался поэзией Ближнего Востока, и в частности поэзией Фирдоуси и Саади, что повлияло на композицию и поэтику некоторых его собственных произведений 20-х – 30-х гг.

Ключевые слова: В.К. Кюхельбекер, А.С. Грибоедов, Фирдоуси, персидская поэзия, Й.В. Гёте.

---

1. E-mail: stefano.aloe@univr.it

Введение

Интерес к поэтическим традициям Ближнего и Среднего Востока – довольно распространенный феномен в русской культуре и словесности первой половины XIX в., а в частности в краткий период распространения идей романтизма. Без сомнений, и за редчайшими исключениями, источники этого интереса не были прямыми – Россия той эпохи всё принимала через посредничество Западной Европы: среди самых влиятельных источников были «Западно-Восточный Диван» Й.В. Гёте (первое издание – 1819, второе изд. – 1827) и поэмы Дж.Г. Байрона того же периода, но стоит иметь в виду, что «в 20-30-е гг. XIX в. интерес к Востоку был столь велик, что переводы «филологического» направления с арабского и персидского публиковались время от времени и в журналах для широкой публики» (Чалисова, Смирнов 2000. 267). В восприятии русской культурой этих и подобных произведений часто ощущается легкость скоротечной моды в духе романтического ориентализма, не оставляющей значительных следов в национальном литературном вкусе. Но самая геополитическая и культурная специфика России способствовала смешению европейского ориентализма с непосредственными попытками внедрения в «поэтику» Востока, в поиске точек соприкосновения русской «народности» с соседними цивилизациями. Оригинальными фантазиями над русско-восточными темами являются, например, «Сказки» А.С. Пушкина, создающие определенный канон в русской культуре. Можно еще упомянуть литераторов-ориенталистов, владеющих такими языками, как персидским и арабским: среди них О.И. Сенковский, Ф.Б. Булгарин и, пожалуй, самый известный, А.С. Грибоедов. Особенно значимым был вклад последнего в поэтике молодых поэтов поколения Пушкина, так называемых «славян» (как они сами себя иногда определяли) или «архаистов» (как их знает история русской литературы вслед за Ю.Н. Тыняновым – ср. Тынянов 1929). Один любопытный, но малоизвестный пример активного

интереса к поэтике Востока, а в частности к персидской поэзии вводится к творчеству В.К. Кюхельбекера, который с другом Грибоедовым разделял ряд идей относительно литературы и языка. По следам Грибоедова, Кюхельбекер в начале 20-х гг. XIX в. искал то, что можно было бы назвать «библейско-восточным путем» к новой русской поэзии.

Основная часть

Своеобразие образования и литературной ориентации Кюхельбекера были причиной одновременно уважения и насмешек внутри его творческой среды в начале 20-х гг., в период, когда в нее вступил молодой поэт и теоретик саксонского происхождения. Авторитетность Кюхельбекера основывалась на его эрудиции, смелости и фантазии, и он один из первых стал проповедником романтизма в России. За его характер и экстравагантность некоторых его поэтических опытов его в то же время многие принимали за чудака. В литературной традиции эта вторая черта прочно утвердилась, затмевая первую. Этому способствовало в том числе и факт, что после активного участия в «декабристском восстании» 1825 г. Кюхельбекер провел всю остальную жизнь далеко от культурных центров, без возможности продолжать свою деятельность внутри сферы литераторов. Его забыли. А современники, как в первую очередь Пушкин и Грибоедов, высоко ценили его литературный труд, хоть и не всегда его одобряли.

Главная тема поэтических исканий Кюхельбекера в начале 20-х гг. была связана с созданием нового литературного языка, способного принять в себе в качестве генетических основ два начала: церковнославянскую, «высокую» традицию и народную, «низкую» традицию. Очень близкий к убеждениям П.А. Катенина и еще больше А.С. Грибоедова, Кюхельбекер видел в сочетании этих двух богатых, но отдельных традиций путь к современному и совершенному литературному языку и к выражению русской народности.

Одно из направлений этих исканий было связано с развитием «библейского» стиля церковного происхождения в конфликтном сопоставлении с классической традицией европейского вкуса, с целью решения же конфликта через синтез этих двух стихий (ср. Тынянов 1939. XXXII). Говоря о «библейском» стиле имеется в виду не только то, что связано с церковнославянской Библией, но и переводы из восточной (персидской, арабской) поэзии и первые, влиятельные русские переводы Корана, появившиеся в 1790 и 1792 гг. и характеризованные нарочито церковнославянской лексикой и стилистикой (Книга Аль-Коран 1790; Ал Коран 1792). Приближению к богатой сокровищнице восточной поэтической традиции способствовало для Кюхельбекера несколько обстоятельств: во-первых, возможность читать на родном немецком языке «Диван» Гёте, инспирированный персидской любовной поэзией и в первую очередь Хафизом; во-вторых, влияние поэта-ориенталиста Грибоедова, знатока персидской культуры и литературы; в-третьих, распространение переводов и подражаний в русских и западных журналах эпохи; и в-четвертых, пребывание поэта с декабря 1821 до мая 1822 г. на военной службе в Тифлисе, где он, под покровительством того же Грибоедова, смог лично познакомиться со многими деятелями культуры Кавказа, в том числе с азербайджанским поэтом и просветителем Абас-Кули-ага Бакихановым, и довольно глубоко проник в мозаику кавказских культур (Попов 1951. 181-189), в лоне которой престиж персидской традиции был живым и осязаемым. Тифлисская среда оказалась неожиданно вдохновляющей для Кюхельбекера. Прежде всего, его внимание сосредоточено на возможности общения с Грибоедовым, который, как он писал матери по прибытию в Тифлис 18 декабря 1821, «очень талантливый поэт, и его творения в подлинном чистом персидском тоне доставляют мне бесконечное наслаждение» (Тынянов 1939. XXVII). А к сестре Кюхельбекер писал в тот же день о своей надежде «быть посланным секретарем при

посольстве в Персию» (Там же). Однако судьба сложилась иначе, и не только не ввела его в Персию, но и удалила скоро из Кавказа в последствии одного скандала, устроенного вспыльчивым поэтом на службе.

Несмотря на то, что пребывание Кюхельбекера в Тифлисе было довольно кратковременным, оно сильно подействовало на его литературное сознание. Один из результатов – появление «персидской темы» в его творчестве и в теоретических статьях, опубликованных в период 1824–25 гг. Показательно высказывание из его самой известной статьи под названием «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие» (1824): «При основательнейших познаниях и большем, нежели теперь, трудолюбии наших писателей Россия по самому своему географическому положению могла бы присвоить себе все сокровища ума Европы и Азии. Фердоуси, Гафис, Саади, Джами ждут русских писателей». (Кюхельбекер 1979. 458). А в одной рецензии 1825 г. он, сопоставляя своего кумира Шихматова Кальдерону, замечал, как «цветущий слог и того и другого представляет одинакий отпечаток восточной роскоши; краски их пламенны; мысли утонченны; иносказания, олицетворения, уподобления в их творениях во множестве. Оба они, подобно поэтам Азии, любят играть словами», заключает Кюхельбекер, уподобляя их по избытку остроумия Гафису и Шекспиру (Там же. 482).

Не иначе действует Кюхельбекер в своем собственном творчестве. Дружеское восхищение Грибоедовым уже в 1823 г. отразилось в стихотворении «А.С. Грибоедову (при пересылке к нему в Тифлис моих “Аргивян”»)» и в замысле поэмы, так же ему посвященной, в которой превозносились великие качества, как поэтические, так и гражданские, молодого русского дипломата и поэта. Поэма вероятно никогда не была написана, за исключением программно введения, известного под названием «Начало поэмы о Грибоедове». В этих двух произведениях поэтика Востока, а в частности веяние персидской поэзии, выступает как один из характерных компонентов, предложенных Кюхельбекеровым для обновления русской

поэзии под знаком «певца» Грибоедова. Своей душе в упомянутом стихотворении Кюхельбекер велит:

*Предстань певцу в прозрачной тьме
На тихом значном том холме,
Где ныне, может быть, он запах Гулистана
Вбирает жадною душой,
Где старец вечно молодой,
Где музы пышные святого Фарзистана
Парят над вещею главой!* (Кюхельбекер 1967. 170)

Таким образом, душа поэта-отправителя, находит в душе поэта-адресата отголоски «старца вечно молодого», то есть Саади, как сам автор аннотирует в рукописи. Встреча с другом-певцом над землями «святого Фарзистана» составляет момент сплетения двух поэтических традиций – персидской и античной – так как к «музам пышным» персидской поэзии он приносит свою трагедию «Аргивяне», и

*Поэту я вручу камен ахейских дар:
Не он ли воспитал во мне их чистый жар?
Они его: моя прекрасная Аглая,
Мой пылкий Протоген, мой гордый Тимофан.
Им был мне новый пламень дан! (Там же.)*

В этом сплетении есть попытка осуществить программу самого Грибоедова создания синкретической поэтики, объединяющей в русской словесности наследие античной поэзии с библейско-восточным наследием о котором сказано выше.

Увлечение колоритом Персии еще сильнее в начальном отрывке оставшейся ненаписанной поэмы о Грибоедове. Главные черты этого интереса – раскрытие прелести персидской поэтической традиции (разумеется, в

переводах на разные языки, поскольку Кюхельбекер, в отличие от Грибоедова, не владел фарси); сильные личные впечатления от многоэтничной пестроты Кавказа, с которым поэт ассоциирует и земли Ирана как культурный макро-ареал; типичные для Кюхельбекера филологические способности и эрудиция, объясняющие его настоящее «наслаждение» звучанием персидских топонимов, имен, слов. Такими именами и словами изобилует это небольшое начало поэмы, они не только участвуют в стилизации произведения из-под восточной поэзии (в повествовательном вымысле поэмы рассказ ведет персонаж по имени Абаз, вероятно моделированный по личности Бакиханова), они вызваны раскрыть читателю звуки другого языка – фарси:

*Тебя могу ли вспомнить, Дара,
Владыка всех подлунных стран,
Тебя, Хожроев бранный стан,
Вас, битвы грозного Шапура?
Здесь на берегах плененных Кура
Гремит оружием урус... (Там же. 347).*

Кюхельбекер особенно любил поэтические триады, им придавал собирательное значение и роль заключенного совершенства (см. Алоэ 2003); здесь через триаду героинь – «Зулейка, Мириамь, Ширинь, / Цветы утраченного рая» он создает образ Пантеона восточной поэзии, с намеком на поэмы Джамии «Юсуф и Зулейка» и Низами «Хосров и Ширин»: «Пусть миг один в саду земли, / Благоухая, вы цвели»... (Там же. 347).

В подобной картине, фигура Грибоедова («Исандера») вписывается как образ типично романтического (почти байроновского) героя:

*...кто сей молодой гаур,
Потерянный в толпе безумной,
Валящей по мосту чрез Кур? –*

*Задумчив средь заботы шумной
Армян, евреев и грузин,
Он в многолюдстве их один
Идет нескорыми шагами
И смотрит тихими очами
На искры яростных пучин,
Зажженных запада лучами.* (Кюхельбекер 1967. 348).

Тому, что интерес Кюхельбекера к особенностям языка фарси, пусть ему неизвестного, был не совсем поверхностным свидетельствуют попытки, сами по себе вполне эмпирические и неточные, передавать персидские слова в формах близких к фонетике оригинала, отличая, например, русского звука 'ch' от персидского 'h' в топониме «Таеран». Разумеется, такое решение далеко от научного отражения фонетики фарси, но задача поэта была в данном случае скорее дифференцировать два языка, чем указать на точное фонетическое свойство слова; важнее было показать его приблизительно достоверное и тем самым специальное, «нерусское», произношение. Такое же решение встречаем и в других страницах Кюхельбекера: так, например, в его «Дневнике» читаем «Ша-Наме» вместо уже в ту эпоху обычного в русской традиции «Шах-Наме» (ср. Кюхельбекер 1979. 76).

Поэме о Грибоедове, начатой в 1822 или 1823 гг., не было суждено быть осуществленной, но интерес Кюхельбекера к поэтике Востока не уменьшилось и, как уже было упомянуто, отразилось в его деятельности критика и теоретика литературы. Вообще, он в период 1824–25 гг. сосредоточил свои силы, прежде всего, на издании, вместе с В.Ф. Одоевским, литературного и философского альманаха «Мнемозина», в котором и появились его теоретические статьи и разборы чужих произведений. Это момент максимального успеха и авторитета Кюхельбекера и прерывается мгновенно с

декабристским восстанием и последующими побегом и арестом поэта в Варшаве в начале 1826 г.

По завершению дела декабристов и осуждения, Кюхельбекер проводит кризисный период в строгом режиме заключения, без возможности писать и общаться и во внутренней борьбе с сильными сомнениями по поводу происшедших событий. Из этого глубокого кризиса поэт начинает выходить благодаря новому, грандиозному и слишком амбициозному замыслу поэмы «Давид», по сути явившейся развитием и продолжением брошенного замысла поэмы о Грибоедове. В условиях заключения в разных казематах Прибалтики, Кюхельбекер на этот раз смог довести до завершения свой замысел, и в период между 1826 и 1829 гг. поэма «Давид» была написана. На ее основе очередной раз лежит грибоедовский импульс: на первых страницах первого выпуска альманаха «Мнемозина», в 1824 г., Кюхельбекер опубликовал небольшое стихотворное произведение Грибоедова по тому же названию – «Давид». Для Грибоедова сначала, а теперь для Кюхельбекера, ветхо-заветная фигура царя-пророка Давида становилась ключевой, поскольку в Давиде оба поэта видели черты, необходимые для соединения разных поэтических и литературно-языковых традиций русской словесности и мощный гражданский и политический символ. На этот синкретический проект, о котором было уже выше сказано, Грибоедов и Кюхельбекер возлагали основные надежды создания литературного канона новой эстетической и идеальной концепции, но крепко связанного с корнями русской истории и словесности. Соединение античного и библейского начал служило для Кюхельбекера еще и орудием для преодоления догматизма старых правил, стилей и жанров во имя романтической триады «свободы, изобретения и новости» (Кюхельбекер 1979. 457). Это то, что изначально Пушкин воспринимал с острой иронией – ср. в письме А.С. Пушкина Л.С. Пушкину от 4 сентября 1822 г.: «Только в его [т.е. Кюхельбекера] голову могла войти жидовская мысль воспевать Грецию,

великолепную, классическую, поэтическую Грецию, Грецию, где всё дышит мифологией и героизмом, – славянорусскими стихами, целиком взятыми из Иеремия»... (Пушкин 1982. 17) – но вскоре сам Пушкин по-своему усвоил и усовершенствовал итоги опыта друга.

Возвращаясь к поэме «Давид», до сих пор не полностью опубликованной, речь идет о громадном произведении около 10.000 стихов, в центре которого, помимо освещения известной истории о юном пастухе, ставшем царем Израиля, стоит большой полностью придуманный эпизод «Единоборства Гомера и Давида», составляющий Книгу VIII поэмы. Здесь чрезмерно вольная фантазия поэта воображает поэтическое единоборство, организованное царем Анхусом, основателем Тройи: две поэтические традиции, представленные Гомером и Давидом, «дуелируют» перед царем! Победителем странного единоборства будет Давид, воспевающий Всевышнего и Милосердного Бога и таким образом сумевший прибавить «восторгу» и «вдохновению» – в не меньшей степени свойственным и его антагонисту – Божие освящение, единственно способное воплотить смыслом те же вдохновение и восторг.

В концепции поэмы «Давид» Кюхельбекер вложил плоды своего интереса к поэтике Востока, но тематика поэмы могла только косвенно касаться арабо-персидской поэтической традиции. К тем же идеям поэт вернулся в следующие годы уже с более конкретным вниманием к специфике персидской литературной традиции, которую он и в тюрьме продолжал активно изучать через журналы и книги, присланные ему родственниками и друзьями относительно часто. Самый значимый творческий плод этих усилий – поэма «Зоровавель», написанная в 1831 г. и неоднократно подвергающаяся переработке в течение следующих лет. Перед тем, как заговорить об этой поэме уместно уточнить по возможности уровень знаний Кюхельбекера в том, что касается арабо-персидской поэтической традиции в начале 30-х гг. Это можно проследить на основе тюремного «Дневник».

Филологический талант Кюхельбекера явствует из записи «Дневника» от 1-го января 1832 г., в которой он, по прочтению повести о Еруслане Лазаревиче, замечает:

в этой сказке точно есть отголоски из "Ша-Наме"; ослепление царя Картауса (у Фирдоуси царь называется Кавусом) и его богатырей и бой отца с сыном, очевидно, перешли в русскую сказку из персидской поэмы. <...> хотелось бы мне послушать "Еруслана Лазаревича" из уст простолюдина, в приволжских губерниях; почти уверен, что тут бы я нашел еще более следов азиатского происхождения этой сказки.
(Кюхельбекер 1979. 76).

Этим своим мимоходным наблюдением Кюхельбекер первым раскрыл первоисточник древнерусской сказки (См., например, (Топоров 2006. 511). Другие дневниковые записи подтверждают устойчивость интереса поэта к восточной поэзии. Например, в записи от 26 февраля 1832 г., после прочтения поэмы «Птицы и цветы» Ацц-Эддин Эльмокадесси, он перечисляет лучших, по его мнению, авторов арабской поэзии (Кюхельбекер 1979. 103). А в одном письме племяннику Б.Г. Глинке от 21 декабря 1833 г. он написал большой список книг, которые он желал бы получить в тюрьму, среди которых встречаются немецкий перевод «Schach-Nameh» и «на каком-нибудь известном мне языке, то есть французском, английском или немецком, перевод *Корана*» (Кюхельбекер 1979. 713). Но в принципе, основные сведения Кюхельбекера об арабско-персидской литературной традиции относятся еще к 20-м гг., и только эпизодично мог он пополнять их будучи заключенным. Персидская тема особенно выросла в его творческом мире после известия о гибели Грибоедова в Тегеране в 1829 г. и осуществилась в вышеупомянутой поэме 1831 г. «Зоровавель», входящей в более широкий незавершенный замысел под названием «Русский Декамерон». Первая часть этого рамочного сборника, придуманного, как одноименный средневековый шедевр Боккаччо, в

духе восточных верениц новелл, была отправлена Кюхельбекером Пушкину, который смог через несколько лет ее опубликовать анонимно под названием «Русский Декамерон 1831 года». Следуя боккаччевой схеме, каждое произведение сборника сопровождается диалогами между молодыми аристократами, обсуждающими разные темы и сюжеты в условиях изоляции из-за эпидемии холеры. Поэма «Зоровавель» – первое произведение сборника и поэтому было опубликовано при жизни автора, то есть в пушкинском издании 1836 г. Главным героем повествовательной рамки «Русского Декамерона» выступает поэт Чинарский (выдуманная фамилия явно активизирует восточный подтекст), который в своих убеждениях близко напоминает Грибоедова и самого Кюхельбекера. В сюжете «Русского Декамерона» Чинарский читает гостям деревенского дома поэму, которую он сам сочинил в Тифлисе: «Предмет моего рассказа из персидской истории, происшествие персидское, нравы также, самому слогу я старался придать нечто восточное, персидское» (Кюхельбекер 1979. 510). Беседа оживляется и вопросы гостей позволяют Чинарскому уточнить дух и исторические рамки своей поэмы, касающейся древней Персии в первые годы царствования Дария Истаспа. Впрочем, большею частью я следовал источникам не греческим и посему и Дарию и Персии возвратил их настоящие, народные имена: первый у меня везде Дара, сын Густаспов, вторую почти везде называю Ираном. <...>. Когда называю Иран царством света, как называет его иранец Фирдоуси, противопоставляя свое отечество царству мрака, Турану, нынешнему Туркестану, когда упоминаю о Рустме, Зале, Феридуне, героях, славных в одних иранских сказаниях; когда употребляю везде, сколько был в силах, краски поэтов восточных: могу ли я присвоить имена ненародные тому царю, той земле, о которых рассказываю? (Там же).

Следует в беседе ряд объяснений по поводу религиозного дуализма древней Персии и происхождения царя Кира. Неоднократно упоминается «Ша-Наме», то есть «Книга Царств, поэма Фирдоуси́, персидского Гомера, в

которой он повествует деяния баснословных царей иранских...». (Там же. 512). Педантизм Чинарского во многом повторяет черту его автора и серьезно замедляет чтение диалога. Мы получаем прямое свидетельство о других важных источниках Кюхельбекера, так как в ходе беседы упоминаются еще «Лалла-Рук» Томаса Мура и «Западно-восточный Диван» Гёте; таким образом, от эпики Фирдоуси разговор переходит к любовной лирике Джами и Хафиза:

Все это прекрасно – говорит Графиня – но, признаюсь, мне было бы гораздо приятнее, если бы вместо всех этих Дар и Густаспов вы нам сказали слова два о Пери, о Дивах, о любви Розы и Соловья, о волшебной природе востока, которую так прелестно изображает Мур в "Лалла-Рукке". <...>. По крайней мере, хоть воображением залетим в сады Тузские и вберем в себя благоухание розы Кашемира, прекраснейшей из всех цветов земных! (Там же. 513).

Сама поэма «Зоровавель» подтверждает характерный синкретизм Кюхельбекера, смешивая в себе библейский сюжет (из второй книги Эздры, 3–4) с историческими знаниями о древней Персии и колоритом мусульманского Ирана. Как в случае поэмы «Давид», в центре произведения стоит ораторское соревнование, на этот раз между тремя юными слугами царя Дария (Дара). Но настоящий повествовательный центр поэмы находится, пожалуй, в сюжете о персидском народном рассказчике, который собирает толпу слушателей в городе Тавризе, оккупированном русскими войсками во время русско-персидской войны 1829 г.

*Да даст Алла
Устам моим благословенье!
Да будет речь моя светла
И стройно слов моих течение!
<...>.*

*Нет, Рустма, Зама, Феридуна
Не славлю: слаб, бессилен я;
Их славить нужны блеск перуна,
Морей обилье, глас громов...»* (Кюхельбекер 1967. 475).

Почти все в поэме подвергается стилизации с позиций восточного рассказчика. Молодой еврей Зоровавель описан в духе Джами.

*Как дева нежный, ростом малый;
Его уста, как роза, алы,
Цветов царица, райский цвет,
Который до земли одет
Эдема Тузского шиповник,
К которому летит любовник,
Весенний страстный соловей
И, сокровен от всех очей,
В душистой тьме поет и стонет
И в море сладкозвучья тонет.* (Кюхельбекер 1967. 480).

Еще больше, чем в стихах, посвященных Грибоедову в 1822 г., Кюхельбекер в поэме стремится передать с эмпирической точностью особенности произношения персидских слов, считая нужным даже снабжать текст разъяснительными примечаниями: «Персияне в просторечии вовсе не выговаривают сильного придыхательного звука некоторых арабских слов, напр. Аллá, Мао́мет» (Там же. 503). «Персидская» фонетика (согласно поэту, предлагающему варианты ‘Ша-намэ’, ‘Рустм’, ‘Дара’, ‘Куран’, ‘Джемшид’, ‘Зердужт’, ‘Густаси’ и т.п.) и восточная лексика (напр. ‘Калиан’, ‘Хан’, ‘Падиша’, ‘харем’, ‘чубук’, ‘халиф’...) составляют скорее главную стилистическую доминанту текста.

Приближение к поэтике восточной поэзии не могло не привести к стилизации, как сам Кюхельбекер признавал через своего персонажа Чинарского: намерение слить в поэме «поэзии восточную и западную» было заманчивым, но «если подумаю, как мало это удалось даже великому Гете, несмотря на многое прелестное, многое превосходное в его Диване, как везде виден шов, которым у него Запад приделан к Востоку или Восток к Западу, как редко ему случается быть истинным Гафизом, истинным мусульманским книжником, и как везде почти фрак выглядывает из-под его иранского кафтана; если подумаю обо всем этом, как могу еще надеяться, что приблизился к своей цели?» (Кюхельбекер 1979. 515–516).

Заключение

«Зоровавель» – последнее произведение Кюхельбекера, в котором действует архаизированное направление, продиктованное Шихматовым, Шишковым и Грибоедовым в 20-е годы. Поэт останется верным библейской тематике, но уже без такого стремления к славянизмам. Следовательно, потеряет свою функцию и восточная тематика, следы которой можно все-таки еще встретить в «драматической сказке» «Иван, купецкий сын» и в «мистерии» «Ижорский». Кюхельбекер придавал поэме «Зоровавель» большое значение, о чем свидетельствуют его примечания, намеки и записи в течение нескольких лет: недоволен поэмой во многих отношениях, он видимо ощущал в ее недостатках провал целого литературного идеала, заимствованного от Грибоедова. В последний период своей жизни и творчества поэт найдет новый стиль, еще крепко связанный с поэтикой Библии и с церковнославянской литературой, но свободный от излишеств архаизма и поэтому же более современный.

Литература

- 1- *Ал Коран Магомедов* (1792). *Ал Коран Магомедов*, переведенный с арабского на английский Георгием Сейлем. С английского на русский перевел Алексей Колмаков. СПб.: Изд-во «При Имп. Академии Наук».
- 2- Алоэ С. (2003). *Trias poetarum: Пушкин 'покровитель' и Пушкин 'под покровительством' в поэтическом Пантеоне В.К. Кюхельбекера // Болдинские чтения 2002*. – Нижний Новгород: Изд-во «Книги», – С. 77-90.
- 3- *Книга Аль-Коран* (1790). *Книга Аль-Коран аравлянина Магомета, который в шестом столетии выдал оную за ниспосланную к нему с небес, себя же последним и величайшим из пророков божьих*. Перевел с французского Мизайла Веревкин. В Санкт-Петербурге, в типографии Горного Училища.
- 4- Кюхельбекер В.К. (1967). *Избранные произведения в двух томах*. Том первый. М.-Л.: Изд-во «Советский писатель».
- 5- Кюхельбекер В.К. (1979). *Путешествие. Дневник. Статьи*. – Серия «Литературные памятники». Л.: Изд-во «Наука». Ленинградское отделение.
- 6- Попов А.В. (1951). *Бакханов и Кюхельбекер // Ученые записки Ставропольского Педагогического Института*, Кн. 7 – С. 181-189.
- 7- Пушкин А.С. (1982). *Переписка А.С. Пушкина в двух томах*. Том второй. М.: Изд-во «Художественная литература».
- 8- Топоров В.Н. (2006). *Из "русско-персидского" дивана. Русская сказка *301 А, В и "Повесть о Еруслане Лазаревиче" - "Шах-наме" и авестийский "Зам-язат-яшт" (Этнокультурная и историческая перспектива) / Топоров В.Н. Исследования по этимологии и семантике. Том 2: Индоевропейские языки и индоевропеистика. Кн. 2. М.: Изд-во «Языки русской культуры»*. – С. 505-555.
- 9- Тынянов Ю.Н. (1929). *Архаисты и новаторы*. Л.: Изд-во «Прибой».
- 10- Тынянов Ю.Н. (1939). *В.К. Кюхельбекер // Кюхельбекер В.К. Лирика и поэмы*. Том первый. Л.: Изд-во «Советский писатель». С. V-LXXX.
- 11- Чалисова Н.Ю., Смирнов А.В. (2000). *Подражания восточным стихотворцам: встреча русской поэзии и арабо-персидской поэтики // Сравнительная философия*. М.: Изд-во «Вост. лит. РАН». С. 245-345.

Bibliography

- 1- *Al Koran Magomedov* (1792). *Al Koran Magomedov*, perevedennyj s arabskogo na anglijskij Georgiem Sejlem. S anglijskogo na rossijskij perevel Aleksej Kolmakov. SPb.: Izd-vo «Pri Imp. Akademii Nauk».
- 2- Alojé S. (2003). *Trias poetarum: Pushkin 'pokrovitel' i Pushkin 'pod pokrovitel'stvom' v pojeticheskom Panteone V.K. Kjuhel'bekera // Boldinskie chtenija 2002*. – Nizhnij Novgorod: Izd.-vo «Knigi», – S. 77-90.

- 3- *Kniga Al'-Koran* (1790). *Kniga Al'-Koran aravljanina Magometa, kotoryj v shestom stoletii vydal onuju za nisposlannuju k nemu s nebes, sebja zhe poslednim i velichajshim iz prorokov bozh'ih*. Perevel s francuzskogo Mizajla Verevkin. V Sankt-Peterburge, v tipografii Gornogo Uchilishha.
- 4- Kjuhel'beker V.K. (1967). *Izbrannye proizvedenija v dvuh tomah*. Tom pervyj. M.-L.: Izd-vo «Sovetskij pisatel».
- 5- Kjuhel'beker V.K. (1979). *Puteshestvie. Dnevnik. Stat'i*. – Serija «Literaturnye pamjatniki». L.: Izd-vo «Nauka». Leningradskoe otdelenie.
- 6- Popov A.V. (1951). *Bakihanov i Kjuhel'beker // Uchenye zapiski Stavropol'skogo Pedagogicheskogo Instituta*, Kn. 7 – S. 181-189.
- 7- Pushkin A.S. (1982). *Perepiska A.S. Pushkina v dvuh tomah*. Tom vtoroj. M.: Izd-vo «Hudozhestvennaja literatura».
- 8- Toporov V.N. (2006). *Iz "russko-persidskogo" divana. Russkaja skazka *301 A, V i "Povest' o Eruslane Lazareviche" - "Shah-name" i avestijskij "Zam-jazat-jasht" (Jetmukul'turnaja i istoricheskaja perspektiva) / Toporov V.N. Issledovanija po jetimologii i semantike. Tom 2: Indoevropskie jazyki i indoevropistika. Kn. 2. M.: Izd-vo «Jazyki russkoj kul'tury». – S. 505-555.*
- 9- Tynjanov Ju.N. (1929). *Arhaisty i novatory*. L.: Izd-vo «Priboj».
- 10- Tynjanov Ju.N. (1939). *V.K. Kjuhel'beker // Kjuhel'beker V.K. Lirika i pojemy. Tom pervyj*. L.: Izd-vo «Sovetskij pisatel». S. V-LXXX.
- 11- Chalisova N.Ju., Smirnov A.V. (2000). *Podrazhanija vostochnym stihotvorcam: vstrecha russkoj poezii i arabo-persidskoj pojetiki // Sravnitel'naja filosofija*. M.: Izd-vo «Vost. lit. RAN». S. 245-345.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Aloe, S. (2019). Persian Poetry in the Perception of Wilhelm Küchelbecker. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury*, 13, 11-28.

DOI: 10.29252/iarll.13.11

URL: <http://journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/42>

The Role of Phraseology in Studying the Russian Language

Georgieva Stefka Ivanova¹

Professor The Paisius of Hilendar,
University in Plovdiv,
Plovdiv, Bulgaria.

(date of receiving: February, 2018; date of acceptance: June, 2018)

Abstract

In this article possibilities of phraseology in studying foreign languages are considered; in this case, in studying the Russian language. The research of experts in methodology prove the necessity of using phraseology, proverbs, aphorisms and popular wise phrases as essential in learning a foreign language. By acquiring the phrasal unit fund, students get acquainted with the culture of the language as well. Many centers of human perception are activated through learning phrasemes. In this paper phrasemes are considered to be the most “culture-bringing layer” of the language. Phrasemes possess a wonderful mnemonic ability and they help remember as much information as possible. In modern globalization for professional realization, for adequate intercultural communication, people should be familiar with the fund of idiomatic phrases in which the cultural background of the language studied is encoded.

Keywords: Phrasemes, Cultural Code, Thinking in Images, Situation of Use, Intercultural Communication.

---

1. E-mail: stefka3@abv.bg

Роль фразеологии при изучении русского языка

Георгиева Стефка Иванова¹

Профессор, Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского,
Пловдив, Болгария.

(дата получения: февраль 2018 г.; дата принятия: июнь 2018 г.)

Аннотация

В статье рассматриваются возможности фразеологии при изучении иностранного языка, в данном случае при изучении русского языка. В исследованиях методистов доказана необходимость использования фразеологизмов, крылатых слов, афоризмов, пословиц и поговорок в процессе усвоения иностранного языка на всех этапах обучения языку. При усвоении фразем активизируются многие центры восприятия человека. Фраземы обладают прекрасным мнемоническим свойством облегчать запоминание возможно большего числа сведений. В работе фраземы рассматриваются как самый „культурноносный слой“ языка. С усвоением фонда устойчивых единиц любого этноса обучающиеся осваивают и культуру носителей языка. Для профессиональной реализации индивида при современной глобализации, для адекватной межкультурной коммуникации нужно владеть в совершенстве фондом устойчивых единиц, в которых закодирован культурный фон мира изучаемого языка.

Ключевые слова: Фраземы, Код Культуры, Образное Представление, Ситуация Употребления, Межкультурная Коммуникация.

---

1. E-mail: stefka3@abv.bg

Введение

Возможности фразеологии в обучении русскому языку огромные, так как фразеологический фонд любого языка закодировал в своем составе разнообразную лингвистическую и экстралингвистическую информацию. Фразеологию в данном случае мы понимаем в широком смысле этого термина, как синоним термина устойчивое словосочетание. Это законченная и самодостаточная единица (словосочетание, либо предложение), которая может быть или не быть предикативной; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу (*вешать нос, забить козла, быть не в своей тарелке, бабушка надвое сказала, ученье свет – неученье – тьма; хлеб-соль кушай, а добрых людей слушай* и др.). В когнитивной базе социума хранится как сама вербальная единица, так и ее значение, то есть сложно организованная структура смыслов, у которой есть как образная основа, так и свой внутренний синтаксис и она неоднократно воспроизводится в речи. Эти единицы потеряли связь с денотатом и перешли в разряд автономных (*Счастливые часов не наблюдают*), однако тексты, в которых они употребляются, имеют общую коммуникативную ситуацию употребления. Это единица составная, но цельная.

Человеческой природе присуще запоминать яркие образы, в том числе и языковые, а фразеология обладает исключительным потенциалом. Реакция на подобные обороты вполне понятна. Ведь многие слова в славянских языках звучат и значат примерно то же, что и слова в русском, а устойчивые обороты имеют совершенно другое значение (*Ни пуха, ни пера!; /кому-либо/ до лампочки*).

При усвоении фразеологизмов активизируются многие центры восприятия человека. Основными психологическими постулатами памяти являются “изначальная активность субъекта, его включенность в совместную деятельность, ведущая роль мотивации” (Красных 2002. 10). Фразеологизмы

обладают прекрасным мнемоническим свойством облегчать запоминание возможно большего числа сведений.

Основная часть

Мудрость народа, духовный код культуры. Каждый язык имеет в своем составе фонд языковых единиц, которые родились в определенной национальной среде, связаны с рядом экстралингвистических факторов и характерны только для этого народа. Во фразеологии ярче, чем в какой-либо другой системе языка проявляются особенности национального мышления, восприятия мира, его категоризация и концептуализация. „Культура никогда не была и никогда не будет отвлеченно-человеческой, она всегда конкретно-человеческая, то есть национальная“ (Бердяев 1994. 85). Фразеология русского языка увеличивает выразительные возможности языка. Одно дело сказать “Мы тебя не дождались, так как ты слишком опоздал”, а совсем по-другому звучит *Семеро одного не ждут*. Устойчивые единицы характеризуются яркой образностью, эмоциональным зарядом, чего нельзя выразить отдельными словами либо свободными словосочетаниями. И не зря образовались устойчивые словесные комплексы, они передаются от поколения к поколению, они заполняют лакуны языкового пространства. В русском языке много сборников, словарей фразеологизмов, однако фундаментальными были и остаются сборники И.М. Снегирева (1832 г.), М.И. Михельсона (1892–1893 г.), В.И. Даля (1861–1862 г.) и др. Современные исследователи продолжают эту традицию (Мокиенко В.М., Телия В.Н., Шулежкова С.Г., Федоров А.И. и др.). Это сокровища человеческого опыта, мировоззрения, сгустки разума и мысли. В них закодированы нравственные ценности и эталоны поведения людей, базовые оппозиции культуры, такие, например, как “добро – зло”, “хорошо – плохо”, “плюс – минус”, “верх – низ”, „богатство – бедность“, „здоровье – болезнь“ и др. Фразеологический фонд русского языка изначально

аксиологичен. Тематически он связан с бытием народа, обуславливает поведение и любую деятельность, предопределяет оценки, даваемые себе и окружающему миру.

Народная педагогика. Народная мысль – это не результат развития творческой мысли только одного народа. Во фразеологическом фонде каждого языка можно встретить множество заимствованных идиом, пословиц, поговорок, крылатых слов. Многие из них ведут свое начало из Библии (*Ненавидеть зло – бояться Бога* (Притча 8:13); *Бог дал, Бог взял* (Иов, I, 20); *В поте лица твоего будешь есть хлеб* (Быт 3, 19) и др.). В.Г. Белинский, К.Д. Ушинский, Л.Н. Толстой и др. считали, что воспитание должно исходить, прежде всего, из того, что создано народом в веках. Сборники пословиц, поговорок, крылатых слов служили в свое время законом, нормой поведения людей. В них есть свой, специфический свод законов. Рассмотренные нами идиомы относятся к 13 тематическим группам: 1) семья, родители, дети (*Вся семья вместе, так и душа на месте; Умел дитя родить, умей и научить*); 2) вера – грех (*Не так живи, как хочешь, а так живи, как Бог велит; С верой нигде не пропадешь*); 3) труд – лень (*Человек славен трудом; Лень добра не дает*); 4) смелость, храбрость, честь – трусость, страх (*Честь лучше богатства*); 5) правда – ложь (*Правда светлее солнца*); 6) любовь к Родине (*Родину-мать умей защищать*); 7) уважение к старшим (*Кто родителей почитает, тот навеки не погибает*); 8) учение, ум – глупость (*Век живи – век учись*); 9) дружба – предательство, двуличность (*Нет богатства лучше дружбы*); 10) богатство – бедность (*Богатому и черт детей качает*); 11) пьянство (*Вино и мудрых побеждает*); 12) преступление, воровство, убийство (*На воре шапка горит*); 13) отношение к здоровью (*Здоровье лучше богатства*) и др. Идеи народной педагогики, закодированные во фразеологических фондах языков, живут в народной памяти и всегда будут основой развития современной научной педагогики (Георгиева 2004. 59-69).

Афористический фон речи способствует не только усвоению устойчивых словосочетаний и выражений, но и неноминативной информации. Вербальное оформление мысли, языковые образы играют чрезвычайно важную роль в речевом общении, обеспечивая обмен не только идеями, но и эмоциями. Эмоционально-экспрессивное начало в языке очень ярко проявляется именно во фразеологии.

Знакомство с историческими фактами и событиями. В этимологических объяснениях конкретных фразеологизмов содержится информация об истории русского народа. Наблюдения показывают, что это удачный способ их овладением. Ярким примером фразеологизма, основанного на исторических фактах, является фразеологизм *во всю ивановскую* со значениями “1. очень громко (кричать, плакать, храпеть и т.п.); 2. очень быстро, со всей силой (делать что-либо)”. (Ивановская – название площади в Московском Кремле, на которой во времена Ивана Великого громко, во всеуслышание оглашались царские указы и распоряжения). Фразеологизм *казанская сирота* в значении “человек, прикидывающийся несчастным, обиженным, беспомощным и т.п., чтобы разжалобить кого-либо” связан с взятием Иваном Грозным Казани – столицы Казанского ханства. В своих прошениях к царю казанские мирзы, чтобы добиться определенных благ, жаловались на свою судьбу, за что в народе и назвали *казанскими сиротами*. Пословица *Москва слезам не верит* употребляется в ситуации, когда чьи-либо жалобы не вызывают сочувствия и связана с возвышением Московского княжества, объединения русских земель вокруг Москвы. Пополнение государственной казны шло за счет больших поборов с городов. Челобитники в слезных жалобах просили царя о справедливости, но тщетно. По всей вероятности, при подобных ситуациях в русском языке появились и устойчивые выражения: *Москву не разжалобишь, Москва по чужим бедам не плачет, Москва слезам не верит* и др.

В образной основе фразеологизма закодирована **информация об обычаях русского народа** (*подносить соль-хлеб; встретить хлебом-слью; хлеб да*

соль!; *перемывать косточки*); **заговоры, заклинания** (*заговаривать зубы*), **верования и мифологические представления** русских (*после дождичка в четверг; ни пуха, ни пера; с левой ноги встать*). В образной основе фразеологизма лежит конкретное словосочетание (“конкретно-чувственный образ”), это творческий акт речи и мысли, который позволяет увидеть взгляд народа на мир, она “показывает, как представляется человеку его собственная мысль” (Потебня 1989. 98). Однако общественная функция языка определяет тот факт, что значение фразеологизма подчиняет себе его внутреннюю форму, и отвлечение от исходного образа способствует его забвению. Автоматизм нашей речи необходим для выделения цели высказывания, что порождает условность словесных знаков. История каждого фразеологизма – это уникальная цепочка смысловых обобщений, сдвигов, преобразований, зачастую далеко уводящих его значение от этимологического истока. Изучение этимона фразеологизма позволяет вскрыть ход познавательной мысли этноса и оценить философию обобщения первичного словосочетания. Даже образованные по одной и той же модели фразеологизмы указывают на разный взгляд людей на одни и те же явления (*яблоку негде упасть; шагу негде ступить; иголку негде воткнуть*).

Устойчивые словесные комплексы знакомят изучающих язык с **народным творчеством**. Часть ФЕ возникла из народных сказок и из былин: *молочные реки и кисельные берега; сказка про белого бычка; царевна Несмеяна; мальчик с пальчик; по щучьему велению; Баба Яга; Кащей Бессмертный; Илья Муромец* и др. В них есть элементы лингвофольклористики, лингвокультурологии, этнолингвистики, когнитивной лингвистики. Знакомство со сказочной концептосферой русской народной сказки раскрывает черты менталитета русского этноса, выявляет его национальные особенности. Связь фразеологизма с текстом сказки закрепляет в языке устойчивые формы с внеязыковой информацией, что особенно важно

при изучении русского языка как иностранного. Главный герой русских народных сказок – *Иванушка-дурачок* (Он выглядит дураком, но оказывается самым умным в критические минуты, ухитряется победить всех врагов, ищет справедливость и правду). Это человек добрый, терпеливый, нетрадиционно мыслящий и верный ценностям своих предков), а главный герой болгарских народных сказок – б. *Хитър Петър* – р. *Хитрый Петр; Хитрец Петр* (Он ироничен, хитер и всегда обводит всех вокруг пальца; он противопоставлен своему хозяину). В этих героях, видимо, и ключ к национальному характеру.

Образец языковой формы. Начиная с первых занятий по грамматике и лексике языка можно включать образные выражения. Грамматический (морфолого-синтаксический) аспект в лингводидактическом плане связан с соотносительностью фразеологизмов с различными частями речи, а также с некоторыми грамматическими явлениями, представляющими определенную трудность для болгарских учащихся. Говоря о соотносительности фразеологизмов с различными частями речи, Л.Г. Павловская отмечает, что “изучение морфологических свойств фразеологических единиц, выявление их специфики по сравнению со словом происходит с имплицитным учетом морфологических парадигм фразеологизмов: предложно-падежные формы компонентов-существительных, видо-временные формы компонентов-глаголов и прочее” (Павловская 2000. 32). В частности, в грамматическом аспекте для болгар, изучающих русский язык, встречаются трудности в усвоении предложно-падежных форм существительных, видовых форм глаголов, поэтому преподавателю важно иметь списки фразеологизмов, на основе которых он может осуществлять презентацию и закрепление актуализируемого грамматического материала, например: *как рыба в воде; ловить рыбу в мутной воде*, а также списки фразеологизмов с компонентами-глаголами, имеющими формы как совершенного, так и несовершенного вида: *пялить глаза – выпялить глаза; клевать носом – клонуть носом* и т.п. Яркий образ

фразеологизмов способствует быстрому и прочному запоминанию конструкций, а включая их в речь на русском языке с первых же занятий, стимулируется изучение языка. На продвинутом этапе обучения при изучении лексико-семантических явлений удачной формой иллюстрации являются фразеологизмы, в которых эти явления представлены, например, многозначность (*поднять на ноги*: 1. привлечь внимание, нарушая спокойствие; 2. вылечить /больного/; 3. вырастить, воспитать детей; 4. улучшить, привести к успешному положению); омонимия (*закрывать глаза* – “скрыть от кого-либо что-либо и *закрывать глаза* – “умереть”), синонимия (1. синонимия компонентов: *стыд и срам; до поры до времени*, 2. синонимия на семантическом уровне: *в два счета – в мгновение ока; гонять лодыря – считать галок – бить баклуши*), антонимия (1. на уровне компонентов: *с открытыми глазами – с закрытыми глазами; на собственный счет – на чужой счет*; 2. на семантическом уровне: *в двух шагах – за тридевять земель; рукой подать – у черта на куличках*). Эти языковые формы нравятся учащимся. Возможности их изучения и включения в разговорную речь растут с усвоением языком. Это очень удачная форма иллюстрации разных языковых явлений и для продвинутого этапа обучения.

Культура народа. Фразеологизмы фиксируют факты истории, географического расположения, законов природы, веры, быта и др. (*Москва не сразу строилась, Тяжела ты, шапка Мономаха, Иван Сусанин* и др.). В устойчивых словесных комплексах зафиксирован, прежде всего, коллективный опыт людей, это мнение народа (*Шила в мешке не утаишь; Цыплят по осени считают; Долг платежом красен; Повторение – мать учения* и т.п.), на них сказываются и особенности национальной культуры, что иногда затрудняет перевод на другой язык. Ср., например, образность русского фразеологизма *Язык до Киева доведет*, и болгарского эквивалента *С питане до Цариград се стига* или /р/ *бабушка надвое сказала* – /б/ *я го бъде, я не, /р/ без сучка без*

задоринки - /б/ (всичко върви) като по вода и др. Язык является превосходным средством передачи мнестических следов из поколения в поколение.

Структура фразеологического знака многокомпонентна и связана с конкретным языком, мышлением и объективным миром. Компоненты фраземы имеют национальную специфику: система языков разная, хотя это славянские языки (болгарский язык относится к языкам аналитического типа, а русский – язык синтетического типа), однако культурно-исторические факты интерпретируются селективно, они имеют „выход“ в объективную действительность, связаны с базовым словосочетанием, с актуальным контекстом устойчивого словосочетания (Георгиева 2011. 38). Во фраземах закодированы значимые для этноса элементы объективного мира, которые связаны с восприятиями людей. Иллюстрацией этого является образная основа фразем, которая относится к когнитивной сфере и определяется, прежде всего, характером мышления народов, например, *ни тпру ни ну – ни напред, ни назад* (букв. „ни вперед – не назад“), знач. 1. Никак не проявляет себя в чем-либо; ничего не предпринимает, не делает; 2. Не дает никаких результатов (о работе, деле). Образная основа русской фраземы построена на междометиях: *тпру* (возглас, который останавливает лошадь или другое рабочее животное) и *ну* (выражает призыв или побуждение к действию), а болгарская фразема построена на наречиях *напред-назад* с отрицанием и указывает на отсутствие движения. Фразема оформлена не только грамматически, но она представляет собой и когнитивно семантическую модель, которая не может быть исключительно индивидуальным образованием. В ней есть также нечто от коллективного сознания лингвоэтнической общности.

Другая ментальность носителей языка Языковое сознание носителей языка и культура связаны. Языковое сознание всегда национально. Знаменитая “гипотеза лингвистической относительности” Э. Сепфира и Б.Л. Уорфа, которая была выдвинута в 1930-х гг. сводится, в основном, к тому, что люди, говорящие на разных языках и принадлежащие к разным культурам, по-

разному воспринимают мир. В последнее время все больше исследователей приходят к выводу, что во фразеологии всех языков преобладает общечеловеческое, универсальное, а не национальное. Однако есть и фонд единиц, который присущ только русским. Эти единицы входят в русскую когнитивную базу, например: *В огороде бузина, а в Киеве дядька, А ларчик просто открывался, В Тулу со своим самоваром не ездят* и др. Они всегда обращены на субъекта, то есть возникают они не столько для того, чтобы описывать мир, “сколько для того, чтобы его интерпретировать, оценивать и выражать к нему субъективное отношение” (Маслова 2007. 269). Разная ментальность по-разному моделирует мир, русские говорят *Не в свои сани не садись*, а болгары в идентичной ситуации скажут *Всяка жаба да си знае гьола* (букв. “каждая лягушка должна быть в своей луже”). Русская фраза *гнаться/погнаться за двумя зайцами* (знач. стремиться выполнить одновременно два разных дела, достичь двух различных целей, однако, положительного результата трудно добиться) имеет два соответствия в болгарском языке: *искаш да убия с един куриум два заека* и *(мъча се да) нося две дини под една мишница* (букв. „кто-либо старается нести два арбуза под одной мышкой“). Установка, которой обусловлен выбор первичного десигната из ряда других в виде конкретной ситуации в обоих языках связана с охотой (хотя образные основы в деталях различаются: образная основа русской фраземы указывает на одновременность движения в два разных направления, болгарская на невозможность одной пулей застрелить два зайца), а вторая болгарская фраза связана скорее с сельским бытом. Данные фраземы имеют коннотацию „трудный выход“ и встречаются в контекстах, которые указывают на безрезультатность действия (р. *За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь*; б. *Две дини под една мишница не се носят/ трудно се носят*). Образная основа конкретной фраземы отобрана коллективным сознанием этноса в качестве формы для нового содержания.

Фразеология – зеркало эпохи

Изменения в жизни сказываются и на фразеологии. В конце XX – начала XXI в. изменилась привычная „картина мира“ людей, их жизнь, коммуникативные и стилистические ресурсы языка. Появилось много новых устойчивых словосочетаний и выражений, которые не зафиксированы в словарях, но которые употребляются активно, прежде всего, в публицистических материалах, в средствах масс-медиа, в речи политиков, в разговорной речи. Фразеологический пласт ярче аккумулирует все новое в языке и своеобразно выражает его в образных словосочетаниях. Аналогичные фраземы в славянских языках – результат схожих политических и социальных изменений, общих заимствований, а различия в языках – это результат специфики протекания данных процессов в разных странах, своеобразие языковой системы, предпочтения языкового вкуса.

1. Наблюдается процесс заимствования русским и болгарским языком иноязычных фразеологических оборотов, прежде всего, из американского варианта английского языка: голубая фишка (англ. blue chip), дорожная карта (англ. road map), утечка мозгов (англ. brain drain), раскачивать лодку (англ. to rock the boat), хромая утка (англ. lame duck), гражданин мира (англ. citizen of the world), челночная дипломатия (англ. shuttle diplomacy), отмывать/отмывать деньги (англ. to launder money), жирный кот (англ. fat cat) и другие (Баско 2016. 31).

2. Появляются фраземы на исконно русской и исконно болгарской почве. Судя по публикациям они активно употребляются в речи современников, используются в материалах СМИ, ориентированных на массовую аудиторию и отражающих особенности коммуникации рядовых носителей русского языка, но не зафиксированы в словарях. Например, *говорить на разных языках* `отсутствие понимания`; *дойти/добраться на автопилоте* `шутл.-ирон. 1. сделать что-л. машинально, не задумываясь. 2. двигаться куда-л., доверившись своей интуиции`; *не мой (не его, не ваш и пр.) день* `время чьих-л. неудач`;

звать халяву `привлекать / заманивать удачу, успех`; *бабло (бюджет) пилить* `делить деньги, которые украли у государства`; *чёрная лихорадка* `ажиотаж, связанный с добычей нефти`; *грязный бизнес* `предпринимательская деятельность с криминальными признаками`; *пятая графа* `принадлежность к еврейской национальности`; *рыть носом* `развивать кипучую деятельность`; *на чистом / голубом глазу (говорить, утверждать)* `лживо, лицемерно, притворно (соврать, не моргнув, не покраснев)`; *ноль внимания, фунт презрения* `полное равнодушие, абсолютное безразличие к чему-л.`; *парад суверенитетов* `принятие деклараций о независимости республиками и регионами бывшего СССР после провозглашения Б. Ельциным девиза: «Берите суверенита столько, сколько сможете взять»`; *нажать на все педали* `использовать абсолютно все возможности для достижения какой-л. цели` и др.

„Все фразеологические неологизмы исконно русского происхождения, используемые в российских СМИ, объединяет то, что метафорические образы, положенные в основу их семантики, прозрачны и понятны. Это объясняется наличием в их структуре слов-компонентов, называющих реалии сегодняшнего дня, современной действительности“ (Баско 2016. 32).

В современной дидактике существует устойчивое словосочетание /р/ *образование длиною в жизнь* – /б/ *образование цял живот* и инно-компоненты этого дидактического принципа, которые также стали актуальными и активно употребляются в русском языке как устойчивые словосочетания: *говорящие стены, умный пол, перевернутый класс* /б/ *обърната класна стая* (в болгарском пока встречается только это соответствие) и др. Знание и употребление подобных инно-словосочетания требует их адекватной семантизации.

Языковая и речевая компетенции, позволяющие осуществлять адекватную коммуникацию на иностранном языке, “требуют от изучающего язык знакомства с существующим в культуре изучаемого языка алгоритмом восприятия текста”, то есть следует говорить не только о языковой и речевой компетенциях, но и о культурной компетенции для адекватной коммуникации (Красных 2002. 77).

Заключение

Общаясь на иностранном языке человек замечает конфликт культур и языков. Наиболее явственно он проявляется в лексике и фразеологии, так как именно эта часть языка имеет через лексическое и фразеологическое значение прямой и непосредственный выход в реальный мир, во внеязыковую реальность.

В современной лингводидактике общепринятым является подход, при котором изучение языка предполагает знакомство не только с лингвистическими явлениями, но и с широким спектром экстралингвистических реалий, отражаемых данным языком. Для того, чтобы человек реализовал себя профессионально и не ощущал себя „чужим“ в другой стране, он должен владеть в совершенстве языком, на котором говорят в этой стране. В болгарской аудитории русская фразеология является материалом соизучения языка и культуры. Знание образов русской фразеологии не только расширяет лингвистический кругозор изучающих язык, но и развивает различного рода компетенции (языковую, речевую, ситуативно-коммуникативную и др.), помогает осваивать мир во всем его многообразии – мир образов, ощущений, эмоций, а также увеличивает возможности лингводидактики в XXI-м в. при обучении русскому языку как иностранному.

Литература

- 1- Баско Н.В. (2016). *Язык СМИ: динамика языковых процессов во фразеологии // Динамика языковых и культурных процессов в современной России*, Вып.5. Материалы V Конгресса РОПРЯЛ. ropryal.ru/wp-content/uploads/2016/10/5ROPRYAL.pdf
- 2- Бердяев Н.А. (1994). *Философия творчества, культуры и искусства*: В 2 т., Москва, Изд-во «Языки славянской культуры».
- 3- Георгиева С.И. (2004). *Народная педагогика в зеркале фразеологии. // Фразеологические чтения памяти проф. В.А. Лебединской / Отв. ред. Н.Б. Усачева*. Курган, Изд-во «Курганский гос. университет».
- 4- Георгиева С.И. (2011). *Русская фразеология в зеркале болгарского языка*, София, Изд-во «HERON PRESS».
- 5- Даль В.И. (1957). *Пословицы русского народа*, Москва, Изд-во «Издательство художественной литературы».
- 6- Красных В.В. (2002). *Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций*, Москва, Изд-во «ИТДГК «Гнозис»».
- 7- Маслова В.А. (2007). *Ното lingualis в культуре*, Москва, Изд-во «Гнозис».
- 8- Михельсон М.И. (1994). *Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний*: в 2 т., Москва, Изд-во «Русские словари».
- 9- Павловская Л.П. (2000). *Русская фразеология как фрагмент языковой картины мира при обучении латышских учащихся*: автореф. дис. доктора пед. наук, Москва, Изд-во «ИРЯЛ им. Пушкина».
- 10- Потехина А.А. (1989). *Слово и миф*, Москва, Изд-во «Языки славянской культуры».
- 11- Снегирев И.М. (1997). *Словарь русских пословиц и поговорок. Русские в своих пословицах*, Н. Новгород, Изд-во «Три богатыря, Братья славяне».

Bibliography

- 1- Basko N.V. (2016). *Jazyk SMI: dinamika jazykovyh processov vo frazeologii // Dinamika jazykovyh i kul'turnyh processov v sovremennoj Rossii*, Vyp.5. Materialy V Kongressa ROPRJaL. ropryal.ru/wp-content/uploads/2016/10/5ROPRYAL.pdf
- 2- Berdjaev N.A. (1994). *Filosofija tvorchestva, kul'tury i iskusstva*: V 2 t., Moskva, Izd-vo «Jazyki slavjanskoj kul'tury».
- 3- Georgieva S.I. (2004). *Narodnaja pedagogika v zerkale frazeologii. // Frazeologicheskie chtenija pamjati prof. V.A. Lebedinskoj / Otv. red. N.B. Usacheva*. Kurgan, Izd-vo «Kurganskij gos. universitet».

- 4- Georgieva S.I. (2011). *Russkaja frazeologija v zerkale bolgarskogo jazyka*, Sofija, Izd-vo «HERON PRESS».
- 5- Dal' V.I. (1957). *Poslovice russkogo naroda*, Moskva, Izd-vo «Izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury».
- 6- Krasnyh V.V. (2002). *Jetnopsiholingvistika i lingvokul'turologija: Kurs lekcij*, Moskva, Izd-vo «ITDGK «Gnozis»».
- 7- Maslova V.A. (2007). *Homo lingualis v kul'ture*, Moskva, Izd-vo «Gnozis».
- 8- Mihel'son M.I. (1994). *Russkaja mysl' i rech'. Svoe i chuzhoe. Opyt russoj frazeologii: Sbornik obraznyh slov i inoskazavij: v 2 t.*, Moskva, Izd-vo «Russkie slovari».
- 9- Pavlovskaja L.P. (2000). *Russkaja frazeologija kak fragment jazykovej kartiny mira pri obuchenii latyshskih uchjashhihsja: avtoref. dis. doktora ped. nauk*, Moskva, Izd-vo «IRJaL im. Pushkina».
- 10- Potebnja A.A. (1989). *Slovo i mif*, Moskva, Izd-vo «Jazyki slavjanskoj kul'tury».
- 11- Snegirev I.M. (1997). *Slovar' russkih poslovic i pogovorok. Russkie v svoih poslovicah*, N. Novgorod, Izd-vo «Tri bogatyrja, Brat'ja slavjane».

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Georgieva, S. (2019). The Role of Phraseology in Studying the Russian Language. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 13, 29-44.

DOI: 10.29252/iarll.13.29

URL: <http://journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/43>

Linguo-imagology as a New Integrating Direction of Linguistics

Ivanova Lyudmila Petrovna¹

Professor of National Pedagogical Dragomanov University,
Kiev, Ukraine.

(date of receiving: March, 2018; date of acceptance: November, 2018)

Abstract

Linguo-imagology is considered as a new stage in the development of the language, synthesizing ideas, phenomena and methods of other directions. Linguistic and linguisticology was formed on the basis of imagology - the direction of comparative literary studies, studying the image, (hence the term) of one people or country in the eyes of another, Since the creation of an image is achieved through the use of linguistic means, the foundations of linguo-imagology, which studies the linguistic means of creating the image of one country in the reception of another people. Mirroriness is not obligatory. Thus, in our direction, imagology is synthesized by comparative-historical linguistics (the image of the country can vary over the centuries). axiology (the reception of the other can not be 'passive', there is always an appraisal component), linguoculturology (primarily in terms of units analysis), cognitive linguistics (the category of the linguistic personality, the linguistic picture of the world, concepts), the theory of communication in the aspect of the intercultural field., since linguistic imaging creates a solid foundation her, practical stylistics. All these provisions are implemented on the basis of the vision and assessment of France and the French by D.I. Fonvizin and the US Alexander Pushkin.

Keywords: Linguo-imagology, Linguoculturology, Intercultural Communication, A.S. Pushkin, D.I. Fonvizin.

---

1. E-mail: lupiv1303@gmail.com

Лингвоимагология как новое интегрирующее направление языкознания

Иванова Людмила Петровна¹

Профессор Национального педагогического университета

м. М.П. Драгоманова,

Киев, Украина.

(дата получения: март 2018 г.; дата принятия: ноябрь 2018 г.)

Аннотация

В статье лингвоимагология рассматривается как новый этап в развитии языкознания, синтезирующий идеи, феномены и методы других направлений. Лингвоимагология сформировалась на базе имагологии – направления сравнительного литературоведения, изучающего образ, имидж (отсюда термин) одного народа или страны в глазах другого, как правило, анализ зеркальный. Поскольку создание образа достигается за счет использования языковых средств, создались основы лингвоимагологии, изучающей языковые средства создания образа одной страны в рецепции другого народа. Зеркальность необязательна. Таким образом, в нашем направлении синтезируются имагология, сравнительно-историческое языкознание (образ страны на протяжении веков может меняться), аксиология (рецепция другого не может быть ‘пассивной’, всегда присутствует оценочный компонент), лингвокультурология (прежде всего в аспекте единиц анализа), когнитивная лингвистика (категория языковой личности, языковой картины мира, концепты), теория коммуникации в аспекте межкультурной коммуникации, поскольку лингвоимагология создает прочный фундамент последней, практической стилистики. Все указанные положения реализуются на материале видения и оценки Франции и французов Д.И. Фонвизиним и США А.С. Пушкиным.

Ключевые слова: Лингвоимагология, Лингвокультурология, Межкультурная Коммуникация, А.С. Пушкин, Д.И. Фонвизин.

---

1. E-mail: lupiv1303@gmail.com

Введение

Лингвоимагология – новое разрабатываемое нами направление языкознания сформировалось на базе имагологии – области сравнительного литературоведения, восходящего, в свою очередь, к сравнительно-историчному языкознанию. На Украине наиболее яркие работы в области имагологии принадлежат перу Д.С. Наливайко, В.В. Орехова и др. В.В. Орехов квалифицирует имагологию как отрасль сравнительного литературоведения, изучающего литературные образы (имиджи) инонациональных государств, народов [Орехов 2008. 7], причем это изучение должно быть зеркальным. Автор подчеркивает: «Важнейшая проблема имагологии – степень участия в формировании образов стран и народов (в творчестве отдельных авторов и общелитературном контексте) трех основных компонентов: объективных причин (исторических, политических, социальных), субъективных факторов (личных авторских впечатлений, переживаний) и традиционных представлений» (Орехов 2008. 7). Указанные факторы вербализуются, что дает основания для создания лингвистической имагологии – лингвоимагологии. Зеркальные характеристики имиджей, конечно, интересны, однако далеко не всегда возможны. Так, например, мы проанализировали восприятие Африки Н. С. Гумилевым – выдающимся поэтом, страстным путешественником, носителем элитарной русской культуры (Иванова 2013). Зеркальное описание России африканскими поэтами вряд ли возможно даже в наши дни.

Основная часть

Итак, первый компонент лингвоимагологии – имагология. Важны в процессе лингвоимагологического анализа сведения из классического литературоведения, поскольку главной категорией лингвоимагологии является оценка, однако, по нашим наблюдениям, оценка характеризует не столько

оцениваемое, сколько оценивающего. Информацию о писателях, их жизни, деятельности, творческой манере дает литературоведение.

Обратимся к лингвистике. В.М. Алпатов подчеркивает: «В истории лингвистики можно видеть две тенденции: одна из них стремится изучать язык объективно и точно по образцу естественных наук, другая связана с изучением языка вместе с говорящим на нем человеком, с учетом интуиции и интроспекции. Первая тенденция господствовала в эпоху структурной лингвистики, вторая стала распространенной в наше время» (Алпатов 2015. 7). Автор, трактуя тенденции развития лингвистики, обращается к традиционному образу спирали (Там же. 10).

Лингвоимагология – это развитие идей В. фон Гумбольдта: «... подход, связываемый с именем В. фон Гумбольдта, стремится к расширению любых рамок, междисциплинарным исследованиям, постановке глобальных задач, при этом часто без сколько-нибудь строгого метода. В какой-то мере можно считать, что он увеличивает хаос. Наше время – скорее движение в такую сторону» (Там же. 18).

Итак, лингвоимагология призвана синтезировать разные направления современной лингвистики. Как уже отмечалось, через имагологию лингвоимагология связана с классическим сравнительно-историческим языкознанием.

Следующее лингвистическое направление – лингвокультурология. В свою очередь, само название свидетельствует о синтезе лингвистики и культурологии. В.А. Маслова подчеркивает: «Отношения между языком и культурой могут рассматриваться как отношения части и целого. Язык может быть воспринят как компонент культуры и как орудие культуры (что не одно и то же). Однако язык в то же время автономен по отношению к культуре в целом и может рассматриваться как независимая автономная семиотическая система, т. е. отдельно от культуры, что делается в традиционной

лингвистике» (Маслова 2008. 132). Таким образом, и язык, и культура формируются в ментальном опыте людей, принадлежащих к одному культурно-языковому сообществу. Восприятие и оценка стран и народов – порождение ментальности, культуры, языка представителя того или иного этноса.

Следующая точка соприкосновения лингвоимгологии и лингвокультурологии – предмет изучения. В. А. Маслова называет следующее: «1) безэквивалентная лексика и лакуны, ... ; 2) мифологизированные языковые единицы: архетипы и мифологемы, обряды и поверья, ритуалы и обычаи, закрепленные в языке; 3) паремиологический фонд языка; 4) эталоны, стереотипы, символы; 5) метафоры и образы языка; 6) стилистический уклад языков; 7) речевое поведение; 8) область речевого этикета» (Маслова 2001. 36-47). Все указанные единицы и категории важны и для лингвоимагологического анализа, однако в нем на передний план выходит оценка, поскольку без нее процесс познания и формирования имиджа невозможен. Таким образом, следующая наука, с которой связана лингвоимагология, – аксиология.

Лингвокультурология оперирует, прежде всего, единицами коллективного сознания – концептами, фразеологизмами, мифами и т. п. В лингвоимагологии вся информация извлекается в ходе анализа индивидуальной речи разных жанров – путевые заметки, дневники, записки, эпистолярный, хотя возможны и художественные тексты, и публицистика (Иванова 2001).

Может возникнуть вопрос: какому материалу, каким авторам можно доверять? Наши наблюдения показывают, что подобно тому, как формируется норма языка, в становлении образа другого народа и страны целесообразно опираться на образы, наблюдения, запечатленные в языковом сознании наиболее авторитетных представителей нации, которых можно рассматривать как эталоны. Относительно последних В.М. Солнцев отмечает: «Какой-либо конкретный предмет из некоторого множества предметов, составляющих один

класс, по тем или иным причинам может быть признан **эталон** [выд. В.М. Солнцевым], или образом, но остается всего лишь вариантом среди других вариантов» (Солнцев 1971. 214).

Таким образом, и лингвокультурология, и лингвоимагология изучают, прежде всего, образы в мировосприятии того или иного народа. И если лингвокультурологическое исследование направлено на познание «себя», то лингвоимагологическое – на познание «другого», поэтому материалом для лингвокультурологии являются паремии и фразеологизмы, сгустки народной мудрости, в лингвоимагологии изучаются индивидуальные личностные оценки и другие феномены, содержащиеся в эпистолярной, мемуарной, художественной и публицистической литературе, рассматриваемые как варианты инварианта – образа того или иного народа и страны в сознании другого народа.

Следующее направление языкознания, тесно связанное с лингвоимагологией, – теория коммуникации, особенно важная ее составляющая – межкультурная коммуникация. По нашему глубокому убеждению, последняя должна опираться на данные лингвоимагологии (Иванова 2014). Аргументируем свою позицию.

В.А. Маслова подчеркивает, что «задачами межкультурной коммуникации становится определение «зон напряжения» при межкультурных контактах, предотвращение коммуникативных неудач» (Маслова 2008. 83). Таким образом, межкультурная коммуникация носит в основном прикладной характер: как общаться, не обидев собеседника – носителя иной культуры, как коммуникантам избегать культурного шока. Лингвоимагология создает прочный историко-теоретический фундамент межкультурной коммуникации, поскольку последняя описывает общение здесь и сейчас, однако национальные традиции, правила внутри- и межнационального общения складывались постепенно, иногда кардинально менялись на протяжении веков. Примером

может служить отношение к Германии и немцам в XVIII в., в Петровскую эпоху, в период Первой и Великой Отечественной войны, в наши дни. То же можно сказать об армяно-турецких и армяно-азербайджанских взаимоотношениях.

Наши соотечественники начали описывать свои путевые впечатления с незапамятных времен, первым или одним из первых было «Хождение за три моря» Афанасия Никитина, статейные списки Г.И. Микулина (Англия, 1600 г.), Федота Елчина (Грузия, 1639-1640 гг.) и многие другие.

Путешествия, предпринятые для ознакомления с жизнью других стран и народов, целенаправленно осуществлялись с XVII века, когда наши соотечественники направлялись прежде всего в Европу.

Обратимся к письму-напутствию сыну сподвижницы Екатерины II Президента Российской Академии Наук Е.Р. Дашковой, не утратившему своего значения и по сей день: «У путешественника должны быть постоянно открыты и глаза и уши; потому что сцена изменилась и размышление, вызванное ею, исчезает вместе с ней. Предметы твоего наблюдения так разнообразны и многочисленны, что я укажу тебе только некоторые **главные** [выд. нами – Л.И.]. Сюда относятся свойство и форма правления, законы, нравы, влияние, народонаселение, торговля; географические и климатические условия, иностранная и внутренняя политика, произведения, религия, обычаи, источники богатства, действительные и мнимые средства общественного кредита, подати, пошлины и различные условия различных сословий. Эти исследования достойны внимания философа, и ни один путешественник не должен пренебрегать ими, если только он не хочет остаться тупым и бессмысленным зрителем всех этих явлений, не способным ни к умственному, ни нравственному совершенству» (Дашкова 1960. 341-342). С горечью сравним цели и задачи путешественников – наших современников, особенно любителей пляжного отдыха.

Мы адаптировали написание к современным техническим возможностям, однако подчеркнем своевременность и актуальность не только содержания, но и формы изложения – образца книжного публицистического стиля. Думается, историку стилистики следует обратить внимание на писания кн. Е. Р. Дашковой как на первые образцы русского эпистолярного и публицистического стиля.

Е. Р. Дашкова подчеркивает необходимость деятельностного восприятия чужих стран и народов: «... сравнивая иностранную жизнь с жизнью своего Отечества, стараясь исправить, что найдешь в нем дурного, учреждая, что сочтешь полезным его благосостоянию, ты будешь другом и благодетелем своей страны» (Дашкова 1960. 344).

Уже в XVIII в. русские путешественники осознавали необходимость уважительного отношения к другим народам (то, что мы сейчас называем толерантностью), прежде всего это касается религии, так, Е.Р. Дашкова пишет сыну: «Относительно религиозных мнений, где бы ты ни соприкасался с ними, должен уважать их. Серьезное или шуточное опровержение их, каковы бы они ни были, оставляет по себе самое горькое и оскорбительное впечатление на человеке и никогда не забывается» (Там же.). Для сравнения вспомним карикатуры на пророка Мухаммеда во французских журналах XXI века и повлекшие за ними последствия.

Обратим внимание на следующее: очень важно оставить после себя хорошее впечатление, поскольку оно касается не только конкретного путешественника, но и распространяется на весь народ и страну, которым путешественник принадлежит.

И еще одно своевременное предостережение: «... непростительно грубо и несправедливо судить об одном народе по мерке другого» (Там же.). Отметим утверждение С.Г. Тер-Минасовой о том, что родная культура обычно воспринимается как единственно правильная.

Таким образом, теория коммуникации должна опираться на прочный фундамент лингвоимагологии, поскольку последняя дает информацию о том, как изменяется общение во времени, какие факторы влияют на указанные процессы, в частности, роль факторов адресата и адресанта. В процессе межкультурной коммуникации необходимо учитывать сложившиеся традиции общения и процесс их формирования, о чем дает информацию лингвоимагология.

Подводя итоги, подчеркнем взаимосвязь лингвоимагологии со сравнительно-историческим языкознанием, аксиологией, лингвокультурологией, теорий коммуникации.

В качестве примера указанного синтеза рассмотрим фрагмент из путевых заметок и писем Д.И. Фонвизина, посвященных Франции и французам. Еще до приезда во Францию у Д.И. Фонвизина сложились определенные представления и соответствующие ожидания. Возможно, поэтому разочарование было особенно «жестоким»: «Я думал сперва, что Франция, по рассказам, земной рай, но ошибся жестоко. Все люди, и славны бубны за горами. Удивиться должно ... какие здесь невежды. Дворянство, особливо, ни уха ни рыла не знает. Многие в первый раз слышат, что есть на свете Россия и что мы говорим в России языком особенным, нежели они. Человеческое воображение постигнуть не может, как при таком множестве способов к просвещению здешняя земля полнехонька невеждами» (Фонвизин 1959. 423). Как обычно (и это вполне естественно) автор смотрит на мир сквозь призму реалий России, где столичные дворяне были людьми образованными, хотя невежество помещного высмеяно им в бессмертной комедии «Недоросль», а Митрофанушка стал нарицательным. Русские дворяне, как правило, владели французским языком, французские же не представляли существование русского языка, отличного от французского. Возмущение Д.И. Фонвизина проявляется, в частности, в том, что в небольшом микротексте используются

два фразеологизма – элементы самого национального пласта языка: «славны бубны за горами», «ни уха ни рыла не знает».

Русского путешественника удивляет и возмущает «ротозейство» французов (вспомним, что А.С. Пушкин главной особенностью русского мужика считает отсутствие ротозейства (Пушкин 1962. 395-396)): «... народ здешний с природы весьма скотиноват. Я думаю, что таких ротозей мало водится. По всем улицам найдешь кучу людей, а в середине шарлатана, который выкидывает какие-нибудь штуки, продает чудные лекарства и смешит дураков шутками. Часто найдешь на площадях людей около бабы или мужика, которые, поставя на землю род шкапа с растворенными дверцами, кажут в шкапу куколок. Баба во все горло поет духовные стихи, а мужчина играет на скрипке; словом, народ праздный и заезывается охотно, а притом и весьма грубый. Лакеи здешние такие неучи, что в самых лучших домах, быв впущены в переднюю, кто бы ни прошел мимо, дама или мужчина, ниже с места тронуться и, сидя, не снимают шляп» (Фонвизин 1959. 428-429).

Безделье и праздность Д.И. Фонвизин резко осуждает («народ с природы скотиноват», «праздный», «ротозеи», «дураки», «народ праздный и грубый»). Не одобряет русский путешественник, используя вульгаризмы, скоморохов (шарлатаны, выкидывают штуки, смешат дураков) и бродячий кукольный театр (баба ... поет во все горло).

Особая категория французских женщин – «девки»: «Теперь поговорю о другой приманке, а именно: о девках. Здесь все живут не весьма целомудренно; но есть состояние особенное, называющееся *lesfilles*, то есть: непотребные девки, осыпанные с ног до головы бриллиантами. Одеты прелестно; экипажи такие, каких великолепнее быть не может. Дома, сады, стол – словом, сей род состояния изобилует всеми благами света сего. Спектакли все блистают от алмазов, украшающих сих тварей. Они сидят в ложах с своими любовниками, из коих знатнейшие особы имеют слабость срамить себя публично, садясь с ними в ложах. Богатство их неисчислимо; а

потому благородные дамы взяли другой образ нарядов, т. е. ни на одной благородной не увидишь бриллиантика. Дорогие камни стали вывескою непотребства» (Фонвизин 1959. 446).

В данном микротексте обращает на себя внимание ряд моментов. Во-первых, отсутствие в тот период именованя «девок» – автор не назвал их ни куртизанками (вспомним роман О. де Бальзака «Блеск и нищета куртизанок»), ни женщинами легкого поведения, ни проститутками. Данный феномен однозначно осуждается ('непотребные девки', 'непотребство', 'твари'). Фрагмент построен на контрасте: с одной стороны, великолепие ('экипажи такие, каких великолепнее быть не может', 'сей род состояния изобилует всеми благами света сего', 'богатство их неисчислимо'), с другой стороны, общение с ними резко осуждается ('знатнейшие особы имеют слабость срамить себя публично, садясь с ними в ложах'). Хотя, как следует из контекста, любовники 'девок' ничего не стыдятся и выставляют отношения напоказ. С третьей стороны, форма протеста 'благородных дам': отсутствие 'бриллиантика'. Происходит символизация: «Дорогие камни стали вывескою непотребства». Отметим, что и современные француженки не питают страсти к драгоценным камням.

Приводимые примеры касаются обычаев, традиций, культуры Франции. Д.И. Фонвизин предстает внимательным путешественником, патриотом, государственным деятелем, ученым, стремящимся обнаружить причину и следствие описываемых явлений и фактов, особенно негативных.

Д.И. Фонвизин путешествовал по Франции, жил в различных городах, имея возможность видеть жизнь страны и народа как бы "изнутри".

Иначе складывались обстоятельства у великого А.С. Пушкина. В силу известных политических причин он не мог покинуть пределы России. Один только раз вместе с русскими войсками он дошел до турецкого Эрзрума и с ними же вскоре возвратился обратно. Тем не менее высочайшая образованность,

эрудиция, природная гениальность позволили ему сделать ценнейшее в лингвоимагологическом наблюдении.

С одной стороны, в его сознании объединялись самые различные процессы, происходящие в мире, с другой - он четко и прозорливо характеризовал отдельные страны.

Примером первого может служить видение истоков и путей развития литератур Европы: “Два обстоятельства имели решительное действие на дух европейской поэзии: нашествие мавров и крестовые походы” (Пушкин 1962. 256)

Далее следует конкретизация этого воздействия: “Мавры внушили ей исступление и нежность любви, приверженность к чудесному и роскошное красноречие востока; рыцари сообщили свою набожность и простодушие, свои понятия о геройстве и вольность нравов походных станов Годфреда и Ричарда” (Там же.) Обратим внимание на высокую оценку мавританских реалий: ‘исступление и нежность любви’, ‘роскошное красноречие’. Отметим, что подобную почти восторженную характеристику Востока и по сей день не часто встретишь в европейской литературе и литературоведении. Влияние рыцарства практически не оценивается (разве что “вольность нравов походных станов”), лишь констатируется.

В результате указанного воздействия в европейских литературах сложилась следующая ситуация: “Италия присвоила себе ее эпопею, полуафриканская Гишпания завладела трагедией и романом, Англия противу имени Dante, Ариосто и Кальдерона с гордостью выставила имена Спенсера, Мильтона и Шекспира. В Германии (что довольно странно) отличилась новая сатира, едкая, шутливая, коей памятником остался Ренике Фукс” (Там же.. 265).

Видение великого русского поэта выглядит весьма современно, исключение составляет Германия: для наших современников символы немецкой поэзии Гете, Шиллер, Фукс известен, прежде всего, специалистам.

С рассматриваемой точки зрения очень интересно сравнение литературоведческой концепции Буало с Кораном – главным произведением, регулирующим жизнь и деятельность мусульман: “...Буало обнаружил свой Коран – и французская словесность ему покорилась” (Там же.. 266).

Вторая позиция – видение и оценка страны, где А.С.Пушкин никогда не бывал, – Соединенные Штаты Америки. Толчком к размышлению русского поэта послужили “Записки Джона Теннера”: “В Нью-Йорке недавно изданы “Записки Джона Теннера”, проводшего тридцать лет в пустынях Северной Америки, между дикими ее обитателями” (Там же. 166)

Негативная оценка индейцев с опорой на наблюдения Д. Теннера конкретизируется: “Легкомысленность, невоздержанность, лукавство и жестокость – главные пороки диких америкацев. Убийство между ними не почитается преступлением, но родственники и друзья убитого обыкновенно мстят за его смерть”... “Храбрость почитается между индейцами главной человеческою добродетелью: трус презираем у них наравне с ленивым или слабым охотником. Иногда, если убийство прощано в пьянстве или ненарочно, родственники торжественно прощают душегубца” (Там же. 177).

Обратим внимание на лейтмотив характеристики: ‘дикие’. Контрастируют высокое слово ‘торжественно’ и просторечное ‘душегубец’.

Несмотря на ‘дикость’ индейцев, А.С. Пушкин не видит в действиях США цивилизационной функции: “Отношения Штатов к индийским племенам, древним владельцам земли, ныне заселенной европейскими выходцами, подверглись также строгому разбору новых наблюдателей. Явная несправедливость, ябеда и бесчеловечие американского Конгресса осуждены с негодованием; так или иначе через меч и огонь, или от рома и ябеды, или средствами более нравственными, но дикость должна исчезнуть при приближении цивилизации. Таков неизбежный закон. Остатки древних обитателей Америки скоро совершенно истребятся; и пространные степи,

необозримые реки, на которых сетью и стрелами добывали они себе пищу, обратятся в обработанные поля, усеянные деревнями, и в торговые гавани, где задымятся пироскафы и разовьется флаг американский” (Там же. 165-166).

Обратим внимание на то, что развитие цивилизации на индейских землях констатируется и никак не оценивается, однако несправедливость и жестокость победителей, используемые или приемы принуждения русским поэтом гневно осуждаются: ‘меч’, ‘огонь’, ‘ром’, ‘ябеда’ (во времена А.С.Пушкина это клевета, каверза) - номинации крайне уничижительные. Они должны привести к полному истреблению коренного населения. Отметим прозорливость А.С. Пушкина, хотя до полного истребления дело не дошло, проблема коренного населения в США осталась.

Действие европейской цивилизации оказалось ограниченным и пагубным: ”Американские индейцы вообще звероловы, цивилизация европейская, вытеснив их из наследных земель, подарила им порох и свинец: тем и ограничилось ее благодетельное влияние” (Там же. 172). Обратим внимание на инверсию (‘цивилизация европейская’), актуализирующую именно цивилизацию, а не ее европейскую прикрепленность, а также атрибутив ‘благодетельное’, содержащий благодаря внутренней форме (благо+делать) скрытую горькую иронию автора.

Тем не менее жизнь среди индейцев существенно повлияла на мировоззрение Д.Теннера: он ...”иногда выдает себя за человека, не доступного предрассудкам; но поминутно обличает свое индийское суеверие.Теннер верит снам и предсказаниям старух: те и другие для него всегда сбываются. Когда голоден, ему снятся жирные медведи, вкусные рыбы, и через несколько времени в самом деле удается ему застрелить дикую козу или поймать осетра. В затруднительных обстоятельствах ему всегда является во сне какой-то молодой человек, который дает добрый совет или ободряет его” (Там же. 181).

Данный отрывок характеризует и А.С. Пушкина, и Д.Теннера: русский писатель осуждает 'предрассудки' и 'суеверия' американца, хотя именно его произведение возбудило особое внимание А.С. Пушкина к индейцам и искреннее сочувствие их судьбе. С другой стороны, Д.Теннер отождествляется в сознании русского писателя с идеологией США: "...Есть надежда, что Теннер со временем сделается настоящим yankee (Там же. 191). (Обратим внимание на английское написание данного варваризма). Сам же А.С. Пушкин делает примечание: "Прозвище, данное американцам; смысл его нам неизвестен" (Там же.).

Характеризуя США в целом, А.С.Пушкин проявляет себя как мудрый политолог, тонкий аналитик, поэтому под его размышлениями расписались бы и наши современники: "...Америка спокойно совершает свое поприще, донныне безопасная и цветущая, сильная миром, упроченным ей географическим ее положением, гордая своими учреждениями.Но несколько глубоких умов в недавнее время занялись исследованием нравов и постановлений американских, и их наблюдения возбудили снова вопросы,которые полагали давно уже решенными. Уважение к сему новому народу и к его уложению, плоду новейшего просвещения, сильно поколебалось. С изумлением увидели демократию в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нестерпимом тиранстве.Все благородное, бескорыстное, все возвышающее душу человеческую - подавленное неумолимым эгоизмом и страстию к довольству (comfort); большинство, нагло притесняющее общество рабство негров посреди образованности и свободы; родословные гонения в народе, не имеющем дворянства; со стороны избирателей алчность и зависть; со стороны управляющих робость и подобострастие; талант из уважения к равенству, принужденный к добровольному остракизму; богач, надевающий оборванный кафтан, дабы на улице не оскорбить надменной нищеты, им втайне втайне презираемой: такова картина Американских Штатов, недавно выставленная перед нами." (Там же. 165).'

Микротекст четко распадается на три части, демонстрирующих логику рассуждений автора. Первая часть – констатация благополучия страны, обусловленного в определенной степени и географическим положением. Вторая часть – ‘исследования’ ‘глубоких умов’. Третья часть – гневное осуждение (‘отвратительный цинизм’, ‘жестокие предрассудки’, ‘нестерпимое тиранство’) американского воплощения демократии, когда большинство подавляет свободу личности и меньшинства. Все ‘благородное’, ‘бескорыстное’, ‘возвышающее душу’ подавляется эгоизмом и страстью к комфорту (интересно, что в русском языке слово еще не прижилось, поэтому А.С. Пушкин передает его латиницей) Такая демократия сказывается и на избирателях и на управляющих, и на талантливых людях, даже на богачах. Подчеркивается ‘рабство негров посреди образованности и свободы’, то есть рабство противопоставлено не только свободе (языковые антонимы), но и образованности (контекстуальные антонимы)

Еще один момент, привлекающий внимание в процессе анализа текстов А.С. Пушкина: неустоявшаяся норма написания – ‘индейцы’ – ‘индийцы’, что свидетельствует о новизне для русского общества и языка данных реалий.

Таким образом, размышляя над книгой Д.Теннера, А.С. Пушкин продемонстрировал глубокую эрудицию, образованность, аналитический склад ума, а главное – взгляды и мировоззрение передовой части русского общества начала XIX века. Блестящая форма изложения очевидна.

Заключение

Лингвоимагология – новое разрабатываемое нами направление языкознания. Объект лингвоимагологии – образ, имидж (отсюда термин) одного народа или страны в глазах другого народа. Всякий образ в сознании обязательно оценивается, поэтому предмет нашего направления – оценка и языковые приемы его реализации. Материал исследования – путевые заметки, дневники, эпистолярный, художественные и публицистические тексты.

Базой для создания лингвоимагологии явился целый ряд направлений филологии: во-первых, имагология – область сравнительного литературоведения, восходящая в свою очередь, к сравнительно-историческому языкознанию. В процессе лингвоимагологического анализа важны сведения из классического литературоведения (информация о писателях, их жизни, деятельности, творческой манере), поскольку, по нашим наблюдениям, оценка характеризует не столько оцениваемое, сколько оценивающего. Таким образом, второе базовое направление для лингвоимагологии – аксиология. Третье направление – лингвокультурология, само название свидетельствует о синтезе лингвистики и культурологи. И язык, и культура формируются в ментальном опыте людей, принадлежащих к одному культурно-языковому сообществу. Восприятие и оценка стран и народов – порождение ментальности, культуры, языка представителя того или иного этноса.

Лингвокультурология оперирует, прежде всего, единицами коллективного сознания – концептами, фразеологизмами, мифами и т.п. В лингвоимагологии вся информация извлекается в ходе анализа индивидуальной речи разных жанров – путевые заметки, дневники и др. Лингвокультурологическое исследование направлено, прежде всего, на познание «себя», лингвоимагологическое – на познание «другого». В-четвертых, межкультурная коммуникация, носящая в основном прикладной характер: как общаться, не обидев собеседника – носителя иной культуры, как коммуникантам избежать культурного шока. Лингвоимагология создает прочный историко-теоретический фундамент межкультурной коммуникации, по сколько последняя описывает общение «здесь и сейчас». Однако национальные традиции, правила внутри – и междунационального общения складывались постепенно.

В-пятых, языковая составляющая лингвоимагологии связана со стилистикой, стилистическим анализом, и интерпретацией языковых средств.

Формирование традиций восприятия и оценок других стран и народов в статье рассмотрено на примере эпистолярия Кн. Е.Р. Дашковой. Видение Франции и французов проанализировано на примере фрагментов из путевых заметок и писем выдающегося русского драматурга Д.И. Фонвизина. Автор путешествовал по Франции, посетил различные города, имея возможность видеть жизнь страны и народа как бы «изнутри».

В силу известных политических причин великий поэт А.С. Пушкин пределы России не покидал. Однако высочайшая образованность, эрудиция, природная гениальность позволили ему сделать ценнейшее в лингвоимагологическом смысле наблюдение. В статье исследуется, с одной стороны, описание влияния Востока, а с другой – характеристика Соединенных Штатов Америки.

Таким образом, лингвоимагологический анализ лежит на стыке имагологии, литературоведения, стилистики, аксиологии, лингвокультурологии, теории коммуникации, что расширяет возможности современного анализа и утверждает статус лингвоимагологии как нового самостоятельного направления языкознания.

Литература

- 1- Алпатов В.М. (2015). *Что и как изучает языкознание* // Вопросы языкознания, № 3 – с. 7-21.
- 2- Дашкова Е.Р. (1990) *Записки княгини Е.Р. Дашковой*. Репринтное воспроизведение. М.: Изд-во «Наука». – 528 с.
- 3- Иванова Л.П. (2013) *Африка глазами Н.С. Гумилева (лингвоимагологический аспект)* // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Т 26 (65). № 1. Филология. Социальная коммуникация. – Симферополь, – с. 471-477.
- 4- Иванова Л.П. (2014). *Лингвоимагология как краеугольный камень теории коммуникации и практические основы межкультурной коммуникации* // Коммуникативные исследования. Изд-во «Омский университет». № 1, с. 9-16.

- 5- Иванова Л.П. (2016). *Языковая личность* кн. Е. Р. Дашковой (лингвоимагологический и гендерный аспекты) //Мовна особистість: лінгвістика і лінгводидактика (текст) МОН України, Київський національний лінгвістичний університет. Черкаський національний університет ім. Б. Хмельницького. Київ - Черкаси: Вид-во Чабаненко Ю.А. с. 34-38.
- 6- Иванова Л.П. (2016). *Жанровые основания лингвоимагологического анализа* // Жанры речи. Международный научный журнал. Изд-во Саратовского университета, № 1, с. 148-155.
- 7- Маслова В.А. (2001). *Лингвокультурология: Учеб. пособие для студентов высших учебных заведений*. М.: Издательский центр «Академия», – 208 с.
- 8- Маслова В.А. (2008). *Современные направления в лингвистике: учебное пособие для студентов высших учебных заведений* / В.А. Маслова. – М.: Издательский центр «Академия», – 274 с.
- 9- Орехов В.В. (2008). *Миф о России во французской литературе первой половины XIX века*. – Симферополь: ОАО «Симферопольская государственная типография» (СГТ), – 200 с.
- 10- Пушкин А.С. (1962). *Собрание сочинений в 10-ти томах*. Т. VI. Критика и публицистика. Гос. изд-во художественной литературы. – М., –586 с.
- 11- Солнцев В.М. (1971). *Язык как системно-структурное образование*. – М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». – 294 с.
- 12- Фонвизин Д.И. (1959). *Собрание сочинений в 2 т.*, Т. 2. ГИХЛ, М-Л., – 742 с.

Bibliography

- 1- Alpatov V.M. (2015). *Что и как изучает языкознание* // Voprosy jazykoznanija, № 3 – с. 7-21.
- 2- Dashkova E.R. (1990) *Zapiski knjagini E.R. Dashkovej*. Reprintnoe vosproizvedenie. М.: Izd-vo «Nauka». – 528 s.
- 3- Ivanova L.P. (2013) *Afrika glazami N.S. Gumileva (lingvoimagologicheskij aspekt)* // Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Т 26 (65). № 1. Filologija. Social'naja komunikacija. – Simferopol', – с. 471-477.
- 4- Ivanova L.P. (2014). *Lingvoimagologija kak kraeugol'nyj kamen' teorii komunikacii i prakticheskie osnovy mezhkul'turnoj komunikacii* // Kommunikativnye issledovanija. Izd-vo «Omskij universitet». № 1, s. 9-16.
- 5- Ivanova L.P. (2016). *Jazykovaja lichnost' kn. E.R. Dashkovej (lingvoimagologicheskij i gendernyj aspekty)* //Movna osobistist': lingvistika i lingvodidaktika (tekst) МОН України, Київський національний лінгвістичний університет. Черкаський національний університет ім. Б. Хмельницького. Київ - Черкаси: Вид-во Чабаненко Ю.А. с. 34-38.

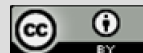
- 6- Ivanova L.P. (2016). *Zhanrovye osnovanija lingvoimagologičeskogo analiza // Zhanry reči. Mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal. Izd-vo Saratovskogo universiteta, № 1, s. 148-155.*
- 7- Maslova V.A. (2001). *Lingvokul'turologija: Učeb. posobie dlja studentov vysshih učebnyh zavedenij. M.: Izdatel'skij centr «Akademija», – 208 s.*
- 8- Maslova V.A. (2008). *Sovremennye napravlenija v lingvistike: učebnoe posobie dlja studentov vysshih učebnyh zavedenij / V.A. Maslova. – M.: Izdatel'skij centr «Akademija», – 274 s.*
- 9- Orehov V.V. (2008). *Mif o Rossii vo francuzskoj literature pervoj poloviny XIX veka. – Simferopol': OAO «Simferopol'skaja gosudarstvennaja tipografija» (SGT), – 200 s.*
- 10- Pushkin A.S. (1962). *Sobranie sočinenij v 10-ti tomah. T. VI. Kritika i publicistika. Gos. izd-vo hudozhestvennoj literatury. – M., –586 s.*
- 11- Solncev V.M. (1971). *Jazyk kak sistemno-strukturnoe obrazovanie. – M., Glavnaja redakcija vostočnoj literatury izdatel'stva «Nauka». – 294 s.*
- 12- Fonvizin D.I. (1959). *Sobranie sočinenij v 2 t., T. 2. GIHL, M-L., – 742 s.*

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Ivanova, L.(2019). Linguo-imagology as a New Integrating Direction of Linguistics. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 13, 45-64.

DOI: 10.29252/iarll.13.45

URL: <http://journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/44>

Reception of Russian Classical Literature in Georgia: Pages of History - Kita Abashidze about Leo Tolstoy

Modebadze Irine Igorevna¹

Senior Scientific Researcher of Shota Rustaveli Institute of Georgian Literature
Ivane Javakhishvili Tbilisi State University,
Tbilisi, Georgia.

Tsitsishvili Tamar Georgievna²

Senior Scientific Researcher of Shota Rustaveli Institute of Georgian Literature
Ivane Javakhishvili Tbilisi State University,
Tbilisi, Georgia.

(date of receiving: February, 2018; date of acceptance: November, 2018)

Abstract

The article will present the results of the research of the article "Leo Tolstoy's New Novel 'Resurrection'" by the prominent Georgian critic of the 19th century Kita (Ivane) Abashidze (1870-1917), published in 1900 for the fifth issue of the magazine "Moambe" ("Herald"). The study is being conducted for the first time and is new part of the series of author's works of the *"Pages of History"* dedicated to the reassessment of the history of the development of Georgia's critical thought. Kita Abashidze was not only a great connoisseur of Georgian, Russian and European literature, which allowed him to regard specific works in the general context of the development of the literary process, but also had a pronounced authorial position. His works were unacceptable for Soviet literary criticism: the critic was "forgotten" for a long time, and his writings were not reprinted. The reception of works of foreign literature clearly demonstrates the relevance of the problems posed in them from the position of the host culture, and the Kita Abashidze's assessment of Leo Tolstoy's novel deserves the closest attention not only as a fact of the history of Georgian critical thought. Analysis of the text reveals the main trends in the development of Georgian culture at the end of the 19th century. In our work, we tried to highlight both foreshortening: the specifics of the perception of the novel by the critic himself and the peculiarities of the reception of Leo Tolstoy's creativity by the Georgian culture of the late 19th century.

Keywords: Reception, Leo Tolstoy, "Resurrection", Kita Abashidze, Georgian Criticism of the XIX Century.

---

1. E-mail: irinamodeb@gmail.com

2. E-mail: t.tsitsishvili@yahoo.com

Рецепция русской классической литературы в Грузии: страницы истории - Кита Абашидзе о Льве Толстом

Модебадзе Иринэ Игоревна¹

Старший научный сотрудник Института грузинской литературы
им. Шота Руставели ТСУ им. Ив. Джавахишвили,
Тбилиси, Грузия.

Цицишвили Тамар Георгиевна²

Старший научный сотрудник Института грузинской литературы им. Шота
Руставели ТСУ им. Ив. Джавахишвили,
Тбилиси, Грузия.

(дата получения: февраль 2018 г.; дата принятия: ноябрь 2018 г.)

Аннотация

В № 5 за 1900 г. журнала “მომბე” («Моамбе / Вестник») была опубликована статья видного представителя грузинской критики XIX в. Кита Абашидзе (1870– 1917) «Новый роман Льва Толстого ‘Воскресение’». Исследование этого текста проводится впервые и является новой частью серии авторских работ *Страницы истории*, посвященной переоценке процесса развития общественно-критической мысли Грузии. Кита (Иванэ) Абашидзе был великолепным знатоком грузинской, русской и европейской литератур, что позволяло ему расценивать конкретные произведения в общем контексте развития литературного процесса. Однако авторская позиция и суждения критика оказались неприемлемыми для советского литературоведения: его труды были надолго забыты и не переиздавались. Рецепция произведений инациональной литературы наглядно свидетельствует об актуальности поставленных в них проблем для принимающей культуры, и оценка Кита Абашидзе романа Льва Толстого заслуживает самого пристального внимания. Анализ позволяет судить не только о специфике восприятия романа самим критиком, но и об основных тенденциях развития грузинской культуры конца XIX в.

Ключевые слова: Рецепция, Лев Толстой, «Воскресение», Кита Абашидзе, Грузинская Критика XIX В.

---

1. E-mail: irinamodeb@gmail.com

2. E-mail: t.tsitsishvili@yahoo.com

Введение

Тема *Лев Толстой и Грузия* была широко освещена и основательно разработана еще советским литературоведением, однако и в XXI в., постоянно привлекая внимание как грузинских, так и российских исследователей, она продолжает оставаться одним из актуальных направлений толстоведения. Сложно было бы даже просто перечислить фамилии ученых, посвятивших свои труды изучению связей Л.Н.Толстого с Грузией. Назовем лишь некоторые фундаментальные исследования: Георгий Талиашвили «Лев Толстой и Грузия» (1951), И.К. Ениколопов «Лев Николаевич Толстой в Грузии» (1962), Ваню Шадури «Л.Н.Толстой» («Летопись дружбы», 1967, т. I, с. 496-514) и изданную уже в 2016 г. монографию Марии Филиной «Кавказ ... несомненно ... страна любви. Лев Толстой».

Исследовательский интерес, в основном, концентрировался на поездке молодого Л.Н. Толстого на Кавказ (1851– 1854); пребывании писателя в Тифлисе / Тбилиси (1851–1952) – городе, где будущий классик впервые осознал свое творческое призвание; на отраженных в переписке, дневниковых записях и мемуарной литературе впечатлениях Льва Толстого об этом периоде его жизни; на их преломлении в художественном творчестве писателя; на участии Л.Н. Толстого в поддержке пацифистского движения переселенных в Грузию духоборов и на личных контактах писателя и членов его семьи с представителями грузинской интеллигенции того времени. Ученые не обошли своим вниманием и такой важный аспект взаимодействия культур как вопрос о переводах произведений Л. Толстого на грузинский язык и влиянии его творчества на грузинскую литературу. Казалось бы, изучено абсолютно все, однако научная мысль никогда не довольствуется достигнутым: возникают новые вопросы, ответ на которые требует дополнительных исследований с учетом новейших методологий. Так, в монографии «"Что такое искусство?" и его значение» для современного общества (2017), рассматривая трактат

Л.Н.Толстого, Эка Вардошвили интерпретирует идеи великого классика с позиции проблем культурной интеграции современной эпохи глобализации.

Периодически назревает необходимость пересмотра достигнутого с учетом новой информации или включения в научный оборот забытых по той или иной причине текстов. Именно к этому последнему типу исследований относится начатая нами серия *Страницы истории*, которая ставит своей целью вернуть в научное обращение оставшиеся вне поля зрения исследователей тексты и реконструировать картину развития грузинской общественно-критической мысли второй половины XIX – начала XX в. во всем ее многообразии и полноте.

Основная часть

В некоторых наших исследованиях мы доказали, что позитивные достижения русской классической литературы давно уже вписаны в поле грузинской культуры и стали неотъемлемой его частью (см., напр., Модебадзе 2017; Модебадзе 2013 и др.) Значимую роль в этом процессе играла грузинская общественно-критическая мысль, которая начиная со второй половины XIX в. обрела огромное влияние на формирование общественного мнения. Как трибуну для острых полемик и обсуждения злободневных проблем современности деятели грузинской культуры активно использовали страницы периодической прессы, имевшей широкую читательскую аудиторию, и, конечно же, среди обсуждаемых тем немаловажное место занимали события русской культурно-литературной жизни. В опубликованной в 1888 г. в газете «Иверия» статье «Тергдалеулни и новое поколение» признанный глава национально-освободительного движения, классик грузинской литературы Илья Чавчавадзе писал: «Мы держимся того мнения, что изучение и знание русской литературы для нас совершенно необходимы, и русская жизнь настолько интересна и носит настолько своеобразный характер, что изучение

того и другого составляет нашу важнейшую задачу. Действительно, Россия настолько замечательна во всех отношениях, что передовая Европа, откуда Россия пересадила на собственную почву образование и науку и откуда и поныне ввозит все достижения просвещенности, удивляется и восхищается богатством и своеобразием русской литературы. Конечно, и мы со всей тщательностью должны познакомиться и изучить русскую литературу, а также и другие чужие литературы. Все это настолько ясно и, несомненно, для нас, что не требует пояснений...» (Чавчавадзе 1958. 38). Из этих слов совершенно ясна позиция деятелей грузинской культуры – не слепое подражание, но критическое переосмысление и усвоение инонационального культурного опыта с позиции актуальности тех или иных литературных явлений для нужд развития собственной культуры.

Еще в 60-ых гг. прошлого века, характеризуя основные закономерности формирования «мира литературы культурных стран», Н.И. Конрад отмечал, что в «литературный мир другой страны» «проникает <...> в первую очередь то, что вызывает особое внимание в данной стране, что нужно и важно для литературной действительности этой страны, для ее общественной мысли» (Конрад 1978. 29). В то же время, как подчеркивает Н.К. Ломунов, *«законы функционирования крупного произведения в разные эпохи и в различной среде органически связаны с законами их восприятия»* (Ломунов 1991а. 5). Соответственно, специфика рецепции и оценки произведений инонациональной литературы наглядно свидетельствует об актуальности поставленных в них проблем с позиции принимающей культуры и позволяет судить не только о взглядах того или иного критика, но и об основных тенденциях развития национальной культуры определенного периода. Поэтому рецепция русской литературы деятелями грузинской культуры конца XIX – начала XX вв. имеет большую значимость как показатель специфики культурных процессов в Грузии того периода.

Особого внимания в этом ракурсе, на наш взгляд, заслуживает статья «*ლევ ტოლსტოის ახალი რომანი “აღდგომა”*» («Новый роман Льва Толстого “Воскресение”») видного литературоведа и критика конца XIX в. Кита (Иванэ) Абашидзе (1870– 1917). Написанная в 1900 г. как непосредственный отклик на выход романа, она не переиздавалась вплоть до 1970 г. Естественно возникает вопрос: почему? Что было актуальным для современников, но оказалось не нужным советскому читателю? Ответ, по нашему мнению, можно найти, лишь совмещая два ракурса исследования: особенностей рецепции творчества Льва Толстого грузинской культурой конца XIX в. и специфики восприятия романа самим критиком.

Личность и творчество Льва Толстого привлекли внимание грузинской общественности уже в 80-х годах XIX века, но отношение к толстовским идеям было далеко не однозначим.

Начиная с 1886 г., имя Льва Толстого занимало далеко не последнее место в издаваемой И. Чавчавадзе газете «Иверия», где регулярно печатались рассказы писателя, заметки и статьи о его жизни и творческих успехах, большинство из которых были редакционными, то есть публиковались без подписи, что дает основание полагать, что автором их был сам Илья Чавчавадзе. Так, в начале 90-ых гг. на страницах «Иверия» были опубликованы рассказы «Три старца» («Иверия», 1890, XII, 1, № 256) и «Страшный вопрос» («Иверия», 1891, XI, 20, № 247), большая статья о жизни и творчестве Л. Толстого в связи с сорокалетием его литературной деятельности («Иверия», 1892, IX, 29, № 205), посвященные творчеству писателя многочисленные статьи и заметки, в том числе статьи «Об успехах драмы Толстого “Власть тьмы” в Италии и в других странах Западной Европы» («Иверия», 1893, XII, 24, № 279) и «Учение Льва Толстого в Англии» («Иверия», 1894, X, 16, № 220).

Статьи и заметки «Иверии» о Льве Толстом не содержат ни одобрения толстовского учения, ни критических замечаний о нем. Но во всех выступлениях газеты Ильи Чавчавадзе чувствуется безусловное признание гениальности Л. Толстого. По мнению Георгия Талиашвили, «Чавчавадзе, горячий пропагандист прогресса, не мог примириться с толстовской идеализацией патриархального быта, но вместе с тем он не выступал против гениального писателя» (Талиашвили 1951).

Немало внимания уделяли творчеству Л.Н.Толстого грузинские журналы: его рассказы систематически печатались на страницах детских журналов „ნაკადული“ («Накадули» / «Ручеек») и „ჯეჯილი“ («Джеджили» / «Всходы») – только в 1908 г. журнал «Джеджили» перевел на грузинский язык и напечатал шесть толстовских рассказов для детей. Благодаря этим журналам рассказы Толстого получили большее распространение в Грузии, чем его произведения других жанров. Очень популярны в Грузии в 1900-х гг. были педагогические статьи Л.Н.Толстого: журнал «განათლება» («Ганатлеба» / «Просвещение») систематически печатал статьи о педагогических взглядах писателя.

Первые опыты перевода произведений Льва Толстого на грузинский язык датируются 90-ыми гг. XIX в.: в 1887 г. был опубликован рассказ «Упустишь огонь – не потушишь»; первыми переводчиками были Ст. Ходживанишвили, П. Каландадзе, В. Мачабели, Илья и Нино Накашидзе; в 1906 г. Давид Микеладзе /литературный псевдоним *Мевеле*/ перевел находившуюся в то время под запретом пьесу «Власть тьмы» и уже в 1908 г. издал ее в Кутаиси.

Грузинская общественность знакомилась с творчеством писателя непосредственно по мере создания его произведений – интеллигенция свободно владела русским языком и не нуждалась в переводах, а самой широкой читательской аудитории помогали следить за творческим путем писателя статьи и обзоры, регулярно публиковавшиеся на страницах периодической прессы.

Таким образом, к началу XX в., в период написания интересующей нас статьи творчество великого мастера было хорошо известно в Грузии и находило отклики на страницах грузинских периодических изданий. Именно к таким непосредственным откликам на новости русской литературной жизни относится и статья Кита Абашидзе.

Роман «Воскресение» был опубликован на страницах журнала «Нива» в 1899 году, вызвав исключительный читательский интерес и острую полемику на страницах прессы: отклики современников на этот последний роман «позднего Толстого» оказались далеко неоднозначными (об этом см.: *Роман...* 1991). В конце того же 1899 г., также вызвав бурю откликов на страницах прессы, в Англии и во Франции были изданы переводы романа. Примечательно, что весь гонорар за публикацию именно этого романа был пожертвован писателем для помощи духовоборам Грузии.

Статья Кита Абашидзе была опубликована «по горячим следам» в 1900 г. Однако, прежде чем перейти к анализу статьи, считаем необходимым сказать несколько слов о самом критике.

Кита Абашидзе (1870–1917) – один из видных представителей грузинского литературоведения XIX в. – был признанным знатоком современной ему грузинской, русской и европейских литератур. Формирование его мировоззрения проходило на фоне интенсификации процесса становления сравнительного литературоведения как отдельной литературоведческой дисциплины и первых попыток дифференциации и теоретического осмысления основных закономерностей развития литературного процесса. Свободно владея русским и французским языками, Кита Абашидзе был не просто обозревателем-популяризатором литературы, но критиком, обладавшим собственным взглядом на современный ему литературный процесс, стиль мышления которого отличался широтой охвата, ясностью и независимостью суждений. На раннем этапе своего творческого пути он, как и

многие его современники, испытал сильное влияние эволюционистского учения французского писателя, теоретика литературы и критика Фердинанда Брунетьера (1849–1906), считавшего основой литературного процесса развитие европейской литературы, а национальные литературные процессы – инвариантами, ответвлениями ее основных направлений, что, конечно же, было абсолютно неприемлемо с позиций марксистского литературоведения. В более поздний период, критически переосмысляя теорию Ф. Брунетьера, Кита Абашидзе отходит от эволюционизма и склоняется к сравнительно-историческому методу исследования. Тем не менее, в советской позиции убежденный европоцентрист и член партии социал-федералистов, он остался фигурой более чем сомнительной, и на протяжении долгого времени имя ученого чаще всего упоминалось исключительно в негативном контексте. В подтверждение наших слов приведем выдержку из изданного в середине прошлого века уже цитированного нами труда Георгия Талиашвили: «С конца 90-х годов в Грузии особо выделился из среды буржуазной интеллигенции один из лидеров социал-федералистской партии, литературный критик Кита Абашидзе. *Махровый шовинист, космополит и расист* (здесь и далее курсив наш – И.М.) по своим воззрениям, Абашидзе *относился враждебно вообще к русской культуре, противопоставлял одни народы другим, раболепствовал перед буржуазной культурой Запада*. Не случайно, что он особенно напал на Л.Н. Толстого. В своих статьях “Новый роман Толстого ‘Воскресение’” и “Лев Толстой и ‘Вдова из дома Отарова’ И.Чавчавадзе” Абашидзе резко критикует все творчество великого русского писателя, пытается унижить его в глазах грузинского читателя» – заключает исследователь. Пытаясь вскрыть корни «ненависти» к Л.Н. Толстому «грузинского буржуазного критика», исследователь предвзято трактует факты и даже ставит под сомнение воспоминания современников: «Может быть, К. Абашидзе не признавал слабых сторон учения Толстого? Нино Накашидзе в своих “Воспоминаниях”

пишет, что 'Кита Абашидзе считал Толстого крупным художником, но не признавал его учения о непротивлении злу, и поэтому в нашем доме избегал разговоров о Толстом'. Это – глубокое заблуждение. Грузинский либерал, как и русские его собраты, не верил в 'толстовского бога' и не сочувствовал толстовской критике существовавшего строя. <...> Абашидзе не любил Толстого за народность, за реализм, за 'мужицкий' дух его творчества. <...> К. Абашидзе, как социал-федералисту, не нравилась, прежде всего, толстовская критика капитализма. Ему, как представителю буржуазного декаданса, было чуждо творчество Л.Толстого, которое своим мощным реализмом резко противостояло вырождавшейся литературе Запада. <...> Он рабски преклонялся перед буржуазной культурой Западной Европы» (Талиашвили 1951). Полагаем, что преувеличения, эпитеты и формулировки Георгия Талиашвили (*махровый шовинист, расист, раболепствовавший перед буржуазной культурой Запада, враждебно относившийся к русской культуре вообще, поклонник буржуазного декаданса* и др.) говорят сами за себя и в нашем комментарии не нуждаются.

На сегодняшний день критическое наследие Кита Абашидзе все еще представляется недостаточно изученным, особенно та его часть, которая касается оценок русской и европейских литератур. К совершенно неизученным и требующим переосмысления текстам относится и напечатанная в начале 1900 года на страницах журнала «Моамбе» („მოამბე" / «Вестник», 1900, № 5) статья Кита Абашидзе «Новый роман Льва Толстого “Воскресение”» («ლევ ტოლსტოის ახალი რომანი “ადგომა”»).

Прежде чем перейти к разбору романа «Воскресение», критик обращает внимание читателей на «раздирающую человечество» вечную проблему – борьбу «разума и духовности», потребностей души и тела, которую он определяет как «колебания между культурами души и тела» / „სულისა და ხორცის კულტურათა შორის რყევა" / (Абашидзе 1971. 533). Напоминая о

том, что эта проблема существует испокон века, Кита Абашидзе, подчеркивая ее непреходящую актуальность, констатирует тот факт, что, раздирая души, эта внутренняя борьба обессиливает и большую часть современного ему передового общества, и лишь потом переходит к оценке романа. На фоне рассуждений об актуальности для современного общества поставленной Л.Н.Толстым проблемы противостояния материальных ценностей духовным устремлениям, критик расценил новый роман писателя как историю терзаний человеческой души в поисках решения этой дилеммы. Для грузинской критики того времени подобный подход к проблеме нравственных исканий, равно как и сама постановка вопроса в этом ракурсе была совершенно новой.

Рассматривая последний роман живого классика русской литературы, Кита Абашидзе апеллирует к идейной оппозиции Лев Толстой ↔ Ницше: в Ницше он видит проповедника индивидуализма, в противоположность которому Толстой предстает носителем аскетической христианской морали. Следует отметить, что призыв к христианскому аскетизму был чужд и неприемлем для большинства грузинских писателей того времени.

Христианский аскетизм, равно как и крайний индивидуализм, непримлемы и для Кита Абашидзе, поэтому и основные нравственные постулаты романа, выраженные в отношениях Нехлюдов ↔ Маслова, представляются ему художественно недостаточно убедительными: он видит в них не историю мучительной переоценки ценностей и очищение, не «часть истории возрождения народа, стремившегося к своему освобождению», как это мыслил Л.Н.Толстой, но лишь тщетные поиски спасения в ожидании явления «мессии общества».

В этой своей части оценка «Воскресения» Кита Абашидзе во многом соотносима с мнением А.П.Чехова, восхищавшегося сценами и образами романа, в которых проявилась вся мощь толстовского таланта как обличителя недостатков существующего государственного и общественного строя, но

видевшего в основной линии романа его самое слабое место. В письме к Горькому, отправленном из Ялты 15 февраля 1900 г., А.П.Чехов отмечал: «Всё, кроме отношений Нехлюдова к Катюше, – довольно не ясных и сочиненных, всё поразило меня в этом романе силой и богатством, и широтой, и неискренностью человека, который боится смерти, не хочет сознаться в этом и цепляется за тексты из священного писания» (цитирую по: Ломунов 1991 б, 55). Как видим, в оценке художественно-этической ценности основной линии романа мнение грузинского критика и русского писателя совпадают. Во многом это объясняется схожим отношением к религиозно-этическим воззрениям Льва Толстого. Ко времени публикации «Воскресения» А.П. Чехов уже преодолел влияние «гипнотизма» толстовских идей: за шесть лет до этого он писал А.С.Суворину: «...Толстовская философия сильно трогала меня, владела мною лет 6—7, и действовали на меня не основные положения, которые были мне известны и раньше, а толстовская манера выражаться, рассудительность и, вероятно, гипнотизм своего рода» (цитирую по: Ломунов 1991 б, 55). Так же как и Кита Абашидзе, он не приемлет призыва к аскетизму: «Теперь же во мне что-то протестует; расчетливость и справедливость говорят мне, что в электричестве и паре любви к человеку больше, чем в целомудрии и в воздержании от мяса» (цитирую по: Ломунов 1991 б, 55).

Следует отметить, что многие современники писателя, даже из числа последователей учения Л.Н.Толстого, не восприняли призыва к нравственному совершенствованию как *единственному* пути к коренному изменению мира. Об этом совершенно недвусмысленно писал Л.Н.Толстому в 1904 году социалист Сулеван Раймонд, причислявший себя к ученикам и последователям писателя: «Есть много людей, занимающих высокое положение, провозгласивших верность Вашему учению, однако не желающих отказаться от роскоши, в которой они живут, и поэтому Ваша прекрасная мечта вряд ли когда-либо осуществится на этой планете» (цитирую по: Горная 1991. 113). Не

разделяло убежденности Л.Н. Толстого в действенности подобного пути к преобразованию действительности и подавляющее большинство грузинских писателей и общественных деятелей того времени, хотя и по иной причине – неприемлем был, прежде всего, тезис о непротивлении злу. Так, высоко ценивший творчество Льва Толстого классик грузинской литературы Важа-Пшавела (Л.П. Разикашвили, 1861–1915), не отрицая значения нравственного совершенствования людей в искоренении общественного зла, в отличие от Льва Толстого, считал, что человек возрождается морально не путем пассивного непротивления злу, но путем активной борьбы против зла, в которой он видел путь к свободе и счастью своей родины.

Мнения А.П.Чехова и Кита Абашидзе в оценке романа сопрягаются лишь в вопросе оценки главной линии романа: вне внимания Кита Абашидзе остались критика существующих церковных и государственных институтов, картины народной жизни и социальной несправедливости, то есть все то, что вызвало восторг у Чехова и многих других, в том числе и у большей части западной критики того времени. Вспомним, например, газетные отклики на выход английского перевода романа. «“Воскресение” – это самая бескомпромиссная книга, когда-либо написанная» (Clarion. 1899. June 19); «“Воскресение” – самое потрясающее из его произведений. Роман содержит много описаний, превосходящих в своем дерзком реализме Золя, Толстой непримирим в своей убежденности и обнажает страшную правду с мужественной откровенностью и неизменной отвагой» (Daily Telegraph. 1900. March 15); «Толстой <...> это беспощадный мыслитель, который видит человеческую комедию до конца и рисует ее с тонкостью и пронизательностью, каких не достигал ни один древний или современный писатель» (Morning Leader. 1900. March 20) и другие (цитирую по Горная: 1991. 140).

Л.Н.Толстой – одна из самых популярных фигур грузинской прессы XIX в. Признанный гений и мастер слова, классик русской литературы был высоко

ценим деятелями грузинской культуры того времени. Однако оценка романа «Воскресение» современниками Льва Толстого в Грузии отличалась рядом особенностей, связанных как с общественной обстановкой, так и с установившимися литературными традициями.

Начиная с 60-ых гг. XIX в., в Грузии поднимается волна национально-освободительного движения. Находя широкий отклик, громко звучит призыв лидера этого движения, Илья Чавчавадзе, к борьбе за пробуждение национального сознания грузинского народа. К концу века, в предверии грядущих перемен, идея непротivления злу не находила (да и не могла найти) серьезной поддержки у деятелей грузинской культуры. Илья Чавчавадзе, Акаки Церетели, Александр Казбеги, Важа-Пшавела и другие грузинские писатели, отдавая должное художественному мастерству и силе критики существующих порядков, тем не менее, не разделяли религиозно-этических взглядов Льва Толстого. Неприемлемым представлялся им и путь нравственного совершенствования личности как способа решения общественных проблем и искоренения общественного зла. На этом, во многом определившим отношении к толстовскому учению, общем фоне оценка романа «Воскресение» Кита Абашидзе представляется чрезвычайно интересным предметом дальнейшего изучения. Насколько прав, или не прав, был критик (впрочем, как и большинство его современников) в своих оценках? Ответ на этот вопрос, по нашему глубокому убеждению, требует дополнительных исследований. Статьи Кита Абашидзе о Льве Толстом («Новый роман Толстого “Воскресение”») и «Лев Толстой и “Вдова из дома Отарова” И. Чавчавадзе») заслуживают самого пристального внимания не только как факт истории грузинской критической мысли: анализ этих текстов позволяет выявить всю противоречивость основных тенденций развития грузинской культуры конца XIX в. И в завершение нашего краткого обзора считаем нужным привести слова из статьи «Лев Толстой» одного из лидеров

национально-освободительного движения Грузии, классика грузинской литературы Акакия Церетели (1840–1915): «... Не приходится удивляться, что истинный гений, рожденный Россией, завоевал небывалую славу, и имя его превозносят до небес. Я говорю о графе Толстом, смерть которого потрясла всех, хотя она пришла к нему в глубокой старости. Недаром так поражал он всегда воображение Тургенева; искуснейшие творения Толстого, его маленькие рассказы об обороне Севастополя, Кавказские повести, «Казачьи» и другие действительно восхищают и чаруют читателя. Большие романы «Война и мир», «Анна Каренина» и другие принесли ему славу всемирного гения. <...> его мировоззрение в целом – живительный источник для всех, и оно отмечено печатью истинной мудрости. Прошлое изжило свой век, и многие старые порядки, ныне неприемлемые, заслуживают быть заклеенными. Нужны новые пути, новые горизонты, иное направление развития. Чем раньше рухнет старое, тем лучше. Это, разумеется, понимают многие. Но трудно найти такого сознательного и бесстрашного борца, каким был Толстой на протяжении всей своей жизни... Он проповедовал «единство, равенство и любовь», он боролся против угнетения слабого сильным, против поглощения малого большим. И сколько мелких, смешных предрассудков и порядков высмеял и разоблачил он! Вот чем привлек он сердца угнетенных и завоевал сторонников и последователей не только в России, но и в Европе и в Америке. Он был для мира подлинным провозвестником и апостолом будущего. Так надо ли удивляться тому, что и грузины сегодня искренне оплакивают его» (Церетели 1960, 655–656).

Заключение

Таким образом, можно резюмировать, что в центре внимания Кита Абашидзе не критическая сила толстовского текста, а его художественно-эстетическая ценность: критик пытался рассмотреть яркий художественный

мир Толстого в общем контексте развития европейской литературы и с этой целью, анализируя созданные писателем образы (Болконского, Вронского), выстраивает типологический ряд схожих персонажей из произведений различных литератур XIX в., которые рассматривает в едином ключе, что также явилось новшеством в истории развития грузинской критики того времени. В целом, в художественном плане, роман «Воскресение» представляется ему гораздо слабее чем «Война и мир» и «Анна Каренина».

Литература

- 1- Абашидзе Кита (1971). Жизнь и творчество // Под редакцией Давида Гамезардашвили. ("ცხოვრება და ხელოვნება" დავით გამეზარდაშვილის რედაქციით). Тбилиси: Изд-во «Тбилисского государственного университета», С. 766. на грузинском языке.
- 2- Горная В.З. (1991). *Зарубежные современники Л. Н. Толстого о романе «Воскресение»* // Роман Л.Н. Толстого «Воскресение»: Историко-функциональное исследование / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. Москва, Изд-во «Наука». С. 100–165.
onlajn. URL: <http://feb-web.ru/feb/tolstoy/critics/rtv/rtv-1002.htm?cmd=1> (Дата обращения: 22.12.2017)
- 3- Конрад Н.И. (1978). *Проблемы современного сравнительного литературоведения* // Н.И. Конрад. *Избранные труды. Литература и театр*. Москва, Изд-во «Наука». С. 29–49.
- 4- Ломунов К.Н. (1991 а). *От редакции* // Роман Л. Н. Толстого «Воскресение»: Историко-функциональное исследование / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. Москва, Изд-во «Наука». С. 3–7.
onlajn. URL: <http://feb-web.ru/feb/tolstoy/critics/rtv/rtv-003-.htm> (Дата обращения: 20.12.2017)
- 5- Ломунов К.Н. (1991 б). *Писатели-современники о последнем романе Л.Н.Толстого ("Воскресение" в оценке А. П. Чехова и А. М. Горького)* // Роман Л.Н. Толстого «Воскресение»: Историко-функциональное исследование / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. Москва, Изд-во «Наука». С. 51-72. onlajn. URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/kritika-o-tolstom/lomunov-sovremenniki-o-poslednem-romane-tolstogo.htm> (Дата обращения: 02.12.2017)
- 6- Модебадзе И.И. (2017). *Когда-то у моря Айвазовского... ("Мастер и Маргарита" в интертексте грузинского постмодернизма)* // М.А Булгаков: русская и национальные литературы. Ереван, Изд-во «Антарес». С. 376–384.

- 7- Модебадзе И.И. (2013). *Русская классическая литература в интертексте современной грузинской прозы - TSQ (Toronto Slavic Quarterly)*, № 44, Spring 2013, Canada, Toronto, С. 134–147. onlajn. URL: <http://www.utoronto.ca/tsq/44/index.shtml>
http://sites.utoronto.ca/tsq/44/tsq44_modebadze.pdf
- 8- Роман Л.Н. Толстого «Воскресение»: Историко-функциональное исследование (1991) / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. Москва, Изд-во «Наука». С.193.
- 9- Талиашвили Георгий (1951). *Лев Толстой и Грузия*. Тбилиси: Изд-во «Заря Востока». С. 116. onlajn. URL: <http://l-n-tolstoy.ru/books/item/f00/s00/z0000001/st005.shtml> (Дата обращения: 02.12.2017)
- 10- Церетели Акаки (1960). *Лев Толстой // Акаки Церетели. Избранные произведения*. Тбилиси, Изд-во «Заря Востока». С. 655–656.
- 11- Чавчавадзе Илья (1958). *Илья Чавчавадзе // Деятели грузинской культуры о России* / Составил В.К. Имедадзе. Тбилиси, Изд-во «Заря Востока». С. 23–42.

Bibliography

- 1- Abashidze Kita (1971). Zhizn' i tvorchestvo // Pod redakciej Davida Gamezardashvili. ("ცხოვრება და ხელოვნება" დავით გამეზარდაშვილის რედაქციით). Tbilisi: Izd-vo «Tbilisskogo gosudarstvennogo universiteta», S. 766. na gruzinskom jazyke.
- 2- Gornaja V.Z. (1991). *Zarubezhnye sovremenniki L. N. Tolstogo o romane «Voskresenie» // Roman L.N. Tolstogo «Voskresenie»: Istoriko-funkcional'noe issledovanie / AN SSSR. In-t mirovoj lit. im. A.M. Gor'kogo. Moskva, Izd-vo «Nauka». S. 100–165.* onlajn. URL: <http://feb-web.ru/feb/tolstoy/critics/rtv/rtv-1002.htm?cmd=1> (Data obrashhenija: 22.12.2017)
- 3- Konrad N.I. (1978). *Problemy sovremennogo sravnitel'nogo literaturovedenija // N.I. Konrad. Izbrannye trudy. Literatura i teatr. Moskva, Izd-vo «Nauka». S. 29–49.*
- 4- Lomunov K.N. (1991 a). *Ot redakcii // Roman L. N. Tolstogo «Voskresenie»: Istoriko-funkcional'noe issledovanie / AN SSSR. In-t mirovoj lit. im. A.M. Gor'kogo. Moskva, Izd-vo «Nauka». S. 3–7.* onlajn. URL: <http://feb-web.ru/feb/tolstoy/critics/rtv/rtv-003-.htm> (Data obrashhenija: 20.12.2017)
- 5- Lomunov K.N. (1991 b). *Pisатели-современники о последнем романе Л.Н.Толстого ("Воскресение" в оценке А. П. Чехова и А. М. Горького) // Roman L.N. Tolstogo «Voskresenie»: Istoriko-funkcional'noe issledovanie / AN SSSR. In-t mirovoj lit. im. A.M. Gor'kogo. Moskva, Izd-vo «Nauka». S. 51-72.* onlajn. URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/kritika-o-tolstom/lomunov-sovremenniki-o-poslednem-romane-tolstogo.htm> (Data obrashhenija: 02.12.2017)

- 6- Modebadze I.I. (2017). *Kogda-to u morja Ajvazovskogo... ("Master i Margarita" v intertekste gruzinskogo postmodernizma) // M.A Bulgakov: russkaja i nacional'nye literatury*. Erevan, Izd-vo «Antares». S. 376–384.
- 7- Modebadze I.I. (2013). *Russkaja klassicheskaja literatura v intertekste sovremennoj gruzinskoj prozy - TSQ (Toronto Slavic Quarterly)*, № 44, Spring 2013, Canada, Toronto, S. 134–147. onlajn. URL: <http://www.utoronto.ca/tsq/44/index.shtml>
http://sites.utoronto.ca/tsq/44/tsq44_modebadze.pdf
- 8- Roman L.N. *Tolstogo «Voskresenie»: Istoriko-funkcional'noe issledovanie* (1991) / AN SSSR. In-t mirovoj lit. im. A.M. Gor'kogo. Moskva, Izd-vo «Nauka». S.193.
- 9- Taliashvili Georgij (1951). *Lev Tolstoj i Gruzija*. Tbilisi: Izd-vo «Zarja Vostoka». S. 116. onlajn. URL: <http://l-n-tolstoy.ru/books/item/f00/s00/z0000001/st005.shtml>
(Data obrashhenija: 02.12.2017)
- 10- Cereteli Akaki (1960). *Lev Tolstoj // Akaki Cereteli. Izbrannye proizvedenija*. Tbilisi, Izd-vo «Zarja Vostoka». S. 655–656.
- 11- Chavchavadze Il'ja (1958). *Il'ja Chavchavadze // Dejateli gruzinskoj kul'tury o Rossii / Sostavil V.K. Imedadze*. Tbilisi, Izd-vo «Zarja Vostoka». S. 23–42.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Modebadze, I. & Tsitsishvili, T. (2019). Reception of Russian Classical Literature in Georgia: Pages of History - Kita Abashidze about Leo Tolstoy. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 13, 65-82.

DOI: 10.29252/iarll.13.65

URL: <http://journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/45>

Synthetic Genres of Art as the Sources of Russian Catchword Units Fund Enrichment

Shulezhkova Svetlana Grigorjevna¹

Professor, Nosov Magnitogorsk State Technical University,
Magnitogorsk, Russia.

Diadechko Ludmila Petrovna²

Professor, Taras Shevchenko National University of Kiev,
Kiev, Ukraine.

(date of receiving: February, 2018; date of acceptance: May, 2018)

Abstract

In the second half of the 20th and the beginning of the 21st centuries are marked by the process of Russian catchword units fund updating. Contrary to globalization, it occurs mainly at the expense of internal forces of the language system. Russian society endures cardinal changes in the sphere of culture: from literature-centric it progressively becomes the culture of performance. In the 18th–19th centuries, verbal sources were the main suppliers of new catchwords, but now synthetic styles and genres of art play a leading part in the process of catchword enrichment of Russian language. Animated films hold a specific place among them. Animated cinema appeared in Russia more than 100 years ago, and by the 1970s–1980s, it has achieved brilliant results. Catchwords from the Soviet cartoons of those years are still widely used. Tens of catchwords from modern Russian cartoons, translated into many languages, have joined them. Their linguocultural description is the work of the future. The article authors offer one of the possible solutions to this difficult task.

Keywords: Catchword Unit, Language System, Synthetic Genres of Art, Centrist Culture Spectacle.

---

1. E-mail: shulezkova@gmail.com

2. E-mail: eptonim@ukr.net

**Синтетические жанры искусства
как источники обогащения фонда крылатых единиц
современного русского языка**

Шулежкова Светлана Григорьевна¹

Профессор, Магнитогорский государственный технический университет им.
Г.И. Носова,
Магнитогорск, Россия.

Дядечко Людмила Петровна²

Профессор, Киевский национальный университет им. Т.Г. Шевченко,
Киев, Украина.

(дата получения: февраль 2018 г.; дата принятия: май 2018 г.)

Аннотация

Во второй половине XX – начале XXI в. активизировался процесс обновления фонда крылатых единиц (КЕ) русского языка. Вопреки глобализации, он происходит преимущественно за счёт внутренних резервов языковой системы. Российское общество переживает кардинальные изменения в сфере культуры: из литературоцентристской она неуклонно превращается в культуру зрелищцентристскую. И если в XVIII–XIX вв. основными источниками новых КЕ были вербальные источники, то сейчас всё большую роль в обогащении русского языка образными словами и выражениями играют синтетические виды и жанры искусства. Особое место среди них занимает мультипликационный кинематограф. В России он зародился более 100 лет тому назад и уже к 1970–1980-м гг. достиг блестящих результатов. КЕ из советских мультфильмов тех лет широко используются и сегодня. К ним присоединились десятки КЕ из современных переведённых на многие языки мира мультфильмов России. Лингвокультурологическое их описание – дело будущего. Авторы статьи предлагают один из возможных путей решения этой непростой задачи.

Ключевые слова: Крылатая Единица, Языковая Система, Синтетические Жанры Искусства, Зрелище Центристская Культура.

---

1. E-mail: shulezkova@gmail.com

2. E-mail: eptonim@ukr.net

Введение

Фонд крылатых единиц (КЕ) – один из самых мобильных пластов лексико-фразеологической системы любого живого, естественного языка. Он неразрывно связан с состоянием культуры народа и с теми социальными, экономическими, геополитическими, конфессиональными и информационно-техническими процессами, которые вызывают изменения в менталитете носителей языка, в их этических взглядах и эстетических пристрастиях. КЕ, наряду с другими языковыми знаками, отмеченными лингвокультурной значимостью, выступают в роли элементов «особого кода – кода национальной культуры» (Душенко 1999. 53), ибо значение любой КЕ обогащено специфическим фоном – памятью о собственных «корнях», об обстоятельствах, вызвавших её к жизни. Связь с автором или произведением-источником расширяет рамки значения КЕ дополнительными ассоциациями, обеспечивают ей определённый эмоциональный настрой, помогают вызвать у собеседника, принадлежащего к той же культуре, нужную реакцию.

В последней трети XIX – начале XX столетия в фонде крылатых единиц русского языка начинают происходить кардинальные изменения. С одной стороны, они были следствием великих потрясений, которые пережила Россия: кровопролитная русско-турецкая война, закончившаяся освобождением Болгарии от османского ига; поражение в Первой мировой войне, в которой погибли сотни тысяч русских солдат и офицеров, а страна лишилась значительных территорий; Октябрьская социалистическая революции 1917 г., вылившаяся в гражданскую войну и повлекшая за собой коренную перестройку социально-экономической жизни государства. С другой стороны, трансформировалась и сама русская национальная культура. Если до 1870-х гг. основными поставщиками крылатых слов (КС) и крылатых выражений (КВ) русского языка были художественные произведения отечественных и зарубежных писателей и поэтов, то к концу XIX в. активизация протестных

движений повлекла за собой рождение КС и КВ из публицистических (социал-демократических и коммунистических) текстов и из революционных рабочих песен. Кроме того, изобретение записывающих, тиражирующих и воспроизводящих устройств способствовало превращению оперы, оперетты, романса, кинематографа, а также других профессиональных жанров искусства, наряду с песней, народной и авторской, в источники КЕ наряду с литературой. Поддержанные средствами массовой коммуникации, в XX в. эти синтетические виды искусства стали играть лидирующую роль в пополнении фонда КЕ русского языка.

Основная часть

Языковые процессы XX – начала XXI в. отражают смену литературоцентристского типа культуры зрелищецентристским. Однако большинство составителей словарей и справочников КЕ по традиции акцентировали своё внимание на КС и КВ, восходящих к вербальным видам искусства. В качестве авторов оперных, романсных и песенных КЕ в справочниках и словарях обычно указывались создатели поэтических текстов, ибо невербальные виды искусства рассматривались, по преимуществу, как посредники в освоении КЕ. Этот подход к описанию КС и КВ отразился в высокопрофессионально выполненном, неоднократно переиздававшемся словаре «Крылатые слова. Литературные цитаты, образные выражения» (Ашукины. 1955, 1960, 1966, 1986, 1987) и в последующих многочисленных эпиграфических трудах, авторы которых опирались на перечень единиц Н.С. и М.Г. Ашукиных. К 1990-м гг. прошлого века в русском языке функционировало уже около 1000 КЕ, восходящих к синтетическим жанрам искусства, но в словари, нацеленные не просто на фиксацию новых КЕ, а на полноценное их лингвистическое описание, до конца XX и первых лет XXI в. они попадали очень дозированно. Исключением в этом отношении можно

считать лишь отдельные работы первой половины 1990-х и начала 2000-х гг., каждая из которых рассматривалась в качестве подготовительной к будущим полноценным энциклопедическим изданиям. К ним примыкает «Словарь крылатых выражений из области искусства», где подробному лингвокультурологическому анализу подвергается около 1000 КЕ, восходящих к песням, романсам, кинофильмам операм, опереттам, речевым жанрам эстрады, телевизионным постановкам и т. д. (Шулежкова. 2003).

Анимационные короткометражки в России появились ещё в первое десятилетие XX столетия. В 1906 г. балетмейстер Мариинского театра А. Ширяев, друг знаменитого хореографа Мариуса Петипа, создал кукольный мультфильм с двенадцатью танцующими фигурками. За этим фильмом последовали ещё три, выполненных аналогично для учебных целей (Ксензенко. 2009). Мультипликация укрепляла свои позиции в 1920 – 1950-е годы; она привлекала внимание многих отечественных деятелей культуры (В. Маяковского, С. Эйзенштейна и др.), которые понимали широчайшие возможности этого нового вида искусства. Однако долгое время отношение к анимационному творчеству в целом в стране было снисходительным. Как пишет один из самых основательных исследователей мультипликации С. Асенин, «Мультипликацию не только “затирал” кинопрокат, считавший демонстрацию мультфильмов финансово невыгодной; не менее надменно, сверху вниз, как на что-то детски игрушечное, ненастоящее, третьесортное, смотрели нередко на неё деятели “большого” кино, её пренебрежительно обходила молчанием критика» (Асенин 1974. 4). Прошло более сорока лет после того, как были написаны эти строки, а с отголосками подобного отношения к мультфильмам можно столкнуться и в наше время. Так, например, фундаментальный том под названием «Большой словарь: Крылатые фразы отечественного кино» (Кожевников 2001), в котором представлены цитаты из 1 305 отечественных художественных фильмов, появившихся на

российских экранах в 1931–2000 гг., не содержит ни одной цитаты из мультфильмов, да и сами мультфильмы как источники крылатых фраз вообще автором не упоминаются.

Мультипликация – молодое синтетическое искусство. В ней «образный строй, сила художественного воздействия <...> основаны главным образом на выразительности движения, на метафоре и гиперболе, символике и олицетворении <...> для неё характерны иносказание и та масштабная типизация, то сгущение наиболее существенных черт и признаков, которые наиболее тесным образом связаны <...> с многовековым опытом и реалистическими традициями народного опыта» (Асенин 1974. 9). Эти достоинства в полной мере проявились в советском анимационном искусстве 1960 – 1980-х гг., когда оно достигло наивысшего расцвета.

Язык сразу же отреагировал на успехи мультипликации. В разговорной речи не только детей, но и взрослых – пап и мам, бабушек и дедушек – то и дело зазвучали забавные реплики полубившихся персонажей из мультфильмов: *Кажется, дождь начинается; Деньги у нас есть. У нас ума не хватает; Пустяки, дело житейское; Поели – можно поспать. Поспали – можно поесть; Спокойствие, только спокойствие;* и пр. Общая демократизация русского языка в постсоветскую эпоху способствовала проникновению этих оборотов в публицистику, в художественные тексты, на эстраду, в различные СМИ; мгновенно подхватили «мультяшные» цитаты пользователи Интернета. Так, например, любимая фраза Бабы Яги, героини мультфильма «Баба Яга против» (1980), которая всячески препятствует медвежонку Мише попасть в Москву на Олимпиаду, стала употребляться по отношению к тем, кто никогда ни с чем не соглашается:

А Баба Яга против! [В тексте:] Есть люди, которые вне зависимости от своей способности к объективной оценке ситуации, события – всегда против! Некоторые таковы из-за скверности

характера, но есть и те, кто этот инструмент используют специально, решая ту или иную задачу! Комментарий на канале ОСО, 04.03.2017. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=ILMf_Ed5KSw (дата обращения: 14.02.2018); *Этот комплекс называется «– А Баба Яга против!» Встречается среди народа реального и виртуального, не описан в официальной литературе, не запатентован, однако... Оппонентов с таким синдромом не смущает наличие квалификации, сертификатов и дипломов у другой стороны, они будут яростно спорить с врачом о видах пластики грыжевых ворот, хотя, кроме гаражных и в доме, ворот не видели, они будут спорить с музыкантом, утверждая, что скрипка – не струнный и не смычковый инструмент, они растолкуют Евангелие священнику и богослову, а художнику расскажут, как готовить полотно к работе, ибо до этого, он совершенно не имел об этом представления, несмотря на то, что он Заслуженный и Член Союза... Luiza. Сообщение 1, 27.03.2013 // Форум “Science”. Режим доступа: <https://scisne.net/t-274?pg=4> (дата обращения: 14.04.2018).*

Именами (*Чебурашка, Винни-Пух, кот Леопольд, крокодил Гена, кот Матроскин, почтальон Печкин, старуха Шапокляк* и др.), приобретенными символические значения, стали называть друзей и недругов. Однако лингвисты не очень спешили признавать за этими единицами право на языковой статус. Во-первых, потому, что сама наука о крылатых единицах сложилась лишь на рубеже XX–XXI вв. Во-вторых, сказывалось традиционное отношение культурной элиты страны к мультипликации как к искусству легковесному, чисто развлекательному.

Первым рискнул поместить два «мультяшных» КЕ в свои двуязычные словари КС известный лексикограф В.П. Берков: *Нам не страшен серый*

волк – из песенки поросят, переведённой на русский язык С. Михалковым и использованной в мультфильме 1963 г. «Три поросёнка» режиссёра И. Аксенчука, созданного на основе фильма У. Диснея (Берков 1984. 130); *Ну, заяц, погоди!* – реплика Волка, персонажа серии мультипликационных фильмов режиссёра В. Котёночкина «Ну, погоди!», с которыми зрители начали знакомиться в 1969 г. (Там же. 141). Одно КВ из мультфильма «Три поросёнка» – *Нам не страшен серый волк* – попало в «Русско-немецкий словарь крылатых слов» (Афонькин 1985. 152), опубликованный практически в то же время, что и словари В.П. Беркова.

Немного позднее в «Словаре крылатых выражений из области искусства» (Шулежкова 2003) уже были описаны КВ из 12 мультфильмов: «Антошка» (1968), «Бременские музыканты» (1968), «Винни-Пух идёт в гости» (1971), «Ну, погоди!» (1969), «Крошка Енот» (1974), «Малыш и Карлсон» (1968), «Приключения кота Леопольда» (1975), «Три поросёнка» (1963), «Чебурашка» (1971), «Безумный аэроплан» и «Пароход Вилли» (1928), «Чип и Дэйл спешат на помощь» (1990). А в словаре «Крылатые слова нашего времени», помимо названных выше, автор анализирует эпонимы из анимационных лент «Снежная королева» 1938 г., «Дюймовочка» 1964 г., «Ёжик в тумане» 1975 г., «Большой секрет для маленькой компании» 1979 г., «Маугли» 1967–1970 гг., «Козлёнок, который считал до десяти» 1968 г., «Баба Яга против!» 1980 г. (Дядечко 2008). В этих словарях последовательно проводится не только источниковедческий анализ каждой КЕ, но и неукоснительно реализуется принцип лингвокультурологического описания эпонимов с опорой на теоретические исследования авторов. Однако большинство создателей эпиграфических словарей обходят стороной проблему увлечения носителей русского языка крылатыми словами и выражениями из мультфильмов. Так, в прекрасно изданной энциклопедии «Крылатые слова», в которой уточняется авторство, описывается значение и происхождение 4 000 КЕ, читатель вряд ли

найдёт КС и КВ, восходящие к анимационным картинам, хотя единицы, рождённые кинематографом, представлены в ней достаточно широко [Серов 2003]. То же самое можно сказать о неоднократно переиздававшемся «Словаре современных цитат», где называются источники, авторы и время возникновения 4 750 цитат и выражений XX в. из области литературы, истории, политики, науки, кино, эстрады, спорта (Душенко 2002).

Носители русского языка прекрасно осознают изменения, происходящие в национальной культуре, и с удовольствием включают мультипликационный пласт КЕ в лексико-фразеологическую «сетку координат, которую даёт им», по выражению А. Вежбицкой, их «родной язык», чтобы «задействовать» их при выражении своих эмоций, своих чувств. Мало того, как справедливо заметил автор «Словаря крылатых фраз российского кино», сейчас «существует явление, которое условно можно назвать *народной интернет-лексикографией*. В принципе её можно назвать и по-другому: *поп-лексикография*. Основная её характеристика – простота, доходящая “до святости”» (Елистратов 2010. 3-4). В Интернете легко можно отыскать перечни «популярных цитат» из любого мультфильма. Они грешат не только субъективностью отбора и отсутствием семантических и ситуационных описаний употребления приведённых фраз, но и содержат массу неточностей.

Самодетельное лексикографическое творчество – реакция на отсутствие по-настоящему востребованных и, что не менее важно, доступных словарей с описанием «мультипликационных» КЕ. В значительной мере решить эту проблему мог бы «Словарь крылатых фраз российского кино», опубликованный в 2010 г., однако он вышел тиражом всего в 5 000 экземпляров. В этом словаре, жанр которого автор определил как «русский кинемалогос», каждая популярная *киноцитата* приводится в своей начальной форме; затем кратко характеризуется её значение; называется фильм, где она прозвучала впервые; указывается ситуация, в которой уместно её

употребление; описываются интонация или жесты того, кто использует киноцитату в речи. Например:

НЕПРАВИЛЬНО ТЫ, ДЯДЯ ФЁДОР, БУТЕРБРОД ЕШЬ. О том, что собеседник делает что-л. неправильно, неумело («Трое из Простоквашино»). Произносится с «кошачьими» интонациями (Елистратов 2010. 178);

ЛЕТАЕТ... ПАРИТ... НАШ ОРЁЛ! Шутливо о ком-л., делающем что-л. выдающееся, необычное, демонстрирующем свою силу, умение что-л. делать и т. п. («38 попугаев»). Произносится с нарочитым умилением (Там же. 144);

ДО ПЯТНИЦЫ Я СОВЕРШЕННО СВОБОДЕН. Шутливый ответ на вопрос о том, свободен ли в данный момент говорящий («Винни-Пух идёт в гости») (Там же. 94).

Мультфильмы как источники КЕ и как вид искусства В.С. Елистратовым поставлены в один ряд с фильмами «большого кино». Из 210 кинолент-«поставщиков» КС, описанных в его Словаре, 42, то есть пятая часть, – ленты анимационные. Материалы Словаря свидетельствуют о том, что по количеству «порождения» *киноцитат* лидируют отечественные мультипликационные фильмы. Так, из сериала о деревне Простоквашино (1978–1984) в Словарь включено 46 *крылатых фраз*, из мультфильма «Падал прошлогодний снег» (1983) – 32, из цикла о крокодиле Гене и Чебурашке (1969–1983) – 30, из сериала о Малыше и Карлсоне (1968–1970) – 27; из мультфильмов «Бременские музыканты» и «По следам бременских музыкантов» (1969–1973) – 25 *крылатых фраз*. Даже если тщательный лингвокультурологический анализ, сопряжённый с иллюстрированием каждой КЕ добротными примерами, заставит лексикографов скорректировать и сократить количество единиц из Словаря В.С. Елистратова, оставшиеся КЕ, несомненно, также

будут отражать главную тенденцию в развитии русской национальной культуры – её превращение из литературоцентристской в зрелищецентристскую. Ни русская поэзия, ни русская проза 1960-х – начала 2000-х гг. по охвату аудитории и по продуктивности порождения новых КС и КВ не могут соперничать с кинематографом, неотделимой, хотя и своеобразной, частью которого является мультипликация.

Чем же можно объяснить феномен «языковой продуктивности» детских мультфильмов не только советского прошлого, но и, как показывают наблюдения над состоянием современного анимационного искусства России, постсоветского периода? С самого своего возникновения мультипликация воспринималась, прежде всего, как искусство изобразительное, в котором слово должно было уступить место движению. «Многословие – давняя и довольно распространённая болезнь наших мультфильмов. Между тем изобразительная сторона, представляющая собой главное, ведущее начало выразительности этого искусства, должна быть настолько хорошо и точно разработана, чтобы словесный комментарий был либо вовсе не нужен, либо сведён к минимуму», – можно прочесть в монографии «Волшебники экрана. Эстетические проблемы современной мультипликации» (Асенин 1974. 112). Но оказалось, что российская мультипликация тем и отличается от зарубежной, что в ней гармонично взаимодействуют разные виды искусства – графика, живопись, музыка и слово. Это, наряду с тематикой, которая черпается в основном из русской классической литературы и собственного фольклора, остросюжетностью, великолепной «закадровой» игрой актёров, этическими и эстетическими установками, соответствующими менталитету россиян, и позволяет специалистам говорить об интеллектуальности лучших советских и современных российских мультфильмов. Это же объясняет популярность КЕ из мультфильмов.

В извечной борьбе двух тенденций – стремления к обновлению и активного противодействия чрезмерным новшествам, грозящим подорвать устои национального языка, граждане России стихийно выбирают путь обогащения родного языка не за счёт англицизмов, которых в условиях глобализации русские итак освоили достаточно много, а за счёт собственных речевых ресурсов. Пусть социологические исследования свидетельствуют о том, что русские перестали быть самой читающей нацией в мире. Но они не утратили интереса к словотворчеству и к фразеотворчеству: «логоцентризм русской культуры не исчез. Наоборот, наблюдается колоссальная тяга к слову во всех его ипостасях» (Елистратов. 4). Эта тяга к слову отражает специфические национальные черты русской языковой личности, её ментальность, проявляющуюся в стереотипах поведения. «Особенности национальной культуры, психологии и ментальности отражаются в речи, в системе словоупотребления, придают особенный колорит языковой картине мира» (Сергеева 2012. 11). В книге «Русские: Как мы изменились за 20 лет» автор пишет: «... независимо от возраста русским по-прежнему присущи эмоциональность, страстность, любовь к справедливости, открытость, чуткое восприятие чужих эмоциональных состояний, правдивость и умение строить диалог <...> Несмотря ни на какие катаклизмы, русские так и остались русскими, как и их язык» (Сергеева 2015. 408). Русские по-прежнему склонны к соборности, коллективизму. Они готовы помочь тому, кто попал в беду, ценят остроту ума, любят подтрунивать над собой. И реплики из мультфильмов нередко помогают им выразить всё это нестандартно, в шуточной форме. См., например, КВ *Давай бояться вместе; Счастье – это когда у тебя все дома; Ребята, давайте жить дружно!; Пустяки, дело житейское!; Собака бывает кусачей только от жизни собачьей; Всё-таки хорошо, что мы снова вместе!*

Заключение

Конец XX – начало XXI вв. не случайно называют временем словарного бума. Но до сих пор ещё не создан полный словарь крылатых слов и выражений из мультфильмов. Мы полагаем, что это не должен быть обычный справочник, где интересующая читателя единица сопровождается указанием мультфильма, к которому она восходит. Даже если в подобном справочнике будет дана семантическая характеристика, не подтверждённая примерами употребления КЕ, эта информация всё равно мало что скажет пользователю. Необходим словарь мультимедийного типа, снабжённый поисковой системой, позволяющей найти не только текстовую часть словарной статьи с её обязательными зонами (инициальной, источниковедческой, семантической, стилистической, иллюстративной; отражающей узуальное употребление КЕ и трансформированное, а также описывающей ситуацию, в которой уместно её употребление). Структурно, и содержательно такой словарь должен соответствовать описываемому материалу, и этого можно достичь, если приложить к словарной статье подходящую «картинку» и сделать свободным доступ к фрагменту мультфильма, в котором звучит описываемая фраза.

Литература

- 1- Асенин С.В. (1974). *Волшебники экрана. Эстетические проблемы современной мультипликации*. Москва, Изд-во «Искусство».
- 2- Афонькин Ю.Н. (1985). *Русско-немецкий словарь крылатых слов: Около 1200 единиц*. Москва, Изд-во «Русский язык».
- 3- Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. (1966). *Крылатые слова. Литературные цитаты, образные выражения*. 3-е изд. Москва. Изд-во «Художественная литература».
- 4- Берков В.П. (1980). *Русско-норвежский словарь крылатых слов*. Москва, Изд-во «Русский язык».
- 5- Душенко К.В. (1999). *Крылатые слова и цитатный канон культуры // Культурология: Дайджест*. Москва, Изд-во «РАН ИНИОН». С. 39-65.

- 6- Дядечко Л.П. (2008). *Крылатые слова нашего времени. Толковый словарь*. Москва, Изд-во «НТ Пресс».
- 7- Елистратов В.С. (2010). *Крылатые слова российского кино*. Москва, Изд-во «АСТ-ПРЕСС КНИГА».
- 8- Кожевников А.Ю. (2001). *Большой словарь: Крылатые фразы отечественного кино*. Санкт-Петербург. «Издательский Дом “Нева”». Москва, Изд-во «ОЛМА-ПРЕСС».
- 9- Ксензенко Е. (2009). *Так оживают мультфильмы // НТВ. Программа «Сегодня», 13.04.2009.* <http://www.ntv.ru/novosti/156556/> (дата обращения: 16.12.2017).
- 10- Сергеева, А.В. (2012). *Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность*. Москва, Изд-во «Флинта: Наука».
- 11- Сергеева А.В. (2015). *Русские: Как мы изменились за 20 лет?* Москва, Изд-во «ФЛИНТА: Наука».
- 12- Серов В.В. (2003). *Крылатые слова: Энциклопедия* Москва, Изд-во «Локид-Пресс».
- 13- Уолш И.А., Берков В.П. (1984). *Русско-английский словарь крылатых слов: Около 1900 единиц*. Москва. «Русский язык».
- 14- Шулержкова С.Г. (2003). *Словарь крылатых выражений из области искусства: Более 1000 крылатых выражений*. Москва, Изд-во «Азбуковник», «Русские словари».

Bibliography

- 1- Asenin S.V. (1974). *Volshebnyki jekrana. Jesteticheskie problemy sovremennoj mul'tiplikacii*. Moskva, Izd-vo «Iskusstvo».
- 2- Afon'kin Ju.N. (1985). *Russko-nemeckij slovar' krylatyh slov: Okolo 1200 edinic*. Moskva, Izd-vo «Russkij jazyk».
- 3- Ashukin N.S., Ashukina M.G. (1966). *Krylatye slova. Literaturnye citaty, obraznye vyrazhenija*. 3-e izd. Moskva. Izd-vo «Hudozhestvennaja literatura».
- 4- Berkov V.P. (1980). *Russko-norvezhskij slovar' krylatyh slov*. Moskva, Izd-vo «Russkij jazyk».
- 5- Dushenko K.V. (1999). *Krylatye slova i citatnyj kanon kul'tury // Kul'turologija: Dajdzhest*. Moskva, Izd-vo «RAN INION». S. 39-65.
- 6- Djadechko L.P. (2008). *Krylatye slova nashego vremeni. Tolkovyj slovar'*. Moskva, Izd-vo «NT Press».
- 7- Elistratov V.S. (2010). *Krylatye slova rossijskogo kino*. Moskva, Izd-vo «AST-PRESS KNIGA».

- 8- Kozhevnikov A.Ju. (2001). *Bol'shoj slovar': Krylatye frazy otechestvennogo kino*. Sankt-Peterburg. «Izdatel'skij Dom "Neva"». Moskva, Izd-vo «OLMA-PRESS».
- 9- Ksenzenko E. (2009). *Tak ozhivajut mul'tfil'my* // NTV. Programma «Segodnja», 13.04.2009. <http://www.ntv.ru/novosti/156556/> (data obrashhenija: 16.12.2017).
- 10- Sergeeva, A.V. (2012). *Russkie: stereotipy povedenija, tradicii, mental'nost'*. Moskva, Izd-vo «Flinta: Nauka».
- 11- Sergeeva A.V. (2015). *Russkie: Kak my izmenilis' za 20 let?* Moskva, Izd-vo «FLINTA: Nauka».
- 12- Serov V.V. (2003). *Krylatye slova: Jenciklopedija* Moskva, Izd-vo «Lokid-Press».
- 13- Uolsh I.A., Berkov V.P. (1984). *Russko-anglijskij slovar' krylatyh slov: Okolo 1900 edinic*. Moskva. «Russkij jazyk».
- 14- Shulezhkova S.G. (2003). *Slovar' krylatyh vyrazhenij iz oblasti iskusstva: Bolee 1000 krylatyh vyrazhenij*. Moskva, Izd-vo «Azbukovnik», «Russkie slovari».

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Shulezhkova, S. & Diadechko, L. (2019). Synthetic Genres of Art as the Sources of Russian Catchword Units Fund Enrichment. *Issledovatel'skij Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 13, 83-97.

DOI: 10.29252/iarll.13.83

URL: <http://journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/46>

Intensification in Higher Education Linguodidactics

Golovaneva Marina Anatolievna¹

Associate Professor, Astrakhan State University,
Astrakhan, Russia.

(date of receiving: March, 2018; date of acceptance: September, 2018)

Abstract

The article is devoted to the description of the experience of intensifying the process of teaching Russian as a foreign language at the high school level. Methods and techniques are considered that can significantly improve the learning efficiency of foreign speakers at the initial stage. The most effective forms of auditor and non-audit work are described; the degree of their reproducibility is indicated. Didactic requirements for the implementation of the proposed formats of activity were noted. Illustrating the proposed forms of work is accompanied by comments on the communicative-cognitive specificity of their application in the first-year students' classroom. The work noted the effectiveness of various traditional and non-traditional exercises that increase the didactic level of the efforts of the student and teacher. The use of such tasks is argued by their adequacy in the specific training situation, the greatest correspondence to the expected results, the best reproducibility. A wide range of noted means is conditioned by the requirements of diversity for the realized models of training. The direction of the research "from practice to theory" in all cases is based on the provisions available in the linguistic guideline and is intended to strengthen them with practical experience, in some cases extraordinary.

Keywords: Cognitive Learning Strategies, Intensification of Learning, Teaching Principles, Teaching Methods and Techniques, Foreign Speaker.

---

1. E-mail: yarrow@inbox.ru

Интенсификация в лингводидактике высшей школы

Голованева Марина Анатольевна¹

Доцент, Астраханский государственный университет,
Астрахань, Россия.

(дата получения: март 2018 г.; дата принятия: сентябрь 2018 г.)

Аннотация

Статья посвящена описанию опыта интенсификации процесса обучения русскому языку как иностранному на ступени высшей школы. Рассматриваются методы и приёмы, позволяющие значительно повысить эффективность усвоения инофонами учебной информации на начальном этапе. Описаны наиболее действенные формы аудиторной и неаудиторной работы, указана степень их воспроизводимости. Отмечены дидактические требования к реализации предлагаемых форматов деятельности. Иллюстрирование предлагаемых форм работы сопровождается комментариями коммуникативно-когнитивной специфики их применения в аудитории студентов первого курса. В работе отмечена эффективность различных традиционных и нетрадиционных упражнений, повышающих дидактический уровень прилагаемых усилий студента и преподавателя. Использование подобных заданий аргументировано их адекватностью конкретной учебной ситуации, наибольшим соответствием ожидаемым результатам, наилучшей воспроизводимостью. Широкий спектр отмеченных средств обусловлен требованиями разнообразия к реализуемым моделям обучения. Направление исследования «от практики к теории» во всех случаях опирается на имеющиеся в лингводидактике положения и призвано укрепить их практическим опытом, в отдельных случаях неординарным.

Ключевые слова: Когнитивные Учебные Стратегии, Интенсификация Обучения, Принципы Обучения, Методы И Приёмы Обучения, Инофон.

---

1. E-mail: yarrow@inbox.ru

Введение

Интенсификация учебного труда может показаться приемлемой только на стадии глубокого владения языком, когда студент погружён в сферу иностранного языка профессионально ориентированного – на последних курсах его изучения. Однако опыт внедрения приёмов данной специфической деятельности уже на первом курсе университета свидетельствует об обратном: результаты применения форм сверхактивной работы иллюстрируют их эффективность, применимость также и в группах с невысоким рейтингом студентов, воспроизводимость практически на всех этапах занятия. Итак, мы говорим о возможностях интенсификации процесса обучения русскому языку как иностранному студентов высшей школы. Мы описываем опыт работы со студентами первого курса, имеющими на момент поступления в университет уровень ТРКИ-1/В1 по российской классификации. Кроме того, наши выводы получены из практики работы в туркменской аудитории, что важно при учёте факторов ментальной специфики.

Основная часть

Менталитет, по определению С.Г. Тер-Минасовой, это «мыслительная и духовная настроенность как отдельного человека, так и общества в целом» (Тер-Минасова 2007. 36). Менталитет туркменской моногруппы обладает не только катализирующим потенциалом. Восточная уважительность и почтительность к старшему, к преподавателю способствуют отношению к занятию как к серьёзному и непреложно трудоёмкому делу; с другой стороны, туркменские студенты склонны скорее к размеренным учебным действиям. На первых порах им несколько чужд интенсивный и энергичный ход занятия. Они не без труда привыкают к быстрой смене видов деятельности и к большой скорости выполнения упражнений. Однако интенсификация труда на первом курсе особенно важна, если понимать её как «увеличение напряжённости,

продуктивности, усиление деятельности» (Булыко 2004. 284). Выработка в самом начале обучения языку в университете установок на интенсивный труд позволяет не только на весь период занятий языком привить соответствующие навыки, но и сформировать способность быстрой концентрации внимания именно в языковой среде, способность оперативного погружения в коммуникативно-когнитивное пространство иноязычного дискурса.

Работа с инофонами предполагает реализацию когнитивной схемы, включающей ключевые когнитивные учебные стратегии: повторение, детализацию (подразумевающую действия: конспектирование, подбор примеров, сравнение, установление межпредметных связей и др.), организацию (составление таблиц, схем, написание резюме, планов, опорных схем и т.п.). Выполнение указанных процедур не подвергается нивелированию при интенсификации учебного труда. Напротив, интенсификация вносит в эти операции больший порядок; интенсификация позволяет реализовывать методическую политику формирования навыка, который имеет как следствие появление осмысленности; интенсификация даёт возможность интеллектуальной «свободы», которая приходит к инофону вместе с ощущением свободного владения хотя бы элементарно малой зоной чужого языка. Как отмечено в работе С.Г. Тер-Минасовой (Тер-Минасова 2007. 45), переход с родного языка на чужой и наоборот у знатока вызывает наслаждение, Владимир Набоков, например, отмечал: «Я открываю новый мир и испытываю интеллектуальное счастье». В идеале изучение чужого языка преследует именно эту цель – ощущение интеллектуального удовольствия от способности легко менять регистры языков и испытывать при этом не дискомфорт, а наслаждение. Однако это редко имеет место. Среди приёмов интенсификации труда при исключении средств лингафонной работы отмечаются следующие. Требуется оговориться, что все приводимые здесь способы организации деятельности способствуют интенсификации только в

случае, если становятся систематически используемыми. Их дидактическая сила заключается в их привычности. Практически все упражнения решают одну задачу – задачу реализации общего психологического принципа обучения: от сознательного целенаправленного действия – к бессознательной автоматической операции.

Так, известная *тестовая форма работы* должна стать довлеющей. Интенсификация имеет место, если тесты используются в максимально возможном количестве. Закрепительные после объяснения, тренировочные, проверочные, аудиторные и домашние, письменные и устные, с большим и минимальным количеством вариантов для выбора ответа, предназначенные для индивидуального и группового выполнения, для работы на время и для работы домашней пролонгированной, иные возможные, они должны стать привычным рабочим «фоном». При этом на первых занятиях, в процессе освоения данной формы работы, не должно нарушаться правило постепенного вхождения в материал, должен быть сформирован навык критичного отношения к заданию в целях предупреждения бездумного поспешного выбора ответа. В силу черт ментальности, в ситуации групповой работы азиатские студенты показывают сплочённость, умение работать в команде, деловое увлечение, достаточно высокое трудолюбие. Специфическая черта – предрасположенность к выполнению работы, с одной стороны, имеющей чёткий образ, некоторую повторяемость и ритм, а с другой, позволяющей вычислять, – свидетельствует в пользу тестовой деятельности в туркменской аудитории. Эффективно обращение к одному и тому же тесту через достаточно длительное время. Закрепительная сила мнемонических процедур, неизбежно сопровождающих знакомую работу, даёт положительный результат. Возможность использовать банки тестов как с помощью преподавателя, так и самостоятельно позволяет студенту быстро продвигаться в освоении языка. Форма выполнения предложенного большого количества

тестов в формате самостоятельной неаудиторной работы, когда у каждого студента возникает собственная траектория, скорость, стиль и качество постижения языка, предполагает, что работа может как оцениваться, так и не оцениваться, но в обязательном порядке должна комментироваться преподавателем. Только при проведении необходимых консультаций этот вид деятельности имеет смысл.

Большое количество *однотипных примеров* (словосочетаний, требующих определения окончаний, или существительных, требующих постановки во множественное число, или определения времени глагола, и т.п.), размещённых на листах А4 в столбик, даёт возможность обращаться к этому упражнению ежеурочно. На занятии выполняется некоторое количество примеров, следующая «доза» – на очередном занятии. Работа выполняется весь учебный год, позволяя в режиме спирали постоянно возвращаться к уже изученному. Упражнение трудоёмко для преподавателя в плане его подготовки, особенно при учёте необходимости помещать в ряд примеры постоянно новые, не повторяющиеся. Однако при требовании к студенту комментировать каждую операцию и делать соответствующие графические обозначения эта работа даёт ощутимые результаты. Учебный труд становится интенсивным уже через несколько занятий с применением данного упражнения, как только вырабатывается навык необходимых операций.

Закономерным является перенесение инофоном *ударения* в многосложных словах. Так, в слове «оперирование» туркменский студент непременно сделает ударение на последнюю букву А. Подобные перестановки ударения в большей части слов научного текста делают его в процессе чтения или произнесения инофоном практически неузнаваемым. Небрежное отношение к термину быстро закрепляется в сознании иностранного студента. Работа над термином и обычным словом постфактум, когда уже совершилось его запоминание, глубокое усвоение и фонетическое привыкание, бесполезно. Как отмечает

М.П. Чеснокова, «каждое вводимое слово должно усваиваться в его фонетическом и графическом облике» (Чеснокова 2015. 36). Это «сжимает» время когнитивного присвоения и интенсифицирует процесс. Следовательно, работать над постановкой правильного ударения нужно, вовлекая ухо, речевой аппарат, глаз инофона. В связи с этим нами используются примеры, расположенные в столбики на листах А4. Подготовительная работа над отдельными словами завершается хорovým и индивидуальным произнесением ряда примеров. Смена скорости, ритма чтения, тона, произнесение примеров на фоне тишины и на фоне искусственного шума, индивидуально, группами, хором, вместе с преподавателем и самостоятельно, с различной интонацией – способствуют фонетической грамотности. Систематичность такой работы позволяет реализовывать концентрический принцип, когда регулярно повторяется пройденный материал, на него наслаивается новый, и на любом этапе обучения может быть актуализирована любая «доза» примеров.

Примыкает к данному упражнению блок работы над произнесением инофонами русских звуков. При произнесении туркменскими студентами русского текста большой процент из них испытывает трудности в *воспроизведении русских звуков* [ц], [с], [з], [ч], [щ], а также в произнесении всех звукосочетаний, содержащих мягкие русские согласные звуки, что объясняется спецификой фонетической системы туркменского языка, не имеющего в области согласных звуков оппозиции твёрдости – мягкости. Не новым является обращение в процессе фонетической коррекции к русским пословицам, поговоркам, скороговоркам, чистоговоркам. Рационально предложение сделать эту работу систематической и объёмной. На наших занятиях используются листы А4 с размещёнными на них столбиками примерами, которые подобраны строго в соответствии с наличием в них критических для студентов конкретной группы звуками. Примеры пронумерованы. В работе используются приёмы ориентации как на

фонетические проблемы группы в целом, так и на фонетические проблемы конкретных студентов. Выделены номера для фронтальной работы, часто хоровой, а также примеры, соответствующие целям коррекции артикуляции отдельных инофонов. Этап занятия, соответствующий фонетической работе, делится на фрагмент для объяснительной и иллюстративной работы преподавателя (каждый раз звук объясняется, произносится и демонстрируется с помощью визуальных средств); фрагмент для коллективной хоровой работы с «общими» трудными звуками; фрагмент для индивидуальной работы. Каждый студент закрепляет во внеаудиторном занятии самостоятельно «общие» звуки во всех примерах, а также «собственные» звуки, т.е. составляющие трудность именно для него. С этой целью все примеры скороговорок, пословиц и т.п. маркированы, и над примерами «собственными» студент обязан работать в сопровождении другого студента, являющегося носителем русского языка или отлично им владеющего (в университете имеется система менторства, волонтерства, земляческой поддержки, помощи иностранным студентам со стороны иностранцев-старшекурсников, успешно освоивших русский язык). Только наблюдение за живым звуком, не искажённым и не испорченным небрежностью произношения, воспитывает и приносит пользу. На занятии артикулирование производится с различной скоростью, различное количество раз, на фоне искусственного шума и без его сопровождения, хором и индивидуально, в составе слова и в виде отдельных звуков и т.п. Интенсификация деятельности заключается в реализации таких форм работы, которые невозможно произвести оперативно без подготовки вне аудитории, а также таких, которые возможно производить хором и индивидуально, в формате актива и интерактива. Например, без домашней продолжительной тренировки оперативно включиться в «полилог» по сигналу студента-координатора будет сложно тем группам студентов и студентам-индивидуалам, которые репетировали дома скороговорки со звуком [p]: *На*

траве дрова...; На горе Арарат...; Рады, рады, рады... Помимо подобных коллективных форм, формы индивидуальной фонетической работы также интенсивны: одному студенту предлагается чисто произносить в течение определённого времени «его» скороговорки и пословицы (то есть закреплённые за этим студентом ввиду наличия в них проблемных для него звуков). Ошибочное произнесение фиксируется преподавателем для обязательного последующего индивидуального анализа. Переходы между разными видами фонетической работы весьма коротки; виды работ разнообразны, плотность вовлечения контингента группы в эти разные формы постоянно меняется, что неизбежно усложняет задачу студента. Интенсивность деятельности велика.

Нами поддерживается как один из самых эффективных давно существующий в лингводидактике *способ познания* инофоном *новых слов* «по общему смыслу контекста, из ситуации» (Чеснокова 2015. 17), когда не делается перевод каждого отдельного слова, а его лексическое значение усваивается при погружении обучающегося в дискурс учебной речевой ситуации. Это может быть как работа над новым текстом, так и участие инофона в диалоге, полилоге. Практика подобного расширения лексического запаса становится плодотворнее, если диалоги и полилоги становятся неотъемлемой частью каждого занятия и если при этом они тщательно готовятся в процессе самостоятельной предварительной работы. В последнем случае диалоги / полилоги содержат лексику, незнакомую для тех студентов, которые не участвовали в подготовке конкретного диалога / полилога, и их когнитивная цель – используя базу общего семантического рисунка звучащего текста, выявить новые для себя когнитивные структуры и из их сложной стратифицированной сферы выделить лексическую составляющую. Закрепляется полученное знание на следующем этапе, когда авторы диалога/полилога, предварительно проанализировавшие при его подготовке

активизированную лексику, репрезентируют слушателям все новые активные лексические единицы, указывают специфику реализации их значений в данном контексте.

При практиковании такого вида работы, как *пересказ текста*, следует исключить всякую возможность обращаться к записи. Известно, что иностранные студенты разных стран по-разному относятся к заданной работе по воспроизведению прочитанного текста. На это влияют своеобразный «тип памяти, эмоций, восприятия, мышления» особенный жизненный опыт, знания, привычки, интересы, склонности, идеалы и ценностные ориентации (Балыхина 2010. 78). Однако пересказ – одно из важнейших и эффективнейших упражнений, комплексно развивающих студента. Необходимость ежеурочно воспроизводить определённое количество предложений ставит студента перед задачей качественного освоения материала. Зависимость от записей формирует у студента стойкую неуверенность, ухудшение памяти и даже снижение способности к анализу, поэтому в нашей практике оценивается только реальный пересказ. Отступления от текста, если замещённые фрагменты в смысловом плане соответствуют оригиналу, не возбраняются, напротив, умение импровизировать помогает инофону почувствовать определённую свободу владения языком. Интенсификация учебной деятельности при использовании формы пересказа имеет место только в случае, если удаётся достичь желаемого ответственного отношения к заданию, достаточно качественной подготовки пересказа, систематичности данной работы. В целях предупреждения закрепления у инофонов ошибок в произношении, интонационном рисунке, грамматике пересказ требует предварительной подготовки, тщательного анализа ключевых мест текста, активнейшей предварительной работы преподавателя. О технологии этой работы следует говорить отдельно.

Письмо возможно превратить в такую же ведущую деятельность, как и предыдущие виды. Опора на *тетради с печатной основой* позволяет решить проблему временных затрат. Вписывание от руки только требуемого фрагмента текста при том, что остальное предложение, фраза уже напечатаны, значительно ускоряет процесс. Увеличение количества выполненных упражнений – осмысленных мыслительных процедур вместо механической работы руки – результат максимальной печатной подготовленности тренировочного текста. Главный дидактический принцип в данном случае – это выполнение большого объёма заданий как в аудитории, так и самостоятельно и, кроме того, непреложное требование проверки и корректирования выполненного. Эффект есть результат систематичности, количества, контроля.

В письменных заданиях аудиторного и самостоятельного формата от студентов следует добиваться *графических обозначений*. «Пустой» правильно записанный текст, возможно, отражает понимание инофоном грамматической закономерности, но не позволяет ему увидеть всех связей, всей грамматической нагруженности примера. Так, указание определённого падежа, вопроса, надписывание частей речи, подчёркивание отдельных или всех членов предложения, оперирование скобками и т.п. лишней раз отправляет обучающегося к грамматическим зависимостям, напоминает о привязанности какого-либо явления к конкретным характеристикам. Графика – зеркальное отражение когнитивных процессов рецепции, приватизации, трансформации новой информации и производства из неё нового знания. Обязательное требование устного комментирования учебных операций и графического оформления записей интенсифицируют учебную деятельность. Систематичность такой работы освобождает урок от остановок и торможения по причине затруднений, вырабатывает навык аналитического и критического отношения к любому языковому факту.

Тренинговый характер имеет *упражнение-конструктор*, проводимое на каждом занятии в различных формах в зависимости от возможностей визуализации для проведения фронтального опроса. Студентам предлагается, например, столбик цифр, обозначающих время: 12.00; 12.05; 12.10; 12.15 ... – студенту требуется озвучить время в официальном стиле и в стиле бытового общения; или столбик словосочетаний, обозначающих дату: семнадцатое июля; ...; семнадцатому июля ... – студенту требуется «встроить» в парадигму недостающие элементы; или столбик местоимений, позволяющих образовать соответствующее местоимение иного разряда: я – мой; он – его; она – ...; оно – .... Регулярность реализации данной формы вырабатывает у обучающихся навык быстрого реагирования на задачу. Привычность деятельности освобождает от нерешительности и неуверенности. Постепенно вырабатывающийся автоматизм операций высвобождает энергию студента для выявления нестандартных заданий, осложнённых примеров. Это, в свою очередь, ведёт к интенсификации учебного труда.

Один из видов голосовой деятельности – специфическое *одновременное чтение* всех членов учебной группы, которое совершенствует соответствующую технику. Однако принцип хорового единогласия отсутствует, так как ценность упражнения заключается в возможности студента активизировать свой речевой аппарат в том режиме, который наиболее подходит именно ему. Работа с текстом, например, специальной дисциплины полезна в границах собственного речевого пространства без ориентации на оценку других студентов, без необходимости соответствовать временным и темповым требованиям. Но студент также не может и совсем уклониться от выполнения упражнения, т.к. задача преподавателя в это время – обеспечивать активность обучающихся. В подобной ситуации нет возможности корректировать чтение студента, но по общему настрою коллектива заметен эффект осмысленности или неосмысленности чтения.

Интенсификация труда возникает в момент, когда формат деятельности полностью осваивается и у студента появляется способность погружения в звуковой мир своего текста.

Е.М. Верещагин отмечает, что «обладающий языковой компетенцией иностранец в художественном тексте полностью понимает лишь буквальный «грамматический» смысл фразы, в то время как языком искусства является язык образов, а образы складываются в читательском восприятии только тогда, когда прочтение текста выходит за пределы буквализма» (Верещагин 1990. 59). Следовательно, особую трудность представляют тексты художественные или с элементами художественности, в некоторых случаях привлекаемые для работы. Помимо текстов, предназначенных для чтения, понимания, полного освоения, точного воспроизведения, для терминологической работы, преподаватель может использовать *тексты для домашнего чтения*. Это должны быть тексты с гораздо меньшим количеством терминов и специфических выражений; быть посильными для самостоятельного разбора, усвоения; относительно легки для восприятия; быть в какой-то степени занимательны; невелики. Читательский навык, расширение общей эрудиции, возможность уяснить какие-либо не до конца ясные вопросы с помощью этих текстов позволят студентам глубже войти в языковую среду. Интенсивной является деятельность по освещению инофонами на аудиторном занятии ключевых содержательных моментов домашних текстов. При этом контроль может осуществлять не только преподаватель, но и все члены интерактивной группы. 1) Простейшая форма – блиц-опрос преподавателя: в быстром (но достаточном для рецепции) темпе инофоны отвечают на вопросы преподавателя; 2) вопросы подготавливаются студентами и задаются любым членам группы; 3) вопросы готовятся одним более других компетентным студентом, который замещает собой преподавателя; 4) мини-группы вступают в состязание по скорости и грамматической правильности ответов на вопросы

друг друга; 5) пара студентов вступает в соответствующий диалог, а задача группы при этом – выявить не затронутые аспекты содержания текста. Для сильных студентов приемлема практика чтения гораздо больших текстов, содержание которых передаётся затем на аудиторном занятии для членов группы как занимательное, привлекающее непроизвольное внимание, расширяющее не только лингвистический кругозор, но и общеинтеллектуальный.

Примыкает к работе с текстами такая её разновидность, как *выучивание стихов наизусть*. О технологии подготовительной работы со стихотворными текстами здесь не упоминается. Иной аспект – усиление интенсивности учебного труда – подтверждается тем, что постоянство формы и охваченность всех членов группы контролем на каждом занятии культивирует у студентов отношение к этой деятельности как к естественной, очевидно эффективной и привлекательной. Очень короткие фрагменты стихов (4–8 строк на каждом занятии) в качестве заданий позволяют студентам не испытывать негативных эмоций в связи с непосильностью. Однако кропотливость подготовительной аудиторной и самостоятельной домашней работы над фонетической и фонологической стороной нескольких строк приводят к желаемому «чистому» русскому звуку, что воспринимается инофоном как большая победа на маленьком «бранном поле» микро-текста. Стихотворная речь ощутимо отличается от прозаической речи потенциалом фонетико-фонологического обучающего воздействия. Определённые причины приоритета поэзии перед прозой в области возможностей постановки безакцентной речи исследуются в ряде лингводидактических работ. В нашем случае подчёркивается способность упомянутой работы усилить интенсивность труда: освоенный формат анализа, напряжения речевого слуха, требуемого напряжения речевого аппарата, состояние повышенного внимания к соответствию звука и его семантики – становится как привычным, так и активно побуждающим. Осмысленное

восприятие и заучивание чужого слова постепенно ускоряется, процент студентов, заинтересованных в постановке эталонного звука, неизбежно доходит до 100, что говорит о полной включённости группы в тяжёлый этап занятия. Таким образом, эта форма работы также способствует интенсификации учебного труда и улучшению его результатов.

В туркменской аудитории хоровой способ выучивания терминов (что практикуется благодаря моносоставу групп по специальностям) приносит особые результаты, так как ментальные особенности туркменских инофонов позволяют использовать их коллективистский потенциал с наибольшим эффектом. Хоровое произнесение помогает очень слабым студентам включать свой голос в общий поток. Возможность говорить громко, свободно и без боязни ошибки раскрепощает как сознание, так и речевой аппарат студента. Чередование скандирования и беглого проговаривания слова позволяет улучшить технику воспроизведения. Звучание термина должно быть безупречным, чтобы иметь возможность говорить об общей, например, математической, физической, экономической культуре студента-инофона. Интенсивность работы, безусловно, отмечается, если хоровое говорение производится достаточно громко, с правильной артикуляцией, если звук «собранный», ритм чёткий, голоса всех студентов примерно одинаково слышны. Эти характеристики говорят об одинаковой включённости членов группы в учебную деятельность. Хоровая слаженность сохраняется достаточное время только в том случае, если соответствующий настрой не слабеет, т.е. все студенты одинаково интенсивно работают. Таким образом, данная форма работы весьма продуктивна.

Говорение посредством построения вопросов и ответов на них проводится в том числе и в форме «пресс-конференции»: один член группы отвечает на любые вопросы, задаваемые однокурсниками. Каждый участник задаёт два вопроса. На первом этапе все обучающиеся получают перечень вопросов как

вспомогательный материал, однако пользоваться им можно только вне аудитории. Позже студенты добавляют в данный список другие вопросы, соответствующие их интересам. Преподавателем и студентами производится контроль фонетической, лексической и грамматической грамотности речи как респондента, так и каждого автора вопроса. Реплицирование интенсивно и оперативно – это одно из главных требований к данной форме работы. Именно её темп и вовлечённость всех членов группы определяют успешность/неуспешность мероприятия. При этом «коммуникативно-речевая компетенция рассматривается как интегральное образование, включающее в себя в числе других в качестве базовой составляющей языковую (лингвистическую) компетенцию. Данная система означает знание грамматической системы изучаемого языка на всех уровнях и умение пользоваться ею в речевом общении» (Мотовилова 2013. 123)

Базовой организационной установкой с первых занятий становится требование участия в каждом упражнении всех членов группы – приём «*по цепочке*», не позволяющий остаться безучастным ни одному студенту. В работе естественны различные отклонения, зависящие, например, от состояния здоровья студента. Однако твёрдо установившийся порядок не нарушается в ситуации стабильности. Взаимовлияние организационных и сугубо методических принципов бесспорно. Положительно зарекомендовавший себя приём устоявшейся очередности, несомненно, приобретает иное качество: он становится гарантией качественного воплощения других, лингводидактических, приёмов, что придаёт ему очевидную значимость.

Принцип *смены деятельности*, хорошо знакомый из педагогики и методики, приобретает особый вес в данной специфической ситуации. Деятельность студента на неродном языке является во много раз более тяжёлой, чем на родном. Большая утомляемость обучающихся снижает результаты, является заметным сдерживающим фактором даже в случае с

самыми ответственными студентами. Известный способ чередования говорения, чтения, слушания, письма оказывается недостаточно действенным. Требуются иные приёмы, весьма непривычные в условиях высшей школы: студенты должны иметь возможность физически двигаться на занятии. Продуманные преподавателем фрагменты занятия, которые включают физическую активность, могут быть регулярными, систематическими. В этом случае они будут восприниматься как естественные и не нарушат дисциплины. Возможность вставать, ходить по аудитории, вступать в диалоги и полилоги, выполнять определённые движения должны быть подчинены учебной цели, служить ей, оптимизировать процесс. Активное сопровождение речевой ситуации невербальными средствами (например, параллельный показ вторым студентом с помощью пантомимы основных действий, описываемых в рассказе отвечающим) активизирует восприятие, вносит в урок оживление. Возможность в процессе занятия не один раз объединяться в разные группы, независимо от постоянного места расположения в аудитории, помимо использования потенциала менторства (сильный помогает слабому), приводит к повышению активности и заинтересованности студентов. Подвижные игровые моменты снимают стресс, напряжение, усталость.

Заключение

Таким образом, рассмотренный нами принцип *интенсификации* учебного труда на занятиях по русскому языку как иностранному реализуется в нашей деятельности с помощью описанных традиционных и новаторских упражнений, не противоречащих другим общеметодическим и лингводидактическим принципам: сознательности, постепенности, посильности, доступности и др. Напротив, именно этот аспект деятельности позволяет оптимизировать преподавание языка, придать ему большую эффективность, продуктивность и качество.

Литература

- 1- Балыхина Т.М., Юйцзян Чжао (2010). *От методики к этнометодике. Обучение китайцев русскому языку: проблемы и пути их преодоления: Монография*, Москва, Изд-во «РУДН».
- 2- Булыко А.Н. (2004). *Современный словарь иностранных слов*, Москва, Изд-во «Мартин».
- 3- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. (1990). *Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного*, Москва, Изд-во «Просвещение».
- 4- Мотовилова Г.Г. (2013). *Контроль уровня языковой компетенции иностранных учащихся (первый сертификационный уровень владения РКИ)*. Вестник РУДН., № 3, С. 123.
- 5- Тер-Минасова С.Г. (2007). *Война и мир языков и культур*, Москва, Изд-ва «АСТ», «Астрель», «Хранитель».
- 6- Чеснокова М.П. (2015). *Методика преподавания русского языка как иностранного*, Москва, Изд-во «МАДИ».

Bibliography

- 1- Balyhina T.M., Juiczjan Chzhao (2010). *От методики к этнометодике. Обучение китайцев русскому языку: проблемы и пути их преодоления: Монография*, Москва, Изд-во «RUDN».
- 2- Bulyko A.N. (2004). *Sovremennyy slovar' inostrannykh slov*, Moskva, Izd-vo «Martin».
- 3- Vereshhagin E.M., Kostomarov V.G. (1990). *Jazyk i kul'tura: lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo jazyka kak inostrannogo*, Moskva, Izd-vo «Prosveshhenie».
- 4- Motovilova G.G. (2013). *Kontrol' urovnja jazykovoj kompetencii inostrannykh uchashhihsja (pervyj sertifikacionnyj uroven' vladenija RKI)*. Vestnik RUDN., № 3, S. 123.
- 5- Ter-Minasova S.G. (2007). *Vojna i mir jazykov i kul'tur*, Moskva, Izd-va «AST», «Astrel'», «Hranitel'».
- 6- Chesnokova M.P. (2015). *Metodika prepodavanija russkogo jazyka kak inostrannogo*, Moskva, Izd-vo «MADI».

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Golovaneva, M. (2019). Intensification in Higher Education Linguodidactics. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury*, 13, 99-116.

DOI: 10.29252/iarll.13.99

URL: <http://journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/47>

Formation of Communicative Competence among Iranian Students on the Material of an Artistic Text (From Work Experience)

Grinkevich Elena Ivanovna¹

Associate Professor, The Belarusian State Medical University,
Minsk, Belarus.

(date of receiving: May, 2018; date of acceptance: September, 2018)

Abstract

Text is one of the teaching tools. Since teaching is associated with the formation of images, and the text contains information about the history and traditions of the country of the language being studied, it can be said that the text transmits carries the image of the language being studied. A literary text is open cultural and information systems that reveals the author's contexts to the learner and allows him/her to build his/her own contexts, one way or another connected with the universal system of cultural values. At the initial stage of learning Russian as a foreign language, you should use adapted artistic texts or authentic texts created by the teacher "from scratch" on the basis of foreign or domestic video material. The Internet resources help to form a hyper image, in which the word, music and painting are synthesized, which greatly expands the boundaries of perception and has a beneficial effect on the learning process. The article contains examples of practical assignments for work on the book and the animated film by W. Joyce "Fantastic Flying Books by Mr. Morris Lessmore", focused on the formation of communication skills and the development of the ability to create texts.

Keywords: Teaching Russian, Artistic Text, Animated Film, Hyperbridge, Communication Skills.

---

1. E-mail: grinkevichei@bsmu.by

Формирование коммуникативной компетенции у иранских студентов на материале художественного текста (из опыта работы)

Гринкевич Елена Ивановна¹

Доцент, Белорусский государственный медицинский университет,
Минск, Беларусь.

(дата получения: май 2018 г.; дата принятия: сентябрь 2018 г.)

Аннотация

Текст является одним из средств обучения. Поскольку обучение связано с формированием образов, а в тексте хранится информация об истории и традициях страны изучаемого языка, можно сказать, что текст передаёт образ изучаемого языка. Художественный текст – открытая культурно-информационная система, которая раскрывает обучаемому авторские контексты и позволяет выстроить собственные контексты, так или иначе связанные с общечеловеческой системой культурных ценностей. На начальном этапе обучения русскому языку как иностранному следует использовать адаптированные художественные тексты или аутентичные тексты, созданные преподавателем «с нуля» на основе иностранного или отечественного видеоматериала. С помощью ресурсов Интернета формируется гиперобраз, в котором синтезируются слово, музыка и живопись, что значительно расширяет границы восприятия и благотворно влияет на процесс обучения. В статье приводятся примеры практических заданий для работы по книге и анимационному фильму У. Джойса «Фантастические летающие книги мистера Морриса Лессмора», ориентированных на формирование коммуникативных навыков и на развитие способности к созданию текстов.

Ключевые слова: Обучение Русскому Языку, Художественный Текст, Анимационный Фильм, Гиперобраз, Коммуникативные Навыки.

---

1. E-mail: grinkevichei@bsmu.by

Введение

Текст является одним из средств обучения. Поскольку обучение связано с формированием образов, а в тексте хранится информация об истории и традициях страны изучаемого языка, можно сказать, что текст несёт образ изучаемого языка. Художественный текст – открытая культурно-информационная система, которая раскрывает обучаемым авторские контексты и позволяет выстроить собственные контексты, так или иначе связанные с общечеловеческой системой культурных ценностей. Специалисты из разных областей выдвигают предположения, каким образом в ближайшем будущем будет происходить трансляция культурного опыта человечества. И пока они спорят о том, будет ли культура транслировать себя с помощью письменных текстов или новые технологии кардинально изменят привычные человечеству форматы культурной памяти, появляются замечательные проекты, такие как «Fantastic Flying Books of Mr. Morris Lessmor» William Joyce (Уильям Эдвард Джойс (William Edward Joyce) – известный американский писатель, иллюстратор, режиссер, сценарист, продюсер и аниматор. Его имя включено в рейтинг журнала Newsweek «100 самых креативных людей тысячелетия»). Сначала «на выходе» должна была появиться книга, однако, объединившись с Брэндоном Олденбургом (Brandon Oldenburg), Джойс стал работать также и над фильмом. Позже, когда компания Apple объявила о выходе первого iPad, У. Джойс решил сделать короткометражный анимационный фильм («Фантастические летающие книги мистера Морриса Лессмора» – обладатель премии Оскар в категории «Лучший короткометражный анимационный фильм») приложением для iPad. В результате получилось, по словам Джойса, «приложение-история»: базовая структура приложения повторяет сюжет книги, однако она «разбавлена» различными интерактивными элементами, в том числе играми).

Впоследствии книга была переведена на разные языки: на русский язык («Фантастические летающие книги мистера Морриса Лессмора»; издательство

«Поляндрия»), на фарси («کتاب‌های پرنده آقای موریس لسمور») – и на другие языки. Получился интересный проект – «три в одном», который с успехом можно использовать как дидактический материал в процессе обучения. Этот проект даёт широкие возможности преподавателю для выбора форм и методов работы, а студентам (или учащимся других образовательных учреждений) – для творчества, для развития коммуникативных навыков в процессе работы над художественным текстом на английском и / или на русском языке (текст может использоваться на занятиях в авторской редакции или же в укороченном и упрощенном виде, то есть может быть адаптирован преподавателем с учетом возраста обучающихся, с учетом уровня владения русским / английским языком, в зависимости от целей и задач обучения), в процессе работы с видеоматериалом и т.д.

В данной статье приводятся примеры практических заданий для работы по книге и анимационному фильму У. Джойса «Фантастические летающие книги мистера Морриса Лессмора», ориентированных на формирование коммуникативных навыков и на развитие способности к созданию текстов.

Основная часть

Работая с иностранными учащимися, «преподаватель русского языка как иностранного (далее – РКИ) постоянно ищет наиболее эффективные способы обучения общению на русском языке с целью повышения интереса к изучаемой дисциплине» (Гринкевич, Буховец 2017. 326). Преподавателю РКИ важно продумывать образовательный процесс с учетом всех особенностей ситуации общения, которая включает и самих коммуникантов, и контекст, в котором реализуется общение, и характеристики каждой отдельной ситуации взаимодействия. Общение носит творческий характер, следовательно, обучать ему нужно в постоянно изменяющихся условиях с различным набором речевых функций, воссоздавая организационные формы реального общения

(установление отношений, планирование совместных действий, обсуждение результатов различных видов деятельности, дискуссия и др.).

Планируя на начальном этапе обучения РКИ работу с художественными текстами на «бумажных носителях», предпочтительнее использовать адаптированные тексты или аутентичные тексты, созданные преподавателем «с чистого листа» на основе отечественного или иностранного видеоматериала. Аутентичный видеоматериал иллюстрирует функционирование языка в естественном социальном контексте, в той форме, которая принята носителями языка, поэтому работа с аутентичными видеоматериалами необходима для понимания реального коммуникативного процесса и усвоения речевых образцов. Однако следует помнить, что данный материал не несет психологической учебной нагрузки, более труден для восприятия иностранными студентами на начальном этапе обучения РКИ, поскольку он не адаптирован к уровню их восприятия аутентичной речи. Таким образом, привлечение аутентичных видеоматериалов на данном этапе обучения требует особого контроля и тщательной подготовки со стороны преподавателя. Иностраный видеоматериал уместно привлекать для сравнения ценностных установок и традиций разных народов, а также в тех случаях, когда в основе видеоматериала лежат общечеловеческие ценности, близкие и понятные каждому, «содержание которых не связано непосредственно с конкретным историческим периодом развития общества или конкретной этнической традицией, но, наполняясь в каждой социокультурной традиции собственным конкретным смыслом, воспроизводится, тем не менее, в любом типе культуры в качестве ценности» (Грицанов 1998. 484).

Лингвокультурологический подход на занятиях РКИ дает возможность студентам расширить рамки своего социокультурного пространства и развивать свою индивидуальность в диалоге культур (Пассов 2003. 68).

В качестве примера привлечения иностранного видеоматериала для формирования коммуникативной компетенции студентов на занятиях РКИ приведем фрагменты занятия по произведению У. Джойса.

«Моррис Лессмор любил слова. Он любил истории. Он любил книги. Вся его жизнь была книгой, которую Моррис аккуратно писал. Страницу за страницей». Так начинается бестселлер «Фантастические летающие книги мистера Морриса Лессмора» (Джойс 2014. 3).

Каким образом выстроить работу по тексту, решает преподаватель. Принимая во внимание, что «современное общество, став за последнее десятилетие информационным, теперь стремительно становится мобильным», т.е. доступ к информации обеспечивается постоянно, вне зависимости от времени и места нахождения, преподаватель имеет возможность вовлекать в образовательный процесс все многообразие средств информатизации, чтобы развивать у обучающихся мотивацию к получению знаний и самообразованию посредством использования современных (информационно-коммуникационных технологий) («Концепция информатизации системы образования Республики Беларусь» 2013.8).

В дополнение к художественному тексту на «бумажном носителе», к видеофильму можно использовать презентацию, созданную с помощью видеороликов (например, «The Girl Who Hated Books» (NFB), «The Fantastic Flying Books of Mr. Morris Lessmore FULL 2011» (Story Time Mom Shy), «Fantastic Flying Books of Mr. Morris Lessmore: 2012 Oscars Acceptance Speech» и др.), рисованные картинки к мультфильму, материалы форумов и т.д. С помощью ресурсов Интернета формируется гиперобраз, в котором синтезируется слово, музыка и живопись, что значительно расширяет границы восприятия и благотворно влияет на процесс обучения.

Примеры предварительных заданий для самостоятельной работы, выполнение которых требует от студентов новых идей и творческих усилий.

Используя ресурсы Интернета, словари, энциклопедии найдите нужную информацию и ответьте на вопросы: «Как вы понимаете значение фразы *начать жизнь с чистого листа?*»; «Как изменилась жизнь У.Джойса, когда ураган «Катрина» разрушил его родной штат Луизиана?»; «Почему можно сказать, что история про М. Лессмора очень личная?»; «Почему У.Джойс назвал своего героя Моррис?»; «Как связана английская поговорка «*Less is more*» с фамилией Лессмор (Lessmore)?»; «Что общего у Бастера Китона и Морриса Лессмора?»; «Сколько наград и премий получил мультфильм У.Джойса?» и др.

Выполняя подобные задания при помощи различных источников, студенты становятся мобильными участниками образовательного процесса, что позволяет получать максимальное количество информации по заданной теме, включающей проработку ключевых понятий фильма, фразеологических единиц и т.д., стимулирует развитие монологического высказывания, поскольку у коммуникантов появляется желание поделиться этой информацией. Например, отвечая на вопрос «Почему можно сказать, что история про М. Лессмора очень личная?», студент рассказал следующее: *«В этой книге Джойс написал себе, о том, что он видел. Ураган «Катрина» разрушил его дом и много других домов. Потом Джойс был волонтером. Он помогал детям, читал им сказки. Он понял, что книга может изменить жизнь. Еще он написал о мистере Моррисе, потому что это очень хороший человек. Он был другом и учителем Джойса, работал редактором детских книг и всю жизнь посвятил литературе для детей».*

Перед чтением текста в качестве коммуникативной опоры демонстрируется фильм, что способствует процессу создания мотивационной и содержательной базы усвоения лексических единиц и формированию коммуникативной компетенции. В мультфильме не произносится ни единого слова – есть только

визуальный ряд, который сопровождается легкой, плавной и гармонирующей с действием музыкой. Такие фильмы хороши для начального обучения языку, поскольку внимание не отвлекается на непонятный текст и можно сосредоточиться на действии, разворачивающемся на экране. Согласно исследованиям лингвопсихологов, «информация, передаваемая в виде образов, усваивается эффективнее» (Зимняя 1989. 21), а «образы воздействуют на людей в гораздо большей степени, чем текст: они непосредственно доступны всем, не требуют расшифровки, их легко имитировать» (Лысакова 2004. 237–241).

Примеры заданий в процессе работы над фильмом и художественным текстом.

- *Предварительное знакомство* (с элементами предсказания). Можно сообщить сведения о фильме и задать вопрос «Как вы думаете, о чём этот фильм?». Такой прием не только не снижает интереса к фильму, напротив, он избавляет студентов от естественной боязни непонимания.

Ответ может быть кратким или развернутым (в зависимости от уровня подготовленности студентов). Фиксация ответов на доске позволит визуализировать разные точки зрения и настроит на восприятие художественной проблематики.

- *Проблемный вопрос.* Перед просмотром фильма обязательна постановка проблемного вопроса, например: «Как вы думаете, что, по мнению режиссера, важнее материального богатства и почему?».
- *Озвучивание.* Фрагмент, подходящий для озвучивания, демонстрируется студентам однократно, после чего класс делится на две группы, которые готовятся дублировать происходящее (например, можно придумать диалог и озвучить эпизод, когда Моррис Лессмор увидел, как над ним в облаках парит очаровательная дама, а её тянет за собой весёлая стая летающих книг).

- *Что дальше?* Просмотр останавливается на кульминационном моменте фильма или на любом «интересном месте», и студенты в течение 3–4-х минут отвечают на вопрос: «Что будет дальше?» Можно вводить ограничения: при ответе использовать только формы настоящего или только формы будущего времени; конструкции с изученными падежными формами и т.д. (К примеру, остановить фильм можно в тот момент, когда прекратился ураган, разрушивший родной город Морриса и всю его прежнюю жизнь). Это задание позволяет активизировать «языковую догадку».
- *Театр настроения.* Этот фильм – эмоциональная философская притча, поэтому можно предложить студентам изобразить эмоции главного героя (тревогу, удивление, восторг, печаль и др.) и описать ситуацию, в которой у героя проявляются эти эмоции. Задание может быть групповым: получив карточки с названием эмоций, каждая группа готовит этюды; после демонстрации представители другой группы отгадывают эмоции и описывают соответствующие ситуации или узнают показанный эпизод.
- *Назад в прошлое.* Придумать и рассказать истории о прошлом персонажей фильма.
- *Стоп-кадр.* Описать картинку, которая демонстрируется на экране. Можно усложнить задание: 1–2 минуты студенты смотрят на экран, потом проектор выключается или картинка меняется, а студентам нужно описать картинку или правильно ответить на вопросы: «Кто пришел к Моррису за книгами?», «Сколько человек вы видели на картинке?», «У кого на голове была шляпа?», «Кто улыбался?», «Кто стоял справа?», «У кого в руках была книга?» и др.

Направление внимания является важной частью процесса восприятия. По мнению Э. Боно, просто сказать студенту «думай»

совершенно бесполезно (Боно 2007. 105). Использование подобных заданий способствует развитию логического мышления, формированию управляемого воображения и коммуникативных навыков, так как эмоциональность студентов после показа фильма вынуждает их преодолевать разговорные барьеры общения. Когда есть потребность в говорении, коммуниканты обретают дар красноречия даже на неродном языке. Сначала актуализируются слова родного языка, и для перехода к овладению функцией лексических единиц иностранного языка можно использовать различные приемы: наглядность, перевод как способ семантизации, прием функционального замещения и т.д. На довузовском этапе обучения прием функционального замещения использовать нецелесообразно; прием введения новой лексики – перевод (если слово многозначное, время «позволяет», а уровень словарного запаса студентов обучаемой группы достаточно высокий, дается широкое толкование; если время ограничено и группа слабо подготовлена, толкование дается в рамках значения, представленного в фильме (тексте)).

- *Лексические средства выражения эмотивности.* Перечислите, какие из позитивных и негативных эмоций нашли отражение в фильме (в тексте).

Позитивные – *благодарность, удивление, доверие, воодушевление, восторг, радость, блаженство, спокойствие, восхищение, надежда, оптимизм, признательность* и др. Негативные – *беспокойство, тревога, гнев, испуг, страх, горе, зависть, озабоченность, пессимизм, опасение, сожаление, грусть* и др.

Сравните лексические средства выражения эмоций в русском и персидском языках (на материале из «Русско-персидского словаря» Г.А. Восканяна).

Позитивные эмоции

удивление	تعجب	ta'ajjob
удивление	شگفتی	šegefti
восторг	وجد	vajd
восторг	شعف	šaaf
воодушевление	شور و شوق	šurošowγ
радость	شادی	šādi
благодарность	سپاسگزاری	sepāsgozāri
благодарность	تشکر	tašakkor
спокойствие	آرامش	ārāmeš
доверие	اعتماد	e'temād

Негативные эмоции

тревога	اضطراب	ezterāb
волнение	اضطراب	ezterāb
беспокойство	نگرانی	negarāni
опасение	بیم	bim
испуг	ترس	tars
страх	ترس	tars
страх	وحشت	vahšat
грусть	حزن	hozn
грусть	دلتنگی	deltangi
скука	دلتنگی	deltangi
грусть	غم	γam
печаль	غم	γam
сожаление	تأسف	ta'assof

Какие эмоции в русском языке имеют разные названия, а в персидском языке называются одинаково и наоборот? Спросите у сокурсников, когда они испытывают позитивные эмоции, а когда – негативные.

- *Найдите однокоренные слова.* Сравните лексические единицы русского и персидского языков.

Книга, библиотечный, книжная полка, библиотекарь, книжный (магазин), книжная (полка), книготорговля, книголюб, библиотечный, книжник.

Определите, в каком языке наблюдается большая дифференциация значений? Где используется заимствование из другого языка?

книга	کتاب	ketāb
библиотека	کتابخانه	ketābxāne
книжная полка	کتابخانه	ketābxāne
книжный шкаф	کتابخانه	ketābxāne
книжный магазин	کتابفروشی	ketābforushi
книготорговля	کتابفروشی	ketābforushi
книголюб	کتابدوست	ketābdust
книжник	کتابخوان	ketābxān

Выясняется, что значение слова کتابخانه (буквально «дом книги») в персидском языке значительно шире по сравнению с русским языком, слову کتابخانه в русском языке соответствуют 3 наименования – *книжная полка, книжный шкаф и библиотека*. Для обозначения человека, который много читает, есть слова-синонимы в русском (*книголюб = книжник*) и в персидском (کتابخوان=کتابدوست) языках, а для названия *книжный магазин* и *книготорговля* по-персидски используется слово کتابفروشی (Восканян 2012. 223).

При работе с лексикой особое внимание необходимо уделять словообразованию. Это позволяет понять, как проявляется национально-культурная специфика в процессе номинации понятий, явлений, объектов окружающего мира (Гринкевич, Буховец 2017. 97)

Вариантов заданий может быть много. Предлагаем вашему вниманию фрагменты некоторых заданий, например:

- *Запишите существительные, от которых образованы данные прилагательные. Найдите соответствия в персидском языке. Модель: интерес → интересный.*
- *Подберите синонимы / антонимы к словам. Используйте слова для справок. Модель: страх = испуг; радость ≠ грусть, печаль.*
- *Составьте словосочетания по модели «прилагательное + существительное». Модель: любимый (-ая, -ое, -ые) → любимый фильм; любимая книга; любимое занятие; любимые люди.*
- *Скажите, утверждение верное или неверное. Моррис писал книгу о своей жизни. Он не любил делиться книгами. Книги заботились о Моррисе, когда он стал старым. На стене Моррис увидел свой портрет.*
- *Подберите подходящие определения к словам и согласуйте прилагательное с существительным. Ветер (сильный/слабый), история (странный/обычный), удовольствие (большой/маленький) мир («черно-белый»/красочный).*
- *Вставьте нужный по смыслу глагол совершенного или несовершенного вида. Модель: Однажды небо (потемнеть – темнеть). → Однажды небо потемнело. Каждое утроон (открыть – открывать) книгу и (описать – описывать) свои радости и горести.*
- *Выскажите своё мнение о фильме.*
- *Дайте ответы на вопросы. «С какой целью в книге и в фильме используется противопоставление черно-белых и цветных сцен?»*

- *Прочитайте эпиграф «Истории могут вас спасти». Так Уильям Джойс ответил на вопрос, каков смысл истории о Моррисе Лессморе и его летающих книгах. Объясните смысл эпиграфа. Согласны ли вы с этим утверждением? Есть ли похожие фразы в вашей культуре?*
- *Прочитайте текст.*
- *Составьте план. Перескажите текст по плану.*
- *Подготовьте монологическое высказывание на одну из тем: «Жизнь каждого человека – это книга, достойная прочтения»; «Мир становится цветным и ярким благодаря книгам».*
- *Выполните тест. Дайте один или несколько правильных вариантов ответа.*
  - 1) Фильм «Фантастические летающие книги мистера Морриса Лессмора» ...
    - А. об урагане
    - Б. о библиотеке
    - В. о французском квартале Нового Орлеана
    - Г. об удивительном мире книг
  - 2) Почему город Морриса стал «черно-белым»?
    - А. Потому что ураган все разрушил.
    - Б. Потому что людям безразлично, что происходит вокруг.
    - В. Потому что радость, кажется, навсегда покинула этот мир. И др.
- *Посмотрите фильм ещё раз и напишите эссе на тему «Книги – часть нашей жизни».*

Заключение

При работе с художественным текстом на основе применения иностранных и аутентичных видеоматериалов открываются большие возможности для развития творческого потенциала студентов, в частности развивается

воображение, креативное мышление и способности прогнозирования ситуаций на основе реальных жизненных событий. С другой стороны, применение видеоматериалов дает возможность в дальнейшем избежать коммуникативных ошибок при реальном общении с представителями страны изучаемого языка, то есть в реальной жизненной ситуации.

При работе с нефилологической аудиторией было замечено, что студенты относительно легко выполняют задания тестового типа. Такие задания можно проводить на всех профилях обучения.

Основные трудности связаны с созданием собственного текста. Имея определенную теоретическую базу, студент не всегда может применить свои знания на практике. Возникают определенные затруднения с аргументированным изложением собственной позиции и с распределением информации в тексте.

Интеграция информационных и коммуникационных технологий в учебный процесс позволяет превратить текст в контент, что открывает новые возможности для реализации практических, образовательных и развивающих задач обучения русскому языку как иностранному.

Литература

- 1- Гринкевич Е.И., Буховец С.К. (2017). *Создавая атмосферу совместной познавательной деятельности (из опыта работы с короткометражными фильмами на уроках РКИ) // Профессиональные дискурсы: исследование и обучение*. Сборник научных статей. Минск, Изд-во «РИВШ».
- 2- Грицанов А.А. (1998). *Новейший философский словарь*. Минск, Изд-во «В.М. Скаун».
- 3- Пассов Е.И. (2003). *Коммуникативное иноязычное образование: готовим к диалогу культур: пособие для учителей учреждений, обеспечивающих получение общ. сред. образования*. Минск, Изд-во «Лексис».
- 4- Джойс У. (2014). *Фантастические летающие книги мистера Морриса Лессмора*. Россия, Изд-во «Поляндрия».

- 5- *Концепция информатизации системы образования республики Беларусь* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.giac.unibel.by/ru/main.aspx?guid=17021> – Дата доступа: 22.12.17.
- 6- Зимняя И.А. (1989). *Психология обучения неродному языку (на материале русского языка как иностранного)*. Москва, Изд-во «Просвещение».
- 7- Лысакова И.П. (2004). *Русский язык как иностранный. // Методика обучения русскому языку: Учеб. пос. Москва, Изд-во «ВЛАДОС».*
- 8- Боно Э. (2007). *Параллельное мышление; пер. с англ. П.А. Самсонов*. Минск, Изд-во «Попурри».
- 9- Восканян Г.А. (2012). *Русско-персидский словарь*. Тегеран, Изд-во «Переска».
- 10- Гринкевич Е.И., Буховец С.К. (2017). *Об «иммунитете» к чужому слову и иноязычным заимствованиям // Технология обучения русскому языку как иностранному и диагностика речевого развития. Материалы XIX Международной научно-практической конференции. Минск, Изд-во «БГМУ».*

Bibliography

- 1- Grinkevich E.I., Buhovec S.K. (2017). *Sozdavaja atmosferu sovmestnoj poznavatel'noj dejatel'nosti (iz opyta raboty s korotkometrazhnymi fil'mami na urokah RKI) // Professional'nye diskursy: issledovanie i obuchenie. Sbornik nauchnyh statej. Minsk, Izd-vo «RIVSh».*
- 2- Gricanov A.A. (1998). *Novejšij filosofskij slovar'*. Minsk, Izd-vo «V.M. Skakun».
- 3- Passov E.I. (2003). *Kommunikativnoe inozazychnoe obrazovanie: gotovim k dialogu kul'tur: posobie dlja uchitelej uchrezhdenij, obespechivajushih poluchenie obshh. sred. obrazovanija. Minsk, Izd-vo «Leksis».*
- 4- Dzhajs U. (2014). *Fantasticheskie letajushhie knigi mistera Morrisa Lessmora. Rossija, Izd-vo «Poljandrija».*
- 5- *Koncepcija informatizacii sistemy obrazovanija respubliki Belarus'* [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.giac.unibel.by/ru/main.aspx?guid=17021> – Data dostupa: 22.12.17.
- 6- Zimnjaja I.A. (1989). *Psihologija obuchenija nerodnomu jazyku (na materiale russkogo jazyka kak inostrannogo)*. Moskva, Izd-vo «Prosveshhenie».
- 7- Lysakova I.P. (2004). *Russkij jazyk kak inostrannyj. // Metodika obuchenija russkomu jazyku: Ucheb. pos. Moskva, Izd-vo «VLADOS».*
- 8- Bono Je. (2007). *Parallel'noe myshlenie; per. s angl. P.A. Samsonov*. Minsk, Izd-vo «Popurri».
- 9- Voskanjan G.A. (2012). *Russko-persidskij slovar'*. Tegeran, Izd-vo «Pereska».

- 10- Grinkevich E.I., Buhovec S.K. (2017). *Ob «immunitete» k chuzhomu slovu i inojazychnyh zaimstvovanijah // Tehnologija obuchenija russkomu jazyku kak inostrannomu i diagnostika rechevogo razvitija*. Materialy XIX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Minsk, Izd-vo «BGMU».

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Grinkevich, E. (2019). Formation of Communicative Competence among Iranian Students on the Material of an Artistic Text (From Work Experience). *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 13, 117-133.

DOI: 10.29252/iarll.13.117

URL: <http://journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/48>

Tell Me, Who Is Your Friend: Concept of FRIEND in the Modern Russian Media Discourse (on the Material of the Russian National Corpus 2014)

Makarova Viktorija Vladimirovna¹

Associate Professor of Vilnius University,
Vilnius, Lithuania.

(date of receiving: April, 2018; date of acceptance: August, 2018)

Abstract

The article presents the results of a study about FRIEND as a Russian concept — one of the most striking Culture Specific (in terms of A. Wierzbicka) Russian concepts that attracted and still attract the attention of many linguists. The experience of our predecessors has shown that the Russian concept of FRIEND as a result of various social, historical processes undergoes certain changes in structure and substantive content. The aim of our study was to determine the content and structure of the Russian concept of FRIEND in contemporary Russian media discourse. The study used data from the National corpus of the Russian language as the source materials: a search was carried out on newspaper co-variation; the search criteria were the parameters of “adjective + FRIEND noun” at a distance of 1 word from each other. After exclusion of irrelevant examples (e.g., in the case of homonyms of adverbs and short forms of adjectives) a sample of 150 examples was obtained for the analysis (for example, *a German friend, good friend, new friends, best friend*).

Keywords: Concept, World View, Friend, Friendship, Media Discourse, Russian National Corpus.

1.E-mail: makarovavv@gmail.com

Скажи мне, кто твой друг: концепт *друг* в современном русском медиадискурсе (на материале НКРЯ 2014 г.)

Макарова Виктория Владимировна¹

Доцент, Вильнюсский университет,
Вильнюс, Литва.

(дата получения: апрель 2018 г.; дата принятия: август 2018 г.)

Аннотация

В статье представлены результаты исследования русского концепта *друг* – одного из наиболее ярких культурспецифичных (в терминах А. Вежбицкой) русских концептов, привлекавших и по-прежнему привлекающих внимание многих лингвистов. Опыт наших предшественников показал, что русский концепт *друг* в результате различных социальных, исторических процессов претерпевает определенные изменения в структуре и содержательном наполнении. Целью нашего исследования было установить, каково содержательное наполнение и структура русского концепта *друг* в современном русском медиадискурсе. В качестве источника материалов для исследования использовались данные Национального корпуса русского языка: поиск осуществлялся по газетному подкорпусу, заданными критериями поиска служили параметры «прилагательное + существительное *друг*» на расстоянии 1 слова друг от друга. После исключения нерелевантных примеров (например, в случае омонимии наречия и краткого прилагательного) для анализа была получена выборка из 150 примеров (например, немецкому другу, хорошему другу, к новым друзьям, лучшим другом).

Ключевые слова: Концепт, Картина Мира, Друг, Дружба, Медиадискурс, НКРЯ.

---

1. E-mail: makarovavv@gmail.com

Введение

В 1997 г. Анна Вежбицкая опубликовала работу о моделях дружбы в разных культурах на английском языке, перевод этого труда на русском языке появился в 2001 г. (Вежбицкая 2001), и с тех пор лингвистами было предпринято исследование интересующей нас ментальной единицы – русского концепта ДРУГ – в самых разных аспектах: например, уточнение семантики слов *друг*, *подруга*, *приятель*, *товарищ* – в сопоставлении с выводами и Анны Вежбицкой, и других ученых (Шмелев 2002), сопоставление русской и английской картин мира на материале пословиц со словами *друг* и *friend* (напр., Пахомова 2015), анализ содержательного наполнения и структуры концепта ДРУЖБА посредством анализа русских паремиологических единиц о дружбе (Шутковский 2010, Чугаева 2016) и на более обширном материале (Арапова 2005), выявление социальных аспектов формирования русского концепта ДРУГ на материале текстов XII–XIX вв. (Попович 2016), лингвокультурологическое сопоставление вербальных реализаций русского концепта ДРУГ и английского концепта FRIEND (Хизова 2005), описание градиент-концепта ДРУЖБА–МИР–ВРАЖДА в русской и английской лингвокультурах (Лунцова 2008). Стали также появляться работы, в которых предпринимается попытка выявить основные особенности русского концепта ДРУЖБА на основании обобщения результатов анализа работ, посвященных исследованию этого концепта (Коняева 2014).

Цель настоящей работы заключалась в том, чтобы представить результаты анализа русского концепта ДРУГ, выполненного на материале медиадискурса (избранном для анализа потому, что именно медиадискурс считается одним из наиболее чувствительно реагирующих на различные социальные изменения по сравнению с другими дискурсами), причем исследована была одна актантная схема, а именно: словосочетания, в которых прилагательное согласовано с существительным *друг*. Важно, что полученные нами данные являются

результатом анализа лишь одного фрагмента медиадискурса, и они не могут служить окончательными выводами о сущности концепта ДРУГ в современном русском медиадискурсе, но мы надеемся, что результаты нашего пилотного исследования все же представляют интерес, а в перспективе мы планируем продолжить наше исследование в следующем направлении: во-первых, исследовать микроконтексты, в которых лексема «друг» занимает различные позиции в актантных схемах, во-вторых, провести аналогичное исследование на материале литовского медиадискурса, в-третьих, описать содержательное наполнение и структуру концепта ДРУГ в современных русском и литовском медиадискурсах.

Для составления нашей выборки мы использовали данные Национального корпуса русского языка: поиск осуществлялся по газетному подкорпусу, заданными критериями поиска служили параметры «прилагательное + существительное ДРУГ», расположенные на расстоянии 1 слова друг от друга. После исключения нерелевантных примеров (например, в случае омонимии наречия и краткого прилагательного) мы получили сплошную выборку из 150 единиц анализа. Дата публикации всех источников полученных примеров относится к 2014 г.

Основная часть

О частотности. Где *верные* друзья?

Анализ нашей выборки показал, что наиболее частотными оказались следующие прилагательные, согласующиеся со словоформами слова *друг*: *близкий* (24 из 150 единиц анализа), *лучший* (18 единиц анализа), *старый* (10 единиц анализа), *большой* (8 единиц анализа).

Для осознания полученной нами информации о частотности повторяющихся слов, – прилагательных, использованных для характеристики ДРУГА, – мы обратились к данным «Ассоциативного словаря» (Черкасова

2008). В данном словаре собраны результаты (но не все, а только по повторяющимся в 2 или 3 опросах словам-стимулам) трех массовых ассоциативных опросов, проведенных и/или опубликованных в 1977–1999 г.г. в «Словаре ассоциативных норм русского языка» под ред. А.А. Леонтьева, «Русском ассоциативном словаре» и «Славянском ассоциативном словаре».

Какие прилагательные – в качестве стимулов на реакцию «друг» – являлись наиболее частотными в 1977–1999 г.г.? Во-первых, это, как показано в (Черкасова 2008), прилагательное *верный*, на втором месте по частотности располагаются *хороший* и *лучший* или *близкий* (данные трех ассоциативных опросов немного варьируются).

Мы намеренно не сравниваем полученные нами данные и данные «Ассоциативного словаря» (Черкасова 2008) в числах, потому что наши данные о частотности прилагательных, согласованных с лексемой *друг* в нашей выборке, не были получены путем ассоциативного эксперимента. Однако нельзя не отметить следующий факт: стимул *друг* вызывал реакцию *верный* в ассоциативных экспериментах 1977–1999 г.г. (13,88 % реакций на стимул «друг» в «Словаре ассоциативных норм русского языка», 12,87 % – в «Русском ассоциативном словаре» и 10,46 % – в «Славянском ассоциативном словаре»). Субъектам же анализированных нами медиатекстов не пришла в голову мысль употребить слово *верный* для характеристики крепких дружеских отношений. Почему? Может быть, дело в том, что в целом популярность ценности «верность» постепенно снижается в русской культуре? Но, как и чем измерить такую зыбкую величину, как верность? Косвенным свидетельством того, что верность (‘надежность’, ‘раз и навсегда’) не столь актуальна для современного россиянина, могут служить статистические данные о количестве разводов в России: их число (по сравнению с количеством браков) в последние годы растет (Демографический ежегодник России 2017. 50). Но это данные о супружеских отношениях. Что же касается

понятия «верный друг», то на данный момент ограничимся констатацией факта о том, что ни одного упоминания о *верном друге* в 150 современных микроконтекстах из медиадискурса, полученных методом сплошной выборки, нам не встретилось.

Об оценочности. 89 «+» vs. 3 «-»

Если сравнить количество примеров, в которых словоформы лексемы «друг» сочетаются со словами с оценочной окраской (в ряде случаев положительная коннотация возникает именно в сочетании со словом *друг*; например, *большой друг*), то мы увидим следующую картину: 89 единиц с положительной оценкой и всего 3 единицы с отрицательной оценкой. Примеры слов с положительной оценкой: *близкий* (24 примера) и *ближайший* (2); *лучший* (18) и *хороший* (6); *старый* (10), *давний* (8) и *старинный* (2); *большой* (8); *настоящий* (5); *искренний* (2); *закадычный* (2); *добрый* (1); *любимый* (1), *надежный* (1). Мы затруднились с определением типа оценки (и есть ли она?), имеющейся у слова *заклятый* в словосочетании *заклятый друг*, поэтому не брали в расчет эти примеры (их в нашей выборке 2).

Примеры слов с отрицательной оценкой: *одномерный* (1), *бывший* (1), *не очень умный* (1).

Приведенные данные – 89 положительных контекстов для слова *друг* и всего 3 негативных – свидетельствуют, по-нашему, о том, что концепт ДРУГ по-прежнему занимает прочное место среди положительных ценностных ориентиров субъектов современного русского медиадискурса.

Друг – с положительной коннотацией

Как уже было сказано выше, в 24 микроконтекстах (из 150) друг наделяется признаком «близкий», и это наиболее часто встречающееся в сочетании с существительным *друг* прилагательное. Еще в 2 микроконтекстах

используется форма *ближайший*. Например: *у меня там много близких друзей / песня «Подруга» написана о реальной жизни моих ближайших друзей. Ближайший* – это, по всей видимости, не превосходная степень от *близкий*, а элатив, то есть ближайший друг – это ‘очень близкий друг’. В микроконтекстах со словосочетаниями *близкий друг* и *ближайший друг* говорится о действительно дружеских отношениях: друг при этом именуется еще и *соратником, родным, многолетним партнером*, упоминаются разговоры *на кухне* (место, где русские ведут душевные разговоры), *горечь* от потери близкого друга, когда он умер. Лишь в одном примере словосочетание *близкие друзья* заключено в кавычки – в нем, во-первых, цитируется другой источник информации, во-вторых, этими близкими друзьями (друзьями Владимира Путина) названы *ключевые должностные лица в энергетическом и банковском секторе*. Т.е. закавычивание словосочетания *близкие друзья* можно интерпретировать и как иронию, ведь обезличенные *должностные лица* вряд ли могут являться чьими-то друзьями.

В 24 микроконтекстах друг характеризуется прилагательными *лучший* (18 примеров) и *хороший* (6). Например: *лучшим другом считал бабушку / Шумахер – мой хороший друг*. Примечательно, что в 6 случаях словосочетание *лучший друг* используется в политическом контексте, например: *Кадаффи был лучшим другом Парижа, Лондона, Вашингтона / лучшим другом американских женщин* (о Билле Клинтоне) / *Белоруссия позиционирует себя как лучшего друга России*. В одном примере используется известное метафорическое наименование собаки: *лучший друг человека*.

Как показала Е.В. Урысон, для того, чтобы назвать человека другом, «обычно требуется достаточно длительное время» (Урысон 2004. 297). Наша выборка свидетельствует о том, что указание на длительность отношений чрезвычайно важно для субъектов современного русского медиадискурса: прилагательные *старый* (10 примеров), *давний* (8) и *старинный* (2)

встречаются в сочетании со словом *друг* 20 раз. Словосочетание *старый друг* чаще использовано при наименовании конкретного человека с указанием его имени, например: *своего старого друга Даниэля Карвальо / старому другу Грише / старого друга Генку-Слесаря*. В 1 примере говорится о фильме «Старый друг», а использование определенных слов, словосочетаний в названиях художественных произведений, как известно, говорит о нерядовой роли этих слов, словосочетаний для культуры. В 1 примере словосочетание *старые друзья* использовано не по отношению к человеку, так названы исторические союзники страны.

Словосочетание *давний друг* в 7 случаях из 8 использовано по отношению к конкретному человеку, называются имена и / или фамилии таких друзей и, подчеркнем, речь идет о друге в единственном числе. Словосочетание *давние друзья*, т.е. друзья – по множественному числу, использовано в описании конфронтации, пример: *между давними друзьями произошел конфликт*.

В 8 микроконтекстах в нашей выборке встретилось определение *большой* по отношению к *другу*. В 3 случаях речь идет о констатации факта: людей связывает дружба. В 3 случаях контекст использования словосочетания *большой друг* характеризуется положительной эмоциональной окраской, например: *большие друзья, которые подзаряжают меня своей энергией / мне с ним очень хорошо работалось, мы были большими друзьями*. В 2 случаях словосочетание *большой друг* используется для наименования политических субъектов или субъектов политики, например: *не самый большой друг России известный бизнесмен Дональд Трамп / намного большими друзьями России на Украине являются люди постарше или не получившие прививки бандеровскими идеями хлопцы и девчата Новороссии*. Отметим, что в примере про Дональда Трампа говорится не о большом друге, а о *не самом большом друге*. В примере про Украину вновь звучит чрезвычайно актуальная в 2014 г. для России тема украинско-российских отношений, и интерпретируется она антиукраински (мы

делаем такой вывод на основании использования субъектом дискурса выражения *прививка бандеровскими идеями*).

В 5 примерах используется характеристика *настоящий*, например: *Ронни был моим настоящим другом много лет / есть не просто издатели, а настоящие друзья, единомышленники / остались в прекрасных человеческих отношениях, стали настоящими друзьями*. В нашу выборку также попало по 1-2 примера таких положительных определений друга, как *искренний* (2); *закадычный* (2); *добрый* (1); *любимый* (1), *надежный* (1). Контексты употребления перечисляемых в этом абзаце прилагательных в сочетании со словом *друг* характеризуются положительной эмоциональной окраской; и в одних случаях речь идет о частной жизни человека, в иных – о политической жизни страны (например, *Уго Чавес, большой и искренний друг России*). Лишь в одном случае речь идет не о положительных вещах, напротив – о прерывании дружеских отношений, пример: *вчерашние закадычные друзья не здороваются при встрече из-за возникших идеологических разногласий*. Это цитата из текста «Украина движется к развалу». Как видим, вновь звучит украинская тема (что не удивительно, ведь выборку составили тексты 2014 г., а именно в этом году разразился украинско-российский конфликт), причем субъект дискурса, скорее, не нейтрален, а излагает пророссийскую мейнстримную точку зрения относительно украинского кризиса.

Отрицательная характеристика друга

В 3 микроконтекстах в нашей выборке существительное *друг* сочетается с прилагательными *одномерный* (1 пример), *не очень умный* (1), *бывший* (1), имеющими отрицательную коннотацию. В первых двух случаях (*одномерный* и *не очень умный*) речь идет о характеристике личных качеств человека, в третьем примере – *бывший друг* – также присутствует отрицательная оценка, но, возможно, не друга, а всей ситуации – это может быть сожаление о том,

что не тот человек являлся другом или горечь оттого, что дружеские отношения перестали иметь место.

Еще в 3 микроконтекстах негативная оценка появляется благодаря контекстам употребления анализируемых нами словосочетаний: *главный друг* (1 пример) и *влиятельные друзья* (2 примера). Словосочетание *главный друг* употреблено по отношению к США, и это выражение звучит иронично (в контексте речь идет о «гегемонах мира», проамериканских настроениях). *Влиятельные друзья* – это словосочетание также является не констатацией факта, а эвфемизмом, подразумевающим прагматичных фигурантов большой политики или олигархии, например: *не без помощи влиятельных друзей стал региональным депутатом*. Примечательно, что признаком «влиятельный» (в форме множественного числа – *влиятельные*) субъект дискурса наделяет не своих друзей, а друзей кого-то иного, о ком говорит в 3-ем лице.

В 2 примерах употреблено словосочетание *заклятые друзья*, например: *нашим заклятым друзьям не нужна картинка «Путин разгневался и ввел на Украину войска»*. В словарях русского языка дается два значения лексемы «заклятый»: 1) такой, на которое наложено заклятие, 2) вечный, непримиримый. В качестве примеров приводятся сочетания со словами «враг», «противник». В наших же примерах наблюдается оксиморон: сочетание несочетающихся смыслов, порождающих художественный эффект. Судя по контексту, речь все же идет не о конкурирующих друзьях, а о действительных противниках.

О географической принадлежности друга

В 26 микроконтекстах существительное *друг* сочетается с прилагательными, указывающими на географическое положение друга в мире, или его национальную принадлежность, или его родной язык и проч. Например: *у меня есть русский друг / мои иностранные друзья по fb / позвонил своим севастопольским друзьям / вывел на сцену чернокожего друга*.

Самая многочисленная группа сходных по смыслу примеров – это 5 микроконтекстов, в которых речь идет об *украинских* или *киевских* друзьях. Актуальность украинской темы обусловлена, несомненно, событиями в Киеве 2014 г. (выборку составили тексты 2014 г.). В 1 из наших примеров субъект дискурса говорит об украинских друзьях (*прекрасных* друзьях) и украинской революции в положительном ключе: *большинство моих прекрасных украинских друзей поддерживало Майдан*. Примечательно, что в этом примере друзья именуется *прекрасными*. В 2 же случаях микроконтексты явно свидетельствуют об украинско-российском противостоянии, имевшем место в 2014 г.: *один из редких киевских друзей, с кем после майдана остались прежние отношения / другой мой (бывший) киевский друг не посчитал возможным далее общаться с «клятым москалем» и вывесил черно-красный бандеровский флаг вместо картинки пользователя в социальной сети*. В данных примерах нельзя не отметить, что «после майдана» у субъекта дискурса осталось мало друзей в Киеве, а также слова *редкий* и *бывший*, а также нанизывание слов с отрицательной коннотацией (с точки зрения представителя русской культуры) – *клятый, москаль, бандеровский*, таким образом, контекст говорения о друзьях (пускай редких и бывших) получается весьма экспрессивным, и подспудно говорящий проводит мысль о том, что на фоне украинско-российского конфликта украинские товарищи ведут себя неадекватно.

Также многочисленную группу примеров составляют такие микроконтексты, в которых речь идет об американских (или проамериканских) «друзьях»: *американские, заокеанские, западные, зарубежные*. Слово *друзья* мы заключили в кавычки, так как во всех этих примерах оно употребляется иронически, речь идет не о дружеских отношениях, напротив. Несколько примеров: *создание постоянного очага напряженности на границе с Россией – это сейчас главная задача организаторов этих событий: наших американских друзей / наши последние разработки могут быть бессовестным*

образом заимствованы нашими любимыми заокеанскими друзьями / наши американские друзья, они изоцренные ребята. Как видим из этих примеров, американские друзья стремятся к созданию напряжения на границах России, могут бессовестно заимствовать идеи, а в непрочитированных нами примерах речь идет о *третьей мировой*, освещению военного украинского конфликта в *выгодном ключе, силой своего авторитета решительно опровергать всякие контрреволюционные домыслы* и проч.

Еще 2 примера (речь в которых идет уже не об американских, а о китайских и арабских друзьях) также свидетельствуют о том, что те, кого в современном русском медиадискурсе именуют друзьями, не обязательно обладают традиционно приписываемыми другу в русской языковой картине мира положительными качествами. Положительные качества друга для русских – это готовность помочь, выслушать, понять. В наших же примерах говорится: *наши китайские друзья – сложные, тяжелые переговорщики / мы должны дать ясно понять нашим арабским друзьям ... что мы никогда не будем поддерживать ... режимы ... убивающие христиан.* В обоих случаях слово *друзья* явно использовано не в своем прямом значении, речь не идет о дружеских отношениях. Скорее, «друзьями» именуется сторона, с которой приходится иметь дела в силу обстоятельств.

В ряде примеров, в которых используется словосочетание «прилагательное 'географическая принадлежность' + друзья», повествуется о партнерстве без подвоха, например: *рассматривали вопросы к визиту вьетнамских друзей / позвонил своим севастопольским друзьям / азербайджанские друзья построили в Астрахани мост Дружбы.*

В нашей выборке был также обнаружен пример, иллюстрирующий положение о том, что социальная сеть «Фейсбук» способствует расширению понятия «друзья»: *мои иностранные друзья по fb вылазят туда не чаще раза в месяц.* Как известно, люди, с кем пользователь «Фейсбука» устанавливает

контакт, входят в список, именуемый «Друзья». Система не предлагает ранжирования контактов пользователя по степени или типу близости (например, коллеги, родственники, одноклассники, знакомые, общие знакомые и проч.). Таким образом, получается, что у пользователя «Фейсбука» столько «друзей», сколько контактов. Тогда как до эпохи социальных сетей считалось, что у русских могут назвать *другом* небольшое количество людей (для большинства личных связей использовались слова *приятель*, *товарищ*, *знакомый*). По всей видимости, русскоговорящий осознает, что друзья в реальной жизни и друзья по социальным сетям – это разные категории личных связей, и именно поэтому, употребляя слово *друзья* по отношению к контактам из «Фейсбука», он добавляет уточнение *друзья по fb*, как в приведенном нами выше примере.

В тех случаях, когда субъекты дискурса используют слово *друг* в единственном числе, речь идет о действительно дружеских отношениях: *подарил немецкому другу (машину) / у пацанов есть русский друг Юра / их азербайджанский друг по фамилии Манафлы*.

Характеристика совместной деятельности

Искушенный читатель сразу же отметит, что в русской языковой картине мира для наименования партнеров, объединенных общим делом, обычно используют слово *товарищ* (это отмечается в работах посвященных анализу семантики синонимов *друг*, *товарищ*, *приятель* и др.). Наши данные не противоречат этому положению, в нашей выборке встречается всего 4 прилагательных, которыми субъект дискурса характеризует друга по обозначению общей для друзей сферы деятельности: это *деловые друзья* (2 примера), то есть друзья по бизнесу, *студенческие* (1), то есть объединенные совместными штудиями, *спортивные* (1) – друзья по спорту, *звездные друзья* (1) – коллеги в музыкальной области деятельности.

Констатация факта

В ряде случаев друг наделяется не оценочной характеристикой и не данными о его культурной или профессиональной ориентации, попросту субъекты дискурса констатируют факт, что друг, о котором идет речь в тексте, является другом *реальным* (а не воображаемым) (1 пример), *умершим* (1) или, наоборот, *здоровым* (1) (в сопоставлении с человеком, имеющим инвалидность), а также *маленьким* (1). В последнем случае речь идет, конечно же, не о степени близости друзей, а о возрасте младшего из них. В 3 примерах констатируется факт наличия общих *друзей*, например: *спорят о том, у кого в понедельник вечером гостил их общий друг*. В 1 примере также констатируется факт – посессивный признак друзей, например: *Анины друзья обсуждали ее в соцсетях*.

Метафоры, клише, обращения

4 примера в нашей выборке – это устоявшиеся в русском языке метафорические наименования велосипеда – *двухколесный друг* (1 пример), собаки – *четвероногий друг* (1), растительность (парк, газон и проч.) – *зеленый друг* (1) и проверенный временем политический союзник – *исторический друг* (1). Все эти выражения еще в советское время стали газетными клише. Примеры (они довольно предсказуемые) приводить тут не будем, отметим лишь то, что *историческим* другом названа Украина. Опять проявляется украинская тема, неизбежное следствие того, что анализированные нами тексты были опубликованы в 2014 году.

В нашу выборку попало также 4 примера употребления словосочетания *дорогой друг* или *дорогие друзья* в качестве обращения. Примеры столь немногочисленны, по-видимому, потому, что при обращении к действительно дорогому другу русский предпочтет использование имени человека, а не его статуса в отношениях адресат-адресант.

Личный друг

В нашу выборку попал 1 пример употребления словосочетания *личный друг*. Пример: *Бородай, бывший пиарщик и личный друг «главнокомандующего силами ДНР» и министра обороны ДНР Игоря Стрелкова*. Что в данном примере дает говорящему использование прилагательного *личный*? Иными словами, чем отличаются *друг* и *личный друг*? По-видимому, говорящий хотел подчеркнуть исключительность отношений двух людей, о которых он пишет, но сказать «близкий» или «старый», или «хороший» друг субъект дискурса не считал возможным. Примечательно, что личные друзья имеются только у сильных мира сего (по данным Google – *российский олигарх, личный друг президента Путина; личный друг Вайцзеккера; личный друг Фиделя*) или у детей (при этом речь, как правило, идет о собаке). Интересно также и то, что ни в одном из трех массовых ассоциативных опросов, о которых говорится выше, слово *личный* ни разу не выступило реакцией на стимул «друг».

Новые друзья

«Старый друг лучше новых двух», – говорят русские. Ценность проверенных временем дружеских отношений для русских очевидна (это показывают и количественные данные нашей выборки – 20 употреблений прилагательных с семантикой старины в сочетании с существительным *друг*). Но и новые друзья у русских тоже случаются, как говорится в процитированной поговорке, и в нашей выборке обнаружено 3 примера словосочетаний *новые друзья*. Важным представляется то, что тут используется именно форма множественного числа. *Друг* – это более интимное слово, нежели – *друзья*.

В 2 контекстах употребления словосочетания *новые друзья* говорится не о личных дружеских связях. Во-первых, речь идет о людях, которые помогли собрать средства на лечение ребенка, пример: *У нас появилось огромное количество новых друзей*. Нетипичность такого высказывания для русской

речи подтверждается использованием обозначения количества друзей – *огромное количество*. Как показано во многих работах, посвященных исследованию понятия ДРУГ, для русской картины мира большое количество друзей не характерно. Во-вторых, еще один пример, в котором сказано о *новых* друзьях, – это: *мы только рады будем новым друзьям и новым профессионалам в наших рядах*. Тут говорится о сотрудничестве с крымскими организациями.

Третий пример использования словоформы *новые* как характеристики слова друзья: *ее непутевая мамаша Тамара Романович после развода переехала в Кишинев к новым друзьям-цыганам*. В данном примере мы видим три лексемы, «компрометирующие» слово *друзья*: это *непутевая*, *развод* и *цыгане*. Слово *непутевая* обладает отрицательной оценкой, слово *развод* само по себе не является оценочным, но оно относится к денотату с отрицательной составляющей, и, наконец, слово *цыгане* – несмотря на популярность ценности политкорректности, все же до сих пор и это слово, и представители нации, называемой этим словом, вызывают настороженность у русскоязычного получателя информации.

Заключение

Подытоживая сказанное выше, отметим еще раз, что сравнение количества примеров, в которых словоформы лексемы «друг» сочетаются со словами с оценочной окраской, дало такой результат: 89 словосочетаний с положительной оценкой и всего 3 словосочетания с отрицательной оценкой. Словосочетание *верный друг* ни разу не было использовано субъектами медиадискурса (в то время как в трех массовых ассоциативных экспериментах, давших материал для базы данных русского ассоциативного словаря, слово *верный* являлось наиболее частотным среди прилагательных-реакций на стимул «друг»). Слово *друзья* употребляется в противоположном смысле («не

друзья'), если оно сопровождается прилагательными *американские, заокеанские, зарубежные*. Словом *друзья* могут именоваться сложные, не обязательно дружески настроенные, партнеры. Во множестве текстов, попавших в нашу выборку, звучит украинская тема (речь идет об отношениях с украинскими друзьями, взаимоотношениях игроков политической арены и проч.), что обусловлено, по всей видимости, тем, что нашу выборку составили тексты 2014 г. – это время, когда вспыхнул украинско-российский конфликт. В текстах, в которых затрагивается тема украинского кризиса, субъекты дискурса излагают пророссийскую мейнстримную точку зрения относительно украинского кризиса. *Личные друзья* имеются только у сильных мира сего. В тех случаях, когда субъекты дискурса используют слово *друг* в единственном числе и характеризуют друга по его географической принадлежности, речь идет о действительно дружеских личных отношениях («друзьями») во множественном числе часто именуется сторона, с которой приходится иметь дела в силу обстоятельств). Прилагательные *старый, давний* и *старинный* встречаются в сочетании со словом *друг* 20 раз. Прилагательное *новый* – 3 раза, и во всех этих случаях речь идет или об обезличенных друзьях, или о подозрительных друзьях.

Литература

- 1- Арапова О.А. (2005). *Концепт «Дружба»: системный и функционально-когнитивный анализ: дис. канд. филол. наук*, Москва, Изд-во «РГБ».
- 2- Вежбицкая А. (2001). *Словарный состав как ключ к этносоциологии и психологии культуры: модели «дружбы» в разных культурах // Понимание культур через посредство ключевых слов*. Пер. с англ. А.Д. Шмелева, Москва, Изд-во «Языки славянской культуры». – С. 63-210.
- 3- *Демографический ежегодник России* (2017). Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/demo17.pdf
- 4- Коняева Е.В. (2014). *Концепт «Дружба» по данным научных исследований*. Режим доступа: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/28010/1/sk_2014-08.pdf

- 5- Лунцова О.М. (2008). *Градиент-концепт дружба - мир - вражда в русской и английской лингвокультурах (на материале лексики и фразеологии): дис. канд. филол. наук*, Волгоград, Изд-во «ВГПУ».
- 6- *Национальный корпус русского языка*. Режим доступа: www.ruscorpora.ru
- 7- Пахомова В.М. (2015). *Сопоставительный анализ концепта друг/friend в английском и русском языках // Молодой ученый*. – № 15.2. – С. 59-62.
- 8- Попович Е.С. (2016). *Социальные аспекты развития концепта «друг» в русском языке // Научный журнал КубГАУ*. – № 115 (01). Режим доступа: <http://ej.kubagro.ru/2016/01/pdf/79.pdf>
- 9- Шмелев А.Д. (2002). *Отношения между людьми // А. Д. Шмелев. Русская языковая модель мира: материалы к словарю*, Москва, Изд-во «Языки славянской культуры». – С. 164-188.
- 10- Шутковски Т. (2010). *«Дружба» и «друг» в языковой картине мира: на материале паремиологических трансформ // Studia Rossica Posnaniensia*. – № 35 – С. 281-287.
- 11- Черкасова Г.А. (2008). *Русский сопоставительный ассоциативный словарь*, Москва, Изд-во «ИЯз РАН». Режим доступа: http://it-claim.ru/Projects/ASIS/RSPAS/SPAS_3.htm#tri20
- 12- Чугаева Е.С. (2016). *Концепт «дружба» в русской паремиологической картине мира // Научное и образовательное пространство: перспективы развития: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 13 нояб. 2016 г.)*. В 2 т. Т. 2 / Редкол.: О.Н. Широков [и др.], Чебоксары, Изд-во «ЦНС Интерактив плюс». – С. 67-72.
- 13- Урысов Е.В. (2004). *Друг 1. Приятель 1. Товарищ. // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*. Под ред. Ю.Д. Апресяна. Второе издание, исправленное и дополненное, Москва; Вена, Изд-во «Языки славянской культуры: Венский славистический альманах». – С. 297-299. Режим доступа: <http://www.lrc-lib.ru/ruslang/noss/text.pdf>
- 14- Хизова М.А. (2005). *Концепт «дружба» в русской и английской лингвокультурах: автореф. дис. канд. филол. наук*, Краснодар, Изд-во «Институт экономики, права и естественных специальностей».

Bibliography

- 1- Арапова О.А. (2005). *Концепт «Druzhiba»: sistemnyй funkcional'no-kognitivnyй analiz: dis. kand. filol. nauk*, Moskva, Izd-vo «RGB».
- 2- Vezhbickaja A. (2001). *Slovarnyj sostav kak kljuch k jetnosociologii i psihologii kul'tury: modeli «druzhy» v raznyh kul'turah // Ponimanie kul'tur cherez posredstvo ključevykh slov*. Per. s angl. A.D. Shmeleva, Moskva, Izd-vo «Jazyki slavjanskoj kul'tury». – S. 63-210.
- 3- *Demograficheskiy ezhegodnik Rossii* (2017). Rezhim dostupa: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/demo17.pdf

- 4- Konjaeva E.V. (2014). *Koncept «Družba» po dannym nauchnyh issledovaniĭ*. Rezhim dostupa: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/28010/1/sk_2014-08.pdf
- 5- Luncova O.M. (2008). *Gradient-koncept družba - mir - vrazhda v ruskoĭ i angliĭskoĭ lingvokul'turah (na materiale leksiki i frazeologii): dis. kand. filol. nauk*, Volgograd, Izd-vo «VGPU».
- 6- *Nacional'nyj korpus ruskogo jazyka*. Rezhim dostupa: www.ruscorpora.ru
- 7- Pahomova V.M. (2015). *Sopostavitel'nyj analiz koncepta drug/friend v anglijskom i ruskom jazykah // Molodoj uchenyj*. – № 15.2. – S. 59-62.
- 8- Popovich E.S. (2016). *Social'nye aspekty razvitija koncepta «drug» v ruskom jazyke // Nauchnyj zhurnal KubGAU*. – № 115 (01). Rezhim dostupa: <http://ej.kubagro.ru/2016/01/pdf/79.pdf>
- 9- Shmelev A.D. (2002). *Otnoshenija mezhdu ljud'mi // A. D. Shmelev. Russkaja jazykovaja model' mira: materialy k slovarju*, Moskva, Izd-vo «Jazyki slavjanskoj kul'tury». – S. 164-188.
- 10- Shutkovski T. (2010). *«Družba» i «drug» v jazykovej kartine mira: na materiale paremiologičeskikh transform // Studia Rossica Posnaniensia*. – № 35 – C. 281-287.
- 11- Cherkasova G.A. (2008). *Russkij sopostavitel'nyj asociativnyj slovar'*, Moskva, Izd-vo «Izj RAN». Rezhim dostupa: http://it-claim.ru/Projects/ASIS/RSPAS/SPAS_3.htm#tri20
- 12- Chugaeva E.S. (2016). *Koncept «družba» v ruskoj paremiologičeskoj kartine mira // Nauchnoe i obrazovatel'noe prostranstvo: perspektivy razvitija: materialy III Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Cheboksary, 13 nojab. 2016 g.)*. V 2 t. T. 2 / Redkol.: O.N. Shirokov [i dr.], Cheboksary, Izd-vo «CNS Interaktiv pljus». – S. 67-72.
- 13- Uryson E.V. (2004). *Drug 1. Prijatel' 1. Tovarishh. // Novyj ob#jasnitel'nyj slovar' sinonimov ruskogo jazyka*. Pod red. Ju.D. Apresjana. Vtoroe izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe, Moskva; Vena, Izd-vo «Jazyki slavjanskoj kul'tury: Venskij slavisticheskij al'manah». – S. 297-299. Rezhim dostupa: <http://www.lrc-lib.ru/ruslang/noss/text.pdf>
- 14- Hizova M.A. (2005). *Koncept «družba» v ruskoj i anglijskoj lingvokul'turah: avtoref. dis. kand. filol. nauk*, Krasnodar, Izd-vo «Institut jekonomiki, prava i estestvennyh special'nostej».

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Makarova, V. (2019). Tell Me, Who Is Your Friend: Concept of FRIEND in the Modern Russian Media Discourse (on the Material of the Russian National Corpus 2014). *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Jazyka I Literaturny*, 13, 135-153.

DOI: 10.29252/iarll.13.135

URL: <http://journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/49>

Persia in the K. Paustovsky's Artistic Picture of the World

Sivova Tatyana Viktorovna¹

Assistant Professor, Grodno State University named after Yanka Kupala,
Grodno, Belarus.

(date of receiving: March, 2018; date of acceptance: October, 2018)

Abstract

This paper is focused on the main features of perception and visualization of the space of Persia in the artistic picture of the world by Paustovsky, a famous Russian Soviet writer, the linguistic description of the spatial picture of the world which represents a significant research lacuna. As a result of the research 1) representation of the individual model of the Persian space, in which cultural space dominates; 2) Persian toponymic works and its functionality are described; 3) features of the author's visualization of the Iranian space are revealed: which consist in the complexity of spatial characterization; in the use of a wide coloristic range; regular interaction of color and light characteristics; tendency to intensify the reality perception. The main attention is focused on the essential interrelation of coloristic, spatial and temporal characteristics in creating the imagological image of Persia, illustrating the functioning of the color chronotope.

Keywords: Art Picture of the World, Space, Time, Iran, Persia, Idiostyle, K. Paustovsky.

---

1. E-mail: sitavi@tut.by

Персия в художественной картине мира К.Г. Паустовского

Сивова Татьяна Викторовна¹

Старший преподаватель, Гродненский государственный университет им. Янки
Купалы,
Гродно, Республика Беларусь.

(дата получения: март 2018 г.; дата принятия: октябрь 2018 г.)

Аннотация

Статья посвящена исследованию особенностей перцепции и визуализации пространства Персии в художественной картине мира К.Г. Паустовского, выдающегося русского советского писателя, лингвистическое описание пространственной картины мира которого представляет собой значительную исследовательскую лауну. В результате исследования: 1) выявлена индивидуально-авторская модель персидского пространства, в котором отмечено доминирование пространства культуры; 2) описаны персидский топонимикон произведений и функциональность топонимов; 3) выявлены особенности авторской визуализации иранского пространства, которые заключаются в комплексности пространственной характеристики; в использовании широкого колористического диапазона (более 40 цвето- и светолексем); во взаимодействии колористической и световой характеристик; в обусловленной романтическим мировоззрением писателя тенденции к интенсификации восприятия действительности. Особо подчёркивается иллюстрирующая функционирование цветового хронотопа существенная взаимосвязь колористической, пространственной и темпоральной характеристик в создании имагологического образа Персии.

Ключевые слова: Художественная Картина Мира, Пространство, Время, Иран, Персия, Идиостиль, К.Г. Паустовский.

---

1. E-mail: sitavi@tut.by

Введение

Саади делил человеческую жизнь на три равных части. Первые тридцать лет человек должен, по словам поэта, приобрести познания, вторые тридцать лет – странствовать по земле, а свои последние тридцать лет отдать творчеству, чтобы оставить потомкам, как выразился Саади, «чекан своей души» (Паустовский 1983а. 149)

Значимость пространства в художественной картине мира выдающегося русского советского писателя, мастера художественного слова Константина Георгиевича Паустовского (1892–1968 гг.) не подлежит сомнению. И это обусловлено не только объективным фактором: пространственные значения являются первоосновой многих языковых средств обозначения (на уровне слова, структуры предложения), что позволяет классифицировать восприятие пространства как «одно из первых и элементарных проявлений познания мира человеком» (Гак 2000. 134), но и субъективным: на протяжении всей жизни К.Г. Паустовский был неутомимым путешественником, посетил многие страны мира, запечатлел их в автобиографической прозе. Вместе с тем лингвистическое описание пространственной картины мира писателя представляет собой значительную исследовательскую лакуну и открывает широкие перспективы для лингвистов (Сивова 2013; 2017).

Пространство Ирана, значимый фрагмент пространственной картины мира К.Г. Паустовского, попало в фокус внимания литературоведов. Так, Н.Ю. Никитина рассмотрела пространственно-временную структуру рассказа «Пыль земли Фарсистанской», отражающую реалистическое мировосприятие писателя, подчеркнув вместе с тем особую метафоричность повествования, которая корректирует реалистичность художественного мира рассказа (Никитина 2013. 57).

Предметом данного лингвистического исследования являются особенности перцепции и визуализации пространства Персии в художественной картине мира К.Г. Паустовского, материалом – собрание сочинений в 9 т.¹ (Паустовский 1981; 1982; 1982а; 1982б; 1983; 1983а; 1984; 1986), а также не вошедший в собрание, рассказ «Пыль земли Фарсистанской» (Паустовский 2003).

Основная часть

Количество лексем, репрезентирующих персидское / иранское пространство, а также количество их словоупотреблений свидетельствуют о значимости Персии в пространственной картине мира писателя. Проанализировано более 140 контекстов, содержащих лексемы с персидской пространственной семантикой (подаются в порядке убывания с указанием количества словоупотреблений): *персидский* 30; *Персия* 18; *Саади* 15; *фарсистанский* 11; *Арарат* 10; *перс* 9; *Аракс* 8; *Фарсистан* 5; *иранский* 4; *Тавриз*, *Шираз* 3; *Иран*, *Мосул*, *ширазский*, *Эль-Бабе* 2; «*Тезкират*», *бабид*, *Бассора*, *Гафиз*, *Джунаид-Хан*, *Керманишах*, *Маку*, *мидяне*, *Омара Хаям*, *по-персидски*, *Тегеран*, *тегеранской*, *фарси*, *Хороссан*, *шах-ин-шах*, *Энзели* 1.

Анализ лексической сочетаемости ядерных лексем позволил выявить особенности перцепции и визуализации данного пространства в художественной картине мира К.Г. Паустовского. Имагологический образ

---

1. Т. 1: романы «Романтики», «Блистающие облака», повесть «Кара-Бугаз»; Т. 3: повесть «Золотая роза»; Т. 4–5: гексалогия «Повесть о жизни»; Т. 6: рассказ «Лихорадка»; Т. 7: очерки и литературные портреты «В тысячелетней пыли», «Где нашли золотое руно», «Живописная Болгария», «Муза дальних странствий», «Несколько слов о Бабеле», «Погоня за растениями», «Подводные ветры», «С берегов Куры»; Т. 8: статьи и выступления «Неистовый Винсент», «Большой человек» К 50-летию рождения М. Горького; Т. 9: «Молодым писателям»; письма Е.С. Загорской 14 декабря 1915 г., 1 апреля 1916 г., М.Г. Паустовской, 17 декабря 1923 г., Р.И. Фраерману, 9 октября 1941 г., С.М. Навашину, 12 декабря 1943 г., Н.Н. Никитину 18 января 1946 г.

Персии в произведениях писателя во многом опосредован личным опытом пребывания в стране: *Но мне не давала покоя «муза дальних странствий», и я, пробыв два года в Одессе, переехал в Сухум, потом – в Батум и Тифлис. Из Тифлиса я ездил в Армению и даже попал в северную Персию* (Паустовский 1981. 40); *Из Тифлиса я ездил в Баку, в Муганскую степь, в Армению (Александрополь, Эривань, Джульфу) и в Персию (Тавриз). Впечатление от этой поездки у меня осталось громадное, на всю жизнь* (Паустовский 1986. 65).

1. Анализ лексической сочетаемости лексемы *персидский* (30 словоупотреблений) свидетельствует об актуализации её во всех значимых пространствах исследуемых произведений. Выделение пространственных плоскостей осуществлялось с опорой на теорию В.Г. Гака, согласно которой пространственные номинации образуют четыре концентрических расширяющихся круга (*человек – дом – страна – мир*) (Гак 2000. 127). Художественное пространство произведений и индивидуально-авторское восприятие писателя обуславливают особую модификацию персидского пространства, в которой доминирует:

– пространство культуры, творчества: *персидский поэт Саади; старинный персидский поэт Саади; густые персидские краски; персидские художники; персидская майолика; лубочная персидская сказка; персидское изречение; персидский язык; персидский ковёр*. В контексте: *«Склонись к зеркалу души своей, и ты испытаешь наслаждение. Душа твоя, окрылённая любовью, смирится и вознесётся к далёким вершинам, где правда светоносными руками сорвёт покрывало с твоего разума»*. *Я могу думать об этом персидском изречении часами, находя в нём всё новую глубину* (Паустовский 1981. 67); *Она [роспись] была сделана персидскими художниками по заказу квартиранта Зданевичей – персидского консула в Тифлисе, жившего здесь до меня* (Паустовский 1982б. 359), за ним по ранжиру

– пространство человека: *персидские дети; персидские пограничники; два персидских купца; персидские люстриновые халаты; медные персидские монеты*. В контексте: *Нищенка подошла, переливаясь жёлтыми юбками, красным корсажем, синим платком, бренькая десятками медных персидских монет, пылая смуглым и нежным лицом* (Паустовский 1981. 335), а также: *За столом в кают-компании сидят персы с добрыми глазами, морщат лица, гортанно смеются и пьют чай с изюмом* (Паустовский 1981. 96), в равной степени

– пространство природы: *кожа персидского апельсина; персидские апельсины; персидские горы*. В контекстах: *За окном мальчишки кричали: «Ворони яйца, ворони яйца» и подкидывали красные и горькие, как хина, персидские апельсины* (Паустовский 2003. 88) и

– пространство истории: *персидская секта вождя Эль-Баба; персидский консул в Тифлисе*. В контексте: *Из всех сект он [Розовский] выделял революционную, по его словам, персидскую секту вождя Эль-Баба, так называемых «бабидов»* (Паустовский 1982б. 359), а также: *И, глядя на бронзовый барельеф Грибоедова, слушая в тишине и пустынности плеск воды в церковном фонтане, читая стёртые строки о том, что Грибоедов «убит в Тегеране генваря 30 дня 1829 года», я вспомнил, какая это древняя земля, покрытая тысячелетней пылью* (Паустовский 1983а. 61); *Будущее, как история мидян, темно и непонятно* (Паустовский 1986. 190),

– пространство страны: *персидский берег; персидский караван-сарай*. В контексте: *На персидском берегу на крыше низкого глинобитного дома стояли голые персидские дети, и солнце блестело на их коричневых животах, как на маленьких медных котлах* (Паустовский 1982б. 389).

Таким образом, модель иранского пространства может быть представлена в виде иерархии *культура – человек – природа – история – страна*.

2. Персидский топонимикон произведений К.Г. Паустовского включает следующие топонимы: *Персия, Арарат, Аракс, Фарсистан, Тавриз, Шираз,*

Иран, Мосул, Бассора, Керманишах, Маку, Тегеран, Хороссан, Энзели. Доминирующую позицию занимает топоним *Персия* 18, который широко используется писателем для моделирования пространства:

– страны / мира: *Помню Джульфу, где за железнодорожным мостом была уже Персия <...>* (Паустовский 1982б. 391); *Каждую зиму гибло несколько зверобойных артелей – кошей. Их относило на льдинах в море, в сторону Персии* (Паустовский 1981. 417); *До революции Розовский ездил в Турцию и Персию, чтобы изучить Восток на месте* (Паустовский 1982а. 553);

– истории: *Вы знаете, я читал... вот в этих, значит, местах... через Колхиду проходила великая дорога в Индию... это её остатки... Она шла через Нахарский перевал на Дербент, потом через Персию... Здесь богатые города были...* (Паустовский 1981. 299); *Басмачи ушли в Персию, и снова безмолвие вернулось на наши берега* (Паустовский 1982б. 523);

– природы: *Тепличный ветер долетал от берегов Персии, как из открытого на ночь окна цветочного магазина. Он приносил запах растёртых пальцами листьев ореха, тяжёлой листвы и сырых песков* (Паустовский 1981. 495); *Фарсистан, Персия, где бормочет холодная вода среди сизых туютовых стволов* (Паустовский 2003. 79);

– творчества: *В то время я только что окончил повесть под нарядным названием «Пыль земли Фарсистанской». Название это казалось мне очень заманчивым, хотя было неправильным. Дело в том, что действие повести происходило на крайнем севере Персии (я там был очень недолго), а Фарсистаном называется как раз южная часть страны. Там я никогда не был. Но звучность этого слова – «Фарсистан» – так мне понравилась, что я пренебрёг точностью и сдвинул название с юга на север. Я успокаивал себя тем, что персидский язык называется «фарси» и потому все области страны, где говорят на этом языке, можно называть Фарсистаном* (Паустовский 1982б. 457);

– человека: *Он [Чачиков] любил рассказывать о своём детстве, проведённом якобы в Персии, в городе Мосуле* (Паустовский 1982б. 285). Интерес вызывает случай пересечения трёх пространственных плоскостей в рамках одного предложения [творчества, человека, страны]: *Поэтому я так много пишу о тоске, о себе, о Персии и оттягиваю время...* (Паустовский 2003. 80).

Ороним *Арарат* 10 занимает второе место в персидском топонимиконе произведений и актуализируется преимущественно в пространстве природы: *Сохнут губы, солоноватые от крови, а в стеклянном дыму ущелий громадной бирюзой застыл Арарат* (Паустовский 2003. 79), а также творчества: *Арарат! Я никак не мог поверить в то, что вижу его воочию. Все мифы древности, все сказки далёких веков были воплощены в этой исполинской горе* (Паустовский 1982б. 387). Пересечение пространственной и темпоральной координаты формирует особый хронотоп произведения: *Вместе с холодным воздухом ворвались в вагон резкость очертаний и чистота красок, – там, снаружи, в древнейшем и девственном небе вздымалась к самому зениту, закрывая весь край земли и половину неба, двугорбая снеговая гора. Это был Арарат* (Паустовский 1982б. 386).

В иранском топонимическом пространстве значим потамоним *Аракс* 8, функционирующий в пространстве природы: *Видели только жаркую и быструю реку Аракс с розовой мутной водой. Вода была окрашена в цвет окрестных гор* (Паустовский 1982б. 388); *<...> в красных скалах шумел мутный Аракс, и нестерпимая жара пустыни дохнула на нас, как из калильной печи* (Паустовский 1983а. 62); повторяется тенденция к пересечению пространственных плоскостей [природы и человека]: *Тоска среди кирпичных гор, где Аракс полощет тёплой водой устои караванных мостов* (Паустовский 2003. 79).

Описывая персидское пространство, К.Г. Паустовский использует и другие топонимы, расширяя таким образом географический диапазон произведений:

Фарсистан 5; Тавриз, Шираз 3; Иран, Мосул, 2; Бассора, Керманиах, Маку, Тегеран, Хороссан, Энзели 1. В контекстах: Есть Тавриз, Тегеран, Шираз, Энзели, – там живут англичане и русские, там машины кричат на дорогах, как этот вонючий верблюд (Паустовский 2003. 80); Я не иду, меня кто-то ведёт, и я знаю, что пути эти правильны и неизменны, как белые ремни караванных дорог из Тавриза в Шираз и дальше в Бассору и Мекку <...> (Паустовский 2003. 80); Ах, ах, ширазские соловьи и розы Хороссана! Ах, Зюлейка, лилия иранских долин! (Паустовский 1981. 437).

3. Имя собственное *Саади* 15, занимающее третье место по количеству словоупотреблений в исследуемых текста, является знаковым для К.Г. Паустовского (вместе с тем писатель упоминает и других персидских поэтов): *После доклада Щелкунова, после того как я узнал о неведомых аравийских городах, у меня началось увлечение Востоком. Я принялся изучать восточную поэзию. Щелкунов охотно доставал мне книги Саади, Омара Хаяма и Гафиза (Паустовский 1982а. 552).*

К.Г. Паустовский многократно цитирует Саади: *Тот человек, которого не радуют и не волнуют его полотна, или лицемер, или, как говорил персидский поэт Саади, «сухое полено» (Паустовский 1984. 403); Из изречений Саади он [Хоробрых] ценил только одно и часто повторял его топографам: «Если ты идёшь с хромым, то поджимай ногу, чтобы его хромота не была так заметна» (Паустовский 1981. 437).*

Цитаты из произведений Саади специфичны своей полифункциональностью. Так, К.Г. Паустовский с именем Саади:

– соотносит современный творческий процесс: *У иранского поэта Саади есть двустишие: Будь щедрым, как пальма, а если не можешь, то будь // Стволом кипариса – простым и прямым, – благородным. Это двустишие целиком относится к писателям, и в частности к молодым. Писатель в своём творчестве должен быть щедр, прост, смел, благороден (Паустовский 1986. 297);*

– связывает персоналии видных деятелей литературы: *Старинный персидский поэт Саади, чьи песни до сих пор овеяны неумирающей своеобразной прелестью, писал о себе в «Тезкирате»: «Тридцать лет я употребил на скитания. Я коротал дни с людьми всех народов и грелся у многих костров. Я видел частицу великой красоты, наполняющей вселенную. Тридцать лет я употребил на учение и последние тридцать лет – на творчество». Счастлив тот, кто, прожив такую жизнь, оставил потомкам «чекан души своей». Эти слова «сладчайшего» Саади словно сказаны о Горьком, беспокойном скитальце, жаждавшем познавать и созидать* (Паустовский 1984. 265);

– проводит параллели с собственным мировосприятием: *Персидский поэт Саади – лукавый и мудрый шейх из города Шираза считал, что человек должен жить не меньше девяноста лет. Саади делил человеческую жизнь на три равных части. Первые тридцать лет человек должен, по словам поэта, приобретать познания, вторые тридцать лет – странствовать по земле, а свои последние тридцать лет отдать творчеству, чтобы оставить потомкам, как выразился Саади, «чекан своей души» <...>. Саади был прав, но в глубине души я думаю, что тридцати лет для странствий по земле – этого всё же мало* (Паустовский 1983а. 149);

– соизмеряет свою личную жизнь [из письма Е.С. Загорской]: *Я могу думать об этом весь день, и со словами Саади сольются образы той забытой девушки-царевны, могилу которой мы видели в Чуфут-Кале, которая умерла, потому что слишком глубоко любила, образы голубей под солнцем у фонтанов, дымчатых морей, повторяя эти слова, я как-то сразу схватываю простую мудрость жизни, всю ослепительность солнца и красоту цветов в твоих руках и небывалую, мучительно-сказочную поэму нашей любви, которая так хороша, что если бы люди создали о ней самые нежные легенды, то даже этим не могли бы передать хотя бы тысячную часть её очарования...* (Паустовский 1986. 37).

4. Индивидуально-авторское восприятие персидского пространства отмечено некоторыми специфическими чертами, повторяемость которых в других произведениях, при анализе других фрагментов пространственной картины мира К.Г. Паустовского, позволяет говорить о них как о чертах идиостиля писателя. Так, к основным особенностям индивидуально-авторского восприятия персидского пространства могут быть отнесены:

– пересечение иранского пространства с другими пространственными плоскостями произведений: [природы] *Аллах иссушил нашу землю на десять локтей в глубину, и даже дождь высыхает, не успевая достигнуть земли. Реки текут под песками, но вода в них горькая, как кожа персидского апельсина* (Паустовский 1981. 487); [искусства, природы] *Качались дубовые кили, и, как персидская майолика, на бронзовых горах бледным пурпуром цвели олеандры* (Паустовский 1983а. 80);

– проведение пространственных параллелей: *Я снова услышал грудной голос, напомнивший мне почему-то польские парки и шум лип на туманных рассветах* (Паустовский 2003. 82); *У него в памяти остались тяжёлые лесные заросли, лиловый дым далёких исполинских гор, известковые стены [иезуитского] монастыря, похожее на персидский караван-сарай, и лёгкая дрожь руки Сесиль, когда он помогал ей садиться в седло* (Паустовский 1983. 29) и установление тождества: *Ты хорошо слушаешь. Есть в тебе, должно быть, фарсистская кровь* (Паустовский 2003. 83);

– широта пространственного диапазона, обусловленная романтическим мировосприятием писателя: *Тогда невольно думаешь, куда только не заносила история простого русского солдата, – от Парижа до Эгейского моря (в Болгарии его зовут Белым морем) и от Керманишаха в Малой Азии до фьордов Норвегии* (Паустовский 1984. 187); *Базар – как персидский ковер – смесь оливковых и тёмных персов, диких горцев в чёрных башлыках, кирпично-бронзовых текинцев, краснорожих весельчаков «кинто», вечно вздыхающих и жарящих каштаны айсоров, красноармейцев в суровых шлемах и тёмно-*

зелёных шинелях, словно высеченных из дикого камня, и забредших сюда «фешенебельных» иностранцев в лакированных туфлях и серых макинтошах (Паустовский 1983а. 60);

– комплексная характеристика иранского пространства [колористическая, световая, аудиальная]: *Ящерица зарылась в красный песок и уснула. Заунывная песнь погонщиков и высокое солнце стоят над землёй, где ночи коротки, как тень птичьего крыла* (Паустовский 2003. 79).

5. Визуализируя персидское пространство, К.Г. Паустовский прибегает к использованию колористической (получившей наибольшую реализацию), световой, аудиальной, одоративной, собственно пространственной, темпоральной характеристик.

5.1. Колористическая характеристика персидского пространства осуществляется с помощью широкого цветового диапазона, включающего имена цвета, согласно классификации Р.М. Фрумкиной (Фрумкина 1984. 54): *синий 13 (синева жгучего неба; клуб синего дыма); жёлтый 13 (жёлтая рука; лица с жёлтыми белками); розовый 10 (розовая пыль; Аракс с розовой мутной водой); чёрный 9 (чёрные переулки; чёрный ковёр неба); зелёный 8 (зелёные глаза; зеленоватое небо); серый 7 (серые дёсны; серый халат); белый 7 (белизна Арарата; белые ремни караванных дорог); красный 6 (красная глина; красные скалы); коричневый 4 (коричневая ладонь); коралловый 3 (коралловый дым персидских гор); багровый 2 (багровый закат); золотой 2 (золотой виноград); рыжий 2 (рыжие пески); бирюзовый 1 (бирюзой застыл Арарат); индиговый 1 (индиговый прорез двери); кирпичный 1 (кирпичные горы); лиловый 1 (лиловые бочки с вином); медный 1 (медь заката); молочный 1 (звёздное молоко); оранжевый 1 (персидскими красками – оранжевой); песчаный 1 (ящерицы песчаного цвета); сизый 1 (сизые тутовые стволы); фиолетовый 1 (фиолетовое лакированное небо); янтарный 1 (янтарное стекло февральского солнца).*

Доминантами колористического пространства Персии становятся *синий, жёлтый, розовый*. Превалирование *синего* обусловлено его широким использованием для создания цветовой характеристики пространства природы (*небесная синева; синие ветры; синим льдом уже горели вершины Главного хребта*); человека (*выбранные до синевы лица купцов; синий, чёрный и жёлтый поток купцов*); дома / страны (*синие от неба тротуары*); творчества (*густые персидские краски – синяя*); религии (*утром она [мечеть] была розовая, днём синяя*), а также темпоральной координаты (*синие дни; ослепительная синяя весна*).

Имя цвета *жёлтый* визуализирует преимущественно пространство человека (*лица с жёлтыми белками; ворчал хозяин, помахивая жёлтой рукой*), природы (*жёлтыми ремнями ревели реки*), страны (*жёлтая страна*) и темпоральную координату произведения (*дни, жёлтые от солнца*).

Имя цвета *розовый* становится постоянным определением фарсистанской земли: *караванные дороги, покрытые розовой пылью земли фарсистанской; розовая пыль караванных дорог; розовая пыль взбивалась под копытами косматого коня; ящерица зарылась в розовый песок*. В контексте: *Всё во мне, что зовётся душой, кто-то протянул между тонкими пальцами, оцарапал до крови старинным кольцом и, как стебель травы, бросил в розовую пыль караванных дорог тлеть от жара камней, дрожать под копытами сонных верблюдов* (Паустовский 2003. 79).

Колористический спектр персидского пространства расширяется за счёт: а) цветолексем, не входящих в блоки цвета, однако зафиксированных в лексикографии: *снежная белизна Арарата*; б) лексем с корнем *-цвет-*: *бесцветное небо* [рассвет]; *цветные нитки для ковров*; в) лексики изобразительного искусства с семей 'цвет': *резкость очертаний и чистота красок; персидская майолика*; г) лексем, содержащих общую интегральную сему с цветовым признаком имплицитно: *рыжая выкрашенная борода*;

загорелые руки; пёстрые сверкающие страны; мутный, как похмелье, рассвет; смуглые руки; д) лексем со значением интенсивности окраски: *переспелые звёзды;* е) со значением 'утратить цвет': *щётка выгоревшей травы; стенания линяющих верблюдов.* В контексте: *В трещинах исполинских плит, которыми была вымощена дорога, желтела щётка выгоревшей травы и бегали большие ящерицы песчаного цвета* (Паустовский 1982б. 388); ж) с цвето-световым значением: *стеклянный дым ущелий; небо будет лихорадить звёздным ознобом; вымазанный бледным мелом звёзд.* В контексте: *Я сижу у глиняной стены, вымазанной бледным мелом звёзд, и курю* (Паустовский 2003. 80).

Другими чертами цветописы К.Г. Паустовского, проявившимися в создании пространственного образа Персии, являются:

– взаимодействие цветовой и световой характеристик: *В зеленоватом небе висели, касаясь крыши, переспелые звёзды* (Паустовский 1981. 437); *Слова перса взрывались в мозгу нестерпимым огнём на чёрном ковре неба* (Паустовский 2003. 83), динамика цвета и света: *Утром она [мечеть] была розовая, днём синяя, а вечером блестела, как твоё золотое кольцо* (Паустовский 2003. 83);

– создание цветовой зарисовки на основе контраста: *Лишь изредка по чистым скатертям дул ветер, и дым папирасы улетал к хозяину, за чёрную таинственную стойку. Там блестели бутылки, и розовый, золочёный и синий строй чайников напоминал лубочную персидскую сказку* (Паустовский 1981. 279) и гармонии: *В трещинах исполинских плит, которыми была вымощена дорога, желтела щётка выгоревшей травы и бегали большие ящерицы песчаного цвета* (Паустовский 1982б. 388);

– интенсификация восприятия действительности: *выбритые до синевы лица купцов* и обусловленная ею маркировка цветом предметов и явлений, которым не присуща цветовая характеристика: *синие ветры; коралловая теснота гор.* В

контексте: *Зной наливался над городом невыносимым жёлтым соком* (Паустовский 2003. 82);

– изображение отражённого цвета: *синие от неба тротуары; огонь камина проплясал в её зелёных глазах*. В контекстах: *Взошло солнце и дощатые стенки купальни горели багровым пожаром* (Паустовский 2003. 85); *Вода была окрашена в цвет окрестных гор* (Паустовский 1982б. 388).

5.2 Аудиальная характеристика: *Звенел кольцом верблюд, на горах хохотали шакалы <...>* (Паустовский 2003. 90); *Глухо шумела река и под ногой осыпался битый щебень* (Паустовский 2003. 90).

5.3 Одоративная характеристика: *<...> наливались их [карагечей] стволы соками фарсистеранской земли, пахучими, как грудь фарсистеранских девушек, как запах цитронов, изнурявших мои непрочные лёгкие европейца* (Паустовский 2003. 83).

5.4 Темпоральная характеристика: *<...> в древнейшем и девственном небе вздымалась к самому зениту, закрывая весь край земли и половину неба, двугорбая снеговая гора* (Паустовский 1982б. 386); *В пыли лежали века* (Паустовский 2003. 90); *<...> на своём лице я ощутил розовую пыль земли Фарсистеранской, земли прекрасной и исцеляющей своей ветхозаветной силой* (Паустовский 2003. 90). В связи с временной характеристикой отмечаем константную взаимосвязь колористической и темпоральной составляющей: *ослепительная синяя весна; янтарное стекло февральского солнца; дни, жёлтые от солнца; розовый дым заката; багровый закат*. В контекстах: *Ночь стирала со стен последнюю медь заката* (Паустовский 2003. 83), а также ставшую идиостилевой особенностью К.Г. Паустовского взаимосвязь колористической, пространственной и темпоральной характеристик, создающую цветовой хронотоп произведения: *Тянулась древняя жёлтая страна* (Паустовский 2003. 89); *[иранская пустыня] красная глина, крепкая, как камень, где небо легло на горы душиным ковром из синих тысячелетних шелков* (Паустовский 2003. 90); *На всём: на заросших польню могильных*

плитах с затейливой вязью, на караванных дорогах широких, печальных, тонущих в коралловом дыму персидских гор, на коврах, разбросанных в пустынных чайханах, на сожжённых зноем лицах – вы видите розовую тысячелетнюю пыль (Паустовский 1983а. 62).

6. Спектр средств визуализации персидского пространства расширяется К.Г. Паустовским за счёт использования специальных изобразительно-выразительных средств языка (эпитетов, сравнений, метафор, олицетворений): *звёздное молоко на карагачах; белые ремни караванных дорог; чёрным платком упала ночь; серый халат скуки; громадной бирюзой застыл Арарат*. В контекстах: *Хвала тебе, муслиновый Мосул // Приют моих давно истлевших предков!* (Паустовский 1982б. 285); *Розовая пыль земли фарсистанской, будто бы окрашенная человеческой кровью* (Паустовский 2003. 90); *Осенняя ночь упала чёрным крылом на землю* (Паустовский 2003. 90); *[Арарат] встаёт на рассвете громадой сверкающего, только что расколотого сахара* (Паустовский 1983а. 62).

Заключение

Таким образом, опосредованный личным опытом пребывания в стране и художественным мастерством К.Г. Паустовского имагологический образ Персии в произведениях писателя создаётся широким спектром средств и способов визуализации, важнейшим из которых является закономерная взаимосвязь пространственной и темпоральной характеристик, формирующая персидский хронотоп, в котором пространство и время специфичны комплексной разносторонней характеристикой.

Включённость Персии в современный К.Г. Паустовскому хронотоп, подтверждает значимость страны в пространственной картине мира писателя и открывает перспективы дальнейшего изучения персидского хронотопа в его произведениях.

Автор статьи выражает глубочайшую благодарность за содействие Ирине Владимировне Поляковой, учёному секретарю Московского литературного музея-центра К.Г. Паустовского (Москва, Российская Федерация).

Литература

- 1- Гак В.Г. (2000). *Логический анализ языка. Языки пространств*. М., Изд-во «Языки русской культуры».
- 2- Никитина Н.Ю. (2013). *Пространственно-временная структура рассказа К. Паустовского «Пыль земли Фарсистанской» // От текста к контексту*. 2013. № 1. Ишим. Тюмен. гос. ун-т. С. 52–58.
- 3- Паустовский К.Г. (1981). *Собрание сочинений: в 9 т. Т. 1.* М., Изд-во «Художественная литература».
- 4- Паустовский К.Г. (1982). *Собрание сочинений: в 9 т. Т. 3.* М., Изд-во «Художественная литература».
- 5- Паустовский К.Г. (1982а). *Собрание сочинений: в 9 т. Т. 4.* М., Изд-во «Художественная литература».
- 6- Паустовский К.Г. (1982б). *Собрание сочинений: в 9 т. Т. 5.* М., Изд-во «Художественная литература».
- 7- Паустовский К.Г. (1983). *Собрание сочинений: в 9 т. Т. 6.* М., Изд-во «Художественная литература».
- 8- Паустовский К.Г. (1983а). *Собрание сочинений: в 9 т. Т. 7.* М., Изд-во «Художественная литература».
- 9- Паустовский К.Г. (1984). *Собрание сочинений: в 9 т. Т. 8.* М., Изд-во «Художественная литература».
- 10- Паустовский К.Г. (1986). *Собрание сочинений: в 9 т. Т. 9.* М., Изд-во «Художественная литература».
- 11- Паустовский К.Г. (2003). *Пыль земли Фарсистанской*. М., Изд-во «Мир Паустовского».
- 12- Сивова Т.В. (2013). *Пространство в романе К.Г. Паустовского «Романтики» // Лінгвістичні студії*. 2013. Вип. 26. Донецьк. Донецьк. нац. ун-т. С. 199–204.
- 13- Сивова Т.В. (2017). *Восточнославянское и китайское пространство в произведениях К.Г. Паустовского // Традиционная духовная культура восточнославянских и китайского народов*. 2017. Гомель. Гомельск. гос. ун-т. С. 158–160.
- 14- Фрумкина Р.М. (1984). *Цвет. Смысл. Сходство (аспекты психолингвистического анализа)*. М., Изд-во «Наука».

Bibliography

- 1- Gak V.G. (2000). *Logicheskij analiz jazyka. Jazyki prostranstv*. M., Izd-vo «Jazyki russkoj kul'tury».
- 2- Nikitina N.Ju. (2013). *Prostranstvenno-vremennaja struktura rasskaza K. Paustovskogo «Pyl' zemli Farsistanskoj» // Ot teksta k kontekstu*. 2013. № 1. Ishim. Tjumen. gos. un-t. S. 52–58.
- 3- Paustovskij K.G. (1981). *Sobranie sochinenij: v 9 t. T. 1. M.*, Izd-vo «Hudozhestvennaja literatura».
- 4- Paustovskij K.G. (1982). *Sobranie sochinenij: v 9 t. T. 3. M.*, Izd-vo «Hudozhestvennaja literatura».
- 5- Paustovskij K.G. (1982a). *Sobranie sochinenij: v 9 t. T. 4. M.*, Izd-vo «Hudozhestvennaja literatura».
- 6- Paustovskij K.G. (1982b). *Sobranie sochinenij: v 9 t. T. 5. M.*, Izd-vo «Hudozhestvennaja literatura».
- 7- Paustovskij K.G. (1983). *Sobranie sochinenij: v 9 t. T. 6. M.*, Izd-vo «Hudozhestvennaja literatura».
- 8- Paustovskij K.G. (1983a). *Sobranie sochinenij: v 9 t. T. 7. M.*, Izd-vo «Hudozhestvennaja literatura».
- 9- Paustovskij K.G. (1984). *Sobranie sochinenij: v 9 t. T. 8. M.*, Izd-vo «Hudozhestvennaja literatura».
- 10- Paustovskij K.G. (1986). *Sobranie sochinenij: v 9 t. T. 9. M.*, Izd-vo «Hudozhestvennaja literatura».
- 11- Paustovskij K.G. (2003). *Pyl' zemli Farsistanskoj*. M., Izd-vo «Mir Paustovskogo».
- 12- Sivova T.V. (2013). *Prostranstvo v romane K.G. Paustovskogo «Romantiki» // Lingvistichni studii*. 2013. Vip. 26. Donec'k. Donec'k. nac. un-t. S. 199–204.
- 13- Sivova T.V. (2017). *Vostochnoslavjanskoe i kitajskoe prostranstvo v proizvedenijah K.G. Paustovskogo // Tradicionnaja duhovnaja kul'tura vostochnoslavjanskih i kitajskogo narodov*. 2017. Gomel'. Gomel'sk. gos. un-t. S. 158–160.
- 14- Frumkina P.M. (1984). *Cvet. Smysl. Shodstvo (aspekty psiholingvisticheskogo analiza)*. M., Izd-vo «Nauka».

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Sivova, T. (2019). Persia in the K. Paustovsky's Artistic Picture of the World. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 13, 155-172.

DOI: 10.29252/iarll.13.155

URL: <http://journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/50>

The Protagonist's Search for the "Desired Lot" in the "Persian Motives" Poetic Cycle by S.A. Yesenin

Ustimenko Natalya Mikhailovna¹

Senior lecturer of Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia.

(date of receiving: April, 2018; date of acceptance: July, 2018)

Abstract

Yesenin perceived his contemporary Soviet reality as a tragedy of national life. Hence, followed his search for ways out, one of whom the poet saw in a dialogue between the cultures of the East and Russia. The book "Persian Motives" appeared in his creative quest as an aesthetic search for national development of the future Russia, and finds an Eastern path for it. The research was intended in order to reveal the poetic concept of "Persian Motives" and analyze from the viewpoint of cultural linguistics the evolution of the protagonist (embodying the cultural concept) who appears in the first part of the book as a Russian traveller charmed by the East, in the second part he becomes a wanderer and a poet fell in love with vivid beauty of the Eastern life and culture, and in the third section he is a poet prophesizing a new "Blue and tender", "blue and jolly country".

Keywords: Yesenin, Dialog of Cultures, Shiraz, Ryazan Expanses, Persian Lyrics.

---

1. E-mail: nustim@mail.ru

**Поиски «желанного удела» лирическим героем книги стихов
С.А. Есенина «Персидские мотивы»**

Устименко Наталья Михайловна¹

Старший преподаватель, Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия.

(дата получения: апрель 2018 г.; дата принятия: июль 2018 г.)

Аннотация

Современная Есенину советская действительность осознавалась им как трагедия национальной жизни. Отсюда его поиски путей выхода из неё, один из которых поэт видел в диалоге культур Востока и России. Книга «Персидские мотивы» возникает в творчестве поэта как его эстетический поиск национального развития будущей России, её восточного пути. Целью нашего исследования является выявление поэтической концепции «Персидские мотивы» в процессе анализа эволюции лирического героя – носителя культурной идеи, который в первом разделе книги предстает русским путешественником, очарованным Востоком; во второй части он обретает облик странника и поэта, полюбившего живую красоту восточной жизни и культуры, в третий раздел вошло стихотворение «Голубая да веселая страна...», в которой за милые края новой жизни «обнимает розу соловей».

Ключевые слова: Есенин, Диалог Культур, Шираз, Рязанские Раздолья, Персидские Лирики.

---

1. E-mail: nustim@mail.ru

Введение

В письме от 20.12.1924 г. из города Батума С.А. Есенин писал Г. Бениславской: «Персидские мотивы» это у меня целая книга...» (Есенин 1999. 6. 193), – в которую в окончательной редакции вошли пятнадцать стихотворений.

Книга имеет, на наш взгляд, трёхчастную композицию: экспозиция, основная часть, заключение. Образ лирического героя «Персидских мотивов» шире отдельной личности – автора книги, «ласкового уруса», или восточного поэта. В восточной лирике Есенин нашел исторические истоки размышлений о вечных истинах, отчасти уже найденных ранее им самим. Истоки, давшие ему возможность, наряду со «Словом о полку Игореве...», постигнуть единство и связующие нити человеческого мира с прошлым, настоящим и грядущим. Эта связь времен определила цельность этой есенинской книги, которая обнаруживается не во внешнем сходстве с поэзией восточных классиков, а во внутреннем слиянии с их миром духовных ценностей.

В соответствии с эволюцией лирического героя на протяжении всей книги, мы полагаем, целесообразно разделить стихотворения «Персидских мотивов» на три раздела. Проанализируем каждый из них.

Основная часть

Три стихотворения – «Улеглась моя былая рана...», «Я спросил сегодня у менялы» и «Шаганэ ты моя, Шаганэ...» составляют, на наш взгляд, *первый раздел книги*.

Как известно, первые два из них, написаны в период с 17 по 20 октября 1924 г. В письме к Г. Бениславской от 20 октября 1924 г. Есенин сообщал из Тифлиса: «На днях я пошлю персидские стихи. Стихи, говорят, очень хорошие, да и я доволен ими» (Есенин 1999. 6. 180).

В стихотворении «Улеглась моя былая рана...» находим элементы притяжения двух миров: России и Востока, обладающих древнейшими

культурами. Взаимные движения самобытных культур происходят на уровне жизненных реалий. Образ чайханщика «с круглыми плечами» неоднозначен. Будучи носителем персидского мира, он, прежде всего, представлен Есениным, целителем, который лечит душу и сердце русского путника «синими цветами Тегерана». Вместе с тем, его образ дан в двух ипостасях: с одной стороны, – он гостеприимный и радушный хозяин, который угощает русского гостя «красным чаем»: «Угощай, хозяин, да не очень...», а с другой, – как хозяина прекрасного сада любви: «Много роз цветёт в твоём саду» (Есенин 1995. 1. 248).

Если в первом стихотворении возникает лишь предчувствие любви, то во втором речь идёт о философском осмыслении любви как составной части восточной жизни. Собеседником лирического героя является не поэтический мудрец, а простой меняла. Для русского путника он является и своеобразным проводником в мир восточных традиций, «переводчиком», который знает толк не только в межнациональных денежных знаках, но и обогащает лирического героя восточной народной мудростью:

*«... Как сказать мне для прекрасной Лалы
По-персидски нежное «люблю»?
... Как назвать мне для прекрасной Лалы
Слово ласковое «поцелуй»?
... Как сказать мне для прекрасной Лалы,
Как сказать ей, что она «моя»?*

Ответы менялы развивают тему познания красоты восточной любви как мудрой основы жизни человека, философского её осмысления:

*«...О любви в словах не говорят,
О любви вздыхают лишь украдкой,
Да глаза, как яхонты, горят». (Там же.251).*

В ответе менялы звучит мотив скоротечности жизни и неизбежности смерти:

*«Поцелуй названья не имеет
Поцелуй не надпись на гробах.
Красной розой поцелуй веет,
Лепестками тая на губах»* (Там же. 251).

Так как в познание включается и социум, то романтическая любовь, по мысли автора, связана с осмыслением личного опыта, в её содержание вводится борьба за овладение любимой:

*«От любви не требует поруки,
С нею знают радость и беду».
«Ты моя» сказать лишь могут руки,
Что срывали чёрную чадру»* (Там же. 251).

Возникший в заключительной строфе текста мотив «чёрной чадры» в последующих стихотворениях Есенина развивается в тему раскрепощения восточной женщины, которой противопоставлено ее решение на родине лирического героя.

Третье стихотворение раздела – «Шаганэ ты моя, Шаганэ...» написано Есениным в Батуми 19 декабря 1924 г. после его знакомства с армянской учительницей Шаганэ Нерсесовной Тальян-Тертерян (Белоусов 1968. 35).

По жанру это лирическое стихотворение с кольцевой композицией, в котором размышления лирического героя обращены к Шаганэ. Несмотря на отсутствие диалогических реплик, это ответы лирического героя на вопросы Шаганэ, эксплицитно не представленные в тексте, но возникающие в нашем сознании. На эти вопросы лирический герой отвечает: «Я готов рассказать тебе...». Образ любимой девушки лирического героя обретает реальные черты

прототипа (Белоусов 1965, 1968; Устименко 2018). Есенинская Шаганэ умна и серьезна, и в то же время радостна и весела: «Дорогая, шути, улыбайся...». Она близкий восточный друг лирического героя, с которым он делится сокровенными мыслями и чувствами. Её образ конкретен ещё и потому, что на неё «страшно похожа девушка, которая живёт «там, на севере».

Оба они: и лирический герой, и персиянка Шаганэ оказываются включенными в социогеографические понятия, которые символизируют их родину. Уровни любви: социальный, нравственный, философский, эстетический – обретают свою полноту в образах большой и малой родины лирического героя. Тема родины и любви органически сливаются в ткани текста. Параллельно с мотивом севера – символом России, и малой родины лирического героя – «рязанских раздолий» развивается и мотив родины персиянки Шаганэ – Ширазе. Изначально оба мира противопоставляются друг другу, как и сами персонажи. Повтор «Потому что я с севера, что ли?» очень ёмок по мысли, объемлющей всю книгу стихов «Персидские мотивы». Он выражает мысль о единстве человека и природы, породившей его. Ощущая свое неразрывное единство с родиной: «Эти волосы взял я у ржи...», «Про волнистую рожь при луне по кудрям ты моим догадайся... », лирический герой с болью осознаёт, что для Шаганэ – это чужой мир. Он просит: «Не буди только память во мне // Про волнистую рожь при луне». Этот мотив, соединяя родину лирического героя (...я с севера... там...) с девушкой-северянкой (там, на севере...), получает свое завершение в заключительной строфе текста: «Может, думает обо мне...». Переключка повторов «память во мне...» и «может, думает обо мне...» обнажает внутреннее движение лирического героя к этому персонажу. Но девушка «там» страшно похожа на девушку-персиянку «здесь» в красивом Ширазе. Обе девушки объединяются в душе лирического героя в образ любимой, как объединяются и разные миры, представителями которых они являются. Раздумья лирического героя, связанные с

воспоминаниями о родине и девушке на севере, выраженные вводным словом «может»... и многоточием (может, думает обо мне...), прерываются новым обращением к Шаганэ, которое выражает надежду лирического героя на ответное чувство и взаимопонимание. Изначальное противопоставление во внутреннем мире лирического героя снимается интимным обращением к любимой, которым открывается и заканчивается стихотворение. Сближение России и Востока неотвратимо, но полного слияния на уровне синтеза двух культур нет.

Противопоставление Россия – Персия у Есенина происходит на диалектическом уровне – единство и борьба противоположностей, вследствие чего эти два мира имеют, с одной стороны, тенденцию к сближению и взаимообогащению в теме любви, а с другой – сохранению своей неповторимости при отталкивании. Лирический герой предстает перед нами путником и философом, учеником древних мудрецов, который преследует цель припасть к родникам восточной мудрости и поэзии, чтобы найти ответы на волнующие его вопросы современности, разобраться в себе и в мире. Найдя точки сопряжения Персии и России в теме любви и противопоставив их на социальном уровне (мотив «чёрной чадры»), Есенин обнаруживает необходимость расширить внутренний мир лирического героя, способного вобрать в себя основные темы Востока, разработанные персидской классической литературой.

Второй раздел книги «Персидские мотивы» посвящен поискам смыслов Бытия, любви к родине и женщине, высокой миссии поэта. Есенинская Персия - это страна Корана: «Магомет перехитрил в Коране...» (Есенин 1995. I. 267) и арабских сказок: «Где жила и пела Шахразада...» (Там же. 261), экзотических восточных номинаций: Гассан, Шахразада, Лала, пери; топонимов: Босфор, Ефрат, Шираз, Багдат, Хороссан; традиционных народных представлений, аналогий. Но особое значение в есенинской книге имеют имена древних

восточных лириков, которые воспевали в своей поэзии общечеловеческие ценности. Уже в стихотворении первого раздела «Шаганэ ты моя, Шаганэ» возникает образ Ширази, известный нам по письму Есенина к Г.А. Бениславской от 8 апреля 1925 г. из Баку: «Поймите и Вы, что я еду учиться. Я хочу проехать даже в Шираз и, думаю, проеду обязательно. Там ведь родились все лучшие персидские лирики» (Есенин 1999. 6. 209).

В шестом стихотворении этот образ ассоциируется с темой восточной поэзии: строка «Лунным светом Шираз осиянен...» появляется вслед за упоминанием о песнях Омара Хайяма. В двенадцатом стихотворении строка «Если перс слагает плохо песнь, // Значит он вовек не из Ширази» переключается со строкой из уже цитированного выше есенинского письма к Г. Бениславской: «И недаром мусульмане говорят: если он не поёт, значит, он не из Шушу, если он не пишет, значит, он не из Ширази» (Там же. 209 - 210). Воспринятое в соотнесенности с тем, что известно об отношении Есенина к персидским лирикам и их поэтической родине, слово «Шираз» – ключевое в есенинской разработке темы поэта и его назначения в поэзии. Имена Саади, Хайяма, Фирдоуси несут важную смысловую нагрузку, символизируя «голубую да веселую страну», наполняя собой мир Персии и внутренний мир русского поэта.

Даже целую женщину, лирический герой Есенина, ревнует ее не к реальному сопернику, а к средневековому восточному поэту: «Ты сказала, что Саади целовал лишь только в грудь...». Просьба лирического героя к возлюбленной спеть ему также связана с творчеством древнего поэта-философа: «Спой мне песню, моя дорогая, // Ту, которую пел Хаям» (Есенин 1995. I. 257). И для выражения ощущения душевного покоя, счастья разделённой любви и красоты мира русский поэт не находит лучшего сравнения, чем «Нежность, как песни Саади» (Там же. 259). А символ реально-романтической Персии у Есенина связан с именем всемирно известного

восточного эпика: «Голубая родина Фирдуси» (Там же. 265). В основании диалога, который ведется Есениным с Саади или с Хайямом, лежит уважительное понимание мира восточных поэтов, и лишь после этого устанавливается сходство или различие в их мировосприятии.

Стихотворением «Ты сказала, что Саади...» открывается второй раздел «Персидских мотивов», в котором впервые звучит мотив восточной поэзии как одной из главных тем книги. В нём лирический герой подчеркнuto полемически противопоставляет свой взгляд на мир, отстаивает право на иные этические нормы: «И не мучь меня заветом, // У меня заветов нет» (Там же. 254). «Заветов нет» не только в любви, но и в проявлении воли, отваги, в выборе пути. В качестве нравственной категории это утверждение проецируется на весь русский мир. И даже великий Саади, прославленный певец любви, не может служить эталоном для русского поэта. Лирический герой Есенина выдвигает свои нравственные ценности, обосновывая свое право на это принадлежностью к поэтическому цеху: «Коль родился я поэтом, // То целуюсь, как поэт» (Там же. 254).

Обращения лирического героя к красавице-персиянке чаще всего передают стремление поэта обрести душевный покой, отдохнуть, забыться: «Я давно ищу в судьбе покоя»; «Наклонись своим красивым станом // На коленях дай мне отдохнуть»; «Заглуши в душе тоску тальянки...» (Там же. 256). В пятом стихотворении «Никогда я не был на Босфоре...» параллельно с мотивом лирического героя, темой его судьбы, звучит и мотив его романтической мечты, которая предстаёт как «поиск удела желанного»: «Я сюда приехал не от скуки, // Ты меня, незримая, звала...» (Там же. 256). Поиски воплощения романтической мечты о счастливом уделе поэта приводят его к восточной поэтической действительности, творческому осмыслению её идеала. Лирический герой мечтает о том, чтобы любовь напоила его «дыханьем свежих чар» (Там же. 256), так необходимых ему не только для преодоления

душевных ран, нанесенных судьбой на родине, но и для воспевания вечной красоты жизни - житнетворчества: «Я сюда приехал не от скуки – / Ты мня, незримая, звала» (Там же. 256).

Эта мысль пронизывает и стихотворение «Свет шафранного края, // Тихо розы бегут по полям». На фоне романтической природы Востока, воспетой некогда Хаямом: «Лунным светом Шираз осянен // Кружит звезд мотыльковый рой...», Есенин воссоздает свой неповторимый национальный колорит восточного мира. Уже во второй строфе идиллическое начало текста противопоставляется реальной действительности, которая контрастирует с красотой «шафранного края» и « песней Хаяма»: «Мне не нравится, что персияне // Держат женщин и дев под чадрой» (Там же. 257). Поэтическая песня Хаяма (она звучит из уст любимой в сопровождении лунного света и аромата роз), воплощая прекрасное, вместе с тем, не выражает всю полноту чувств лирического героя. Потому и возникает у русского поэта потребность спеть то, «что сроду не пел Хаям...», выразить свое социокультурное кредо: «Дорогая, с чадрой не дружись, // Заучи эту заповедь вкратце, // Ведь и так коротка наша жизнь, // Мало счастьем дано любоваться» (Там же. 258). Повтор строк о Хаяме первого пятистишия, с измененным двустипением в заключительной строфе стихотворения: «Я спою тебе сам, дорогая, // То, что сроду не пел Хаям...» (Там же. 258), наполняет есенинский текст новым содержанием, вводит нас в мир современного Есенину Востока, которому ещё предстоит решить актуальные социальные проблемы.

Однако, несмотря на различия мировосприятия есенинского лирического героя со средневековым персидским поэтом, их объединяет мудрость жизненного опыта, радости бытия, красота вечно обновляющейся природы, ощущение скоротечности жизни человека на земле:

<p><i>«Ведь и так коротка наша жизнь, Мало счастьем дано любоваться»</i> (Есенин 1995, 1. 258).</p> <p><i>«Жить – так жить, любить – так уж влюбляться. В лунном золоте целуйся и гуляй»</i> (Есенин (Там же. 262).</p>	<p><i>«Жизнь – мираж. Тем не менее Радостный будь. В страсти и опьянении Радостным будь. Ты мгновение жил – И тебя уже нету. Но хотя бы мгновение – радостным будь»</i> (Хайям Омар, 1980, 58).</p>
---	---

Красота понимается лирическим героем Есенина как вечно обновляющееся бытие.

В стихотворении «Воздух прозрачный и синий...» нет ссылок на Россию, на русский мир. Воссоздается романтический восточный мир, в котором «воздух прозрачный и синий», цветы напоминают чащи, а луговые цветы – сад:

*«Выйду в цветочные чащи,
Лугом пройдёшь, как садом,
Садом в цветенье диком...»* (Там же. 259).

Следует обратить внимание на то, что образы Пути и Путника появляются в есенинском поэтическом мире не столько в пространстве и времени, сколько во внутреннем мире лирического героя, в мире его собственного познания. В этом мире Востока нет «ни тревог, ни потери». И любовь – часть этого гармоничного мира природы: «Вмиг отразится во взгляде // Месяца жёлтая прелесть...». Этот мир – подлинный идеал «всех, кто в пути устали». В стихотворении «Золото холодное луны...» поэт с самого начала вводит нас в атмосферу чарующей красоты «голубой страны», которая вселяет в душу чувство безмятежного покоя и блаженства. Однако в последних строках

стихотворения звучит его протест против мертвенно-спокойной жизни. На фоне сказочного мира Шахразады развивается мотив жизни и смерти, забвения. По убеждению Есенина, смерть побеждается жизнотворчеством, когда она уподоблена либо цветущему саду, либо песне, которая остается на века. В избрании жизненного пути представляется свобода выбора. Об этом пела Шахразада и «вторично скажет листьев медь», то есть сама есенинская поэзия. Все остальные вызывают лишь чувство сострадания: «Тех, которым ничего не надо, // Только можно в мире пожалеть» (Там же. 262).

В созданный идеальный восточный мир Есенин вводит противоречия реального Востока. В сюжет книги «Персидские мотивы» входят темы измены любимой, типичной для восточной поэзии, прощание лирического героя с цветущим садом Персии, его возврата к реальным поэтическим ценностям. Начиная с девятого стихотворения «В Хороссане есть такие двери...» драматизации подвергается тема любви:

*«У меня в руках довольно силы,
В волосах есть золото и медь.
Голос пери нежный и красивый.
У меня в руках довольно силы,
Но дверей не смог я отпереть»* (Там же. 263).

Она находит свой кульминационный момент в стихотворении «Отчего луна так светит тускло...». В его основе не столько измена любимой, сколько её неспособность понять «песни» лирического героя, той душевной боли и муки, которые необходимы поэту, чтобы выстрадать новый идеал. Эта несовершенство человеческих чувств заставляет страдать и природу, которая созвучна внутреннему миру лирического героя, страдает ему. Однако лирический герой, хотя и соотносит измену Шаганэ с мотивом изменившей ему мечты, но по-восточному философски мудро реагирует на происходящее.

Он светло принимает жизнь, благодарный за ее преходящие радости: «Но и все ж вовек благословенны // На земле сиреневые ночи» (Там же. 272).

Тема поэта, будучи сквозной на протяжении всей книги, получает свое завершение в одиннадцатом – тринадцатом стихотворениях второго раздела. В стихотворении «Быть поэтом – это значит то же...» Есенин, отталкиваясь от поэзии Хайяма, развивает мысль о том, что страдания поэта являются следствием того, что он не может нарушить «правды жизни» с помощью романтической фантазии. Этот пафос творца реализуется в «Персидских мотивах» с присущей Есенину человечностью и лиризмом. Отдаленность его поэтической мечты от реальной жизни порождает сомнения поэта в том, что он на правильном пути в поисках своего идеала:

*«В Хороссане есть такие двери,
Где обсыпан розами порог.
Там живёт задумчивая пери.
В Хороссане есть такие двери,
Но открыть те двери я не смог»* (Там же. 263).

Если раньше тоска по родине не вызывала у лирического героя желания покинуть этот сказочный край, то теперь мысль о возвращении на родину становится основной:

*«Мне пора обратно ехать в Русь.
Персия! Тебя ли покидаю?
Навсегда ль с тобою расстанусь
Из любви к родимому мне краю?»* (Там же. 264).

Не найдя воплощения своего идеала в реальном окружающем его мире, лирический герой думает о возвращении на родину. Тема Востока завершается вместе с завершением темы прощания лирического героя с Персией в стихотворении «Голубая родина Фирдуси...»:

*«Хороша ты, Персия, я знаю.
Розы, как светильники, горят
И опять мне о далеком крае
Свежестью упругой говорят»* (Там же. 265).

Однако теперь, при прощании с Персией, Восток предстает в его судьбе не только как романтическая мечта, но и как песня... Если в стихотворениях первого раздела, сближение и обогащение России – Персии идёт на уровне творческой любви, то при прощании с «голубой родиной Фирдуси» на первый план выступает взаимообогащение двух миров песней, поэтическим творчеством:

*Но тебя я разве позабуду?
И в моей скитальческой судьбе
Близкому и дальнему мне люду
Буду говорить я о тебе,
И тебя навеки не забуду»* (Там же. 266).

Лирический герой верит, что оставляет «голубой и ласковой стране» песню о своей родине – «песенку про Русь». В свою очередь, воспоминания о русском поэте для персиянки будут связаны с его далекой родиной, которые в трудный для нее час – «на случай угрюмый» будут целительными: «Запевая, обо мне подумай, // И тебе я в песне отзовусь... » (Там же.266).

Всматриваясь, вживаясь в созданный им мир Персии, Есенин открывает для себя двойственность и своей России. С одной стороны, – реальная родина, сотрясаемая социальными катаклизмами, декларирующая обновление национальной жизни и необходимость ее перестройки на благо человека, с другой, - Есенин полагает, что для национальной жизни России, важно сохранить ту вечную устремленность к духовному идеалу, которая

ассоциируется у него с образом «голубой Руси». Оптимистическая окраска заключительного стихотворения второго раздела внушает надежду, что поэт найдёт выход из создавшегося противоречия, а вместе с ним и творческий переход от идеального мира – к реальным Востоку и России.

В 14-ом стихотворении «Глупое сердце, не бейся» обнаженное «глупое сердце» лирического героя мечется в поисках счастья, то впадая в отчаяние: «Все мы обмануты счастьем...» (Там же. 273), то окрыляясь надеждой: «Жизнь не совсем обманула...» (Там же. 274). «Удел желанный», найденный поэтом в образе романтического Востока, воспринимается им теперь как единичное обретение истины и счастья. Сам путь – бесконечен. Лирический герой приходит к осознанию тщетности своих дальнейших поисков: «Только удел желанный // Больше искать не буду» (Там же. 273). Однако прорыв к «иным мирам» уже совершен, веха будущего расцвета человеческой жизни и России поставлена. Потому так мудро и светло звучат в устах лирического героя последние строки стихотворения. В них утверждается надежда на торжество чувства вечно обновляющейся песни любви, носителем которой является и сам поэт:

*«Может, и нас отметит
Рок, что течет лавиной,
И на любовь ответит
Песнею соловьиной.
Глупое сердце, не бейся»* (Там же. 274).

Отметим, что в песне нет упоминания о Шаганэ. Она отходит в сад роз, которые «склоняются и гнутся», но не улыбаются «всем сердцем».

В заключительном стихотворении «Голубая да веселая страна», которое входит в *третий раздел книги*, сведены нити многих тем, перекликающихся с проблематикой древних лириков. На его важность для понимания

мировосприятия поэта указывалось в есениноведении: «Предположение, что Есенин, сохранив в цикле 15 стихотворений, рассматривал его как своеобразный венок сонетов, заставляет нас искать ключ к нему в последнем «сонете» – так называемом магистрале» (Марченко 1989. 207). Есенин творчески наследовал в нём эстетический опыт художников слова Востока, который стал средой для развития характера лирического героя «Персидских мотивов», есенинского носителя песни о любви. В этом стихотворении получает художественное завершение идея органического развития двух национальных культур, вехи которой были поставлены поэтом на социальном, нравственном, эстетическом и философском уровнях. В этом тексте Есенин синтезирует идею «голубой Руси» и восточной «весёлой страны».

Росток будущей органической жизни Есенин видит в ребенке – розе, природном цветке, внутренняя жизнь которого находится в единстве с миром природы. Слиянность жизни и мечты о любви в ребенке (стихотворение посвящено дочери П.И. Чагина - Розе, называвшей себя Гелией по имени одной из актрис), – роднит её с поэтом, способном на творческое пересоздание действительности. Диалектика развития нового чувства любви начинается с природной чистоты и поэтического видения детства, воплощенном в есенинском произведении: «Дорогая Гелия, прости // Много роз бывает на пути // Много роз склоняется и гнётся...». Нарастающий драматизм разрешается поэтом в светлой гармоничной мелодии песни о любви: «Но одна лишь сердцем улыбнётся» (Есенин 1995. 1. 275). В следующей строфе диалектически соединяются и разъединяются мир реальности и мечты, России и Персии. Философский смысл основного пафоса третьего раздела, как и всей книги С.А. Есенина «Персидские мотивы» - в поэтическом утверждении песни о любви в вечно обновляющемся бытии: «Улыбнёмся вместе, ты и я, / За такие милые края» (Там же. 276). Разъединенность есенинского лирического героя и Гелии в реальной действительности не исключает оптимистическую надежду

поэта на их взаимообогащение в будущем как двух великих и вечных миров, хотя он и осознает, что путь к постижению этого идеала развития народной жизни трагичен: «Честь моя за песню продана...»; «Пусть вся жизнь моя за песню продана...» (Там же, 267).

Заключение

Таким образом, анализ книги «Персидские мотивы», позволяет сделать вывод о том, что в ней Сергей Есенин выражает идею рождения нового человека, глубоко связанного с социумом, ментальностью и культурой своей страны. Его лирический герой приходит к осознанию необходимости будущего национального развития через духовное взаимообогащение России и Востока. Он возвращается в Россию с искренней верой в то, что «жизнь не совсем обманула. Новой напьёмся силой». В душе его теплится надежда на то, что на родной земле тех, кто прошел долгий путь исканий, ждут взаимопонимание, новые творческие прозрения и на любовь ответят «песнею соловьиной».

Литература

- 1- Есенин С.А. (1995). *Полное собрание сочинений*. В 7-ми томах. Т. 1. Стихотворения. Подготовка текста и коммент. А.А. Козловского. М., Изд-во «Наука» - «Голос».
- 2- Есенин С.А. (1999); *Полное собрание сочинений*. В 7-ми томах. Т. 6. Письма. Составление и общая редакция С.И. Субботина. Подгот. текстов и текстологич. Коммент. Е.А.Самоделовой и С.И. Субботина. Реальный коммент. А.Н.Захарова, С.П.Кошечкина, С.С.Куняева, Г. Маквея, Ю.А.Паркаева, Ю.Л. Прокушева, Т.К. Савченко, М.В. Скороходова, С.И. Суботина, Н.И. Шубниковой-Гусевой, Н.Г. Юсова. Указатели М.В. Скороходова и Е.А. Самоделовой. М., Изд-во «Наука», «Голос».
- 3- Белоусов В.Г. (1965). *Сергей Есенин*. М., Изд-во «Знание».
- 4- Белоусов В.Г. (1968). *Персидские мотивы*. М., Изд-во «Знание».
- 5- Марченко А.М. (1989). *Поэтический мир Есенина*. М., Изд-во «Советский писатель».

- 6- Саади Мушрифаддин. (1957). *Гулистан (Розовый сад)*. М., Изд-во «Государственное издательство художественной литературы».
- 7- Устименко Н.М. (2003) *Изучение творчества Есенина в иностранной аудитории. / Сергей Есенин и русская школа: Книга материалов международной научно-практической конференции*. Рязань, Изд-во «Пресса». – С. 347–352.
- 8- Устименко В.В., Устименко Н.М. (2003). *Диалогический контекст в книге стихов С.А. Есенина «Персидские мотивы»*. / Литература в диалоге культур: Материалы международной научной конференции (Ростов-на-Дону, 18-21 октября 2003). Ростов-на-Дону. Изд-во «Ростовский госуниверситет». – С. 120–126.
- 9- Устименко Н.М. (2018) *Из дневниковых записей, посвященных Ш.Н. Тальян-Тертерян (г. Тбилиси, 1978 г.) / Сергей Есенин. Личность. Творчество. Эпоха. Ч. III / Сб. науч. трудов / Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН. Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, Государственный музей-заповедник С.А. Есенина 2018. 640 с. Сер. «Есенин в XXI веке». Вып. 6. С. 513-525.*
- 10- Хайям Омар (1980). *Рубаи*. Ташкент, Изд-во «Литературы и искусства».

Bibliography

- 1- Esenin S.A. (1995). *Polnoe sobranie sochinenij*. V 7-mi tomah. T. 1. Stihotvorenija. Podgotovka teksta i komment. A.A. Kozlovskogo. M., Izd-vo «Nauka» - «Golos».
- 2- Esenin S.A. (1999); *Polnoe sobranie sochinenij*. V 7-mi tomah. T. 6. Pis'ma. Sostavlenie i obshhaja redakcija S.I. Subbotina. Podgot. tekstov i tekstologich. Komment. E.A.Samodelovoj i S.I. Subbotina. Real'nyj komment. A.N.Zaharova, S.P.Koshechkina, S.S.Kunjaeva, G. Makveja, Ju.A.Parkaeva, Ju.L. Prokusheva, T.K. Savchenko, M.V. Skorohodova, S.I. Subotina, N.I. Shubnikovoj-Gusevoj, N.G. Jusova. Ukazateli M.V. Skorohodova i E.A. Samodelovoj. M., Izd-vo «Nauka», «Golos».
- 3- Belousov V.G. (1965). *Sergej Esenin*. M., Izd-vo «Znanie».
- 4- Belousov V.G. (1968). *Persidskie motivy*. M., Izd-vo «Znanie».
- 5- Marchenko A.M. (1989). *Pojeticheskij mir Esenina*. M., Izd-vo «Sovetskij pisatel'».
- 6- Saadi Mushrifaddin. (1957). *Gulistan (Rozovyj sad)*. M., Izd-vo «Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury».
- 7- Ustimenko N.M. (2003) *Izuchenie tvorchestva Esenina v inostrannoju auditorii. / Sergej Esenin i russkaja shkola: Kniga materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii*. Rjazan', Izd-vo «Pressa». – S. 347–352.

- 8- Ustimenko V.V., Ustimenko N.M. (2003). *Dialogicheskij kontekst v knige stihov S.A. Esenina «Persidskie motivy»*. / Literatura v dialoge kul'tur: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Rostov-na-Donu, 18-21 oktjabrja 2003). Rostov-na-Donu. Izd-vo «Rostovskij gosuniversitet». – S. 120–126.
- 9- Ustimenko N.M. (2018) *Iz dnevnikovyh zapisej, posvjashhennyh Sh.N. Tal'jan-Terterjan (g. Tbilisi, 1978 g.)* / Sergej Esenin. Lichnost'. Tvorchestvo. Jepoha. Ch. III / Sb. nauch. trudov / Institut mirovoj literatury imeni A.M. Gor'kogo RAN. Rjazanskij gosudarstvennyj universitet imeni S.A. Esenina, Gosudarstvennyj muzej-zapovednik S.A. Esenina 2018. 640 s. Ser. «Esenin v HHI veke». Vyp. 6. S. 513-525.
- 10- Hajjam Omar (1980). *Rubai*. Tashkent, Izd-vo «Literatury i iskusstva».

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Ustimenko, N. (2019). The Protagonist's Search for the "Desired Lot" in the "Persian Motives"; Poetic Cycle by S.A. Yesenin. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 13, 173-191.

DOI: 10.29252/iarll.13.173

URL: <http://journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/51>

Features of Teaching Russian to Students from the Republic of Angola

Fedulova Ekaterina Gennadyevna¹

Assistant Professor, The Military training and research center of the Army
«Combined arms Academy of the Armed Forces of the Russian Federation»,
Moscow, Russia.

(date of receiving: February, 2018; date of acceptance: November, 2018)

Abstract

The article deals with the problematic issues of teaching Russian to students from the Republic of Angola. In particular, attention is drawn to the study of the topic of Russian prepositions. The author of the article conducts a comparative analysis of the meaning of prepositions «in/to» and «through/across» in Portuguese and Russian languages, highlighting their similarities and differences in speech. Among the reasons that cause difficulties in the perception of this topic, the author, among other things, points to extra-linguistic factors: national languages, place and method of resettlement of students, their social affiliation, cultural and linguistic features, and language picture of the world, worldview, culturally conditioned contacts, and the prevalence of the language. The presence of the above factors predetermines the teaching methods of this group of students. The article also discusses the impact of globalism on students and on the process of learning the Russian language. The features of syncretic cultures, the reasons of their origin and realization in modern cultural space of the world are noted.

Keywords: Spatial Prepositions, Value Preposition, Pronoun, Article; the Genetic Memory of the People; Globalism.

---

1. E-mail: ekate-fedulova@yandex.ru

Особенности преподавания русского языка студентам из Республики Ангола

Федулова Екатерина Геннадьевна¹

Старший преподаватель, Военный учебно-научный центр сухопутных войск
«Общевойсковая академия Вооруженных Сил Российской Федерации»,
Москва, Россия.

(дата получения: февраль 2018 г.; дата принятия: ноябрь 2018 г.)

Аннотация

В статье рассматриваются проблемные вопросы преподавания русского языка студентам из Республики Анголы. В частности, обращается внимание на изучение темы русских предлогов. Автор статьи проводит сравнительный анализ значений предлогов «в» и «через» в португальском и русском языках, выделяя их сходство и различие в речи. Среди причин, обуславливающих трудности в восприятии данной темы, автор, в том числе, указывает экстралингвистические факторы: национальные языки, место и способ расселения обучающихся, их социальная принадлежность, культурно-языковые особенности, языковая картина мира, мировоззрение, культурно обусловленные контакты, распространенность языка. Наличие вышеуказанных факторов предопределяет и методику обучения данной группы студентов / слушателей. Также рассматриваются вопросы влияния глобализма как на обучающихся, так и на сам процесс обучения русскому языку. Отмечаются особенности синкретических культур, исторические причины их возникновения и реализация в современном культурном пространстве мира.

Ключевые слова: Пространственный Предлог, Значение Предлога, Местоимение, Артикль; Генетическая Память Народа; Глобализм.

---

1. E-mail: ekate-fedulova@yandex.ru

Введение

Проблемы преподавания русского языка, как и любого другого, иностранным обучающимся связано с рядом трудностей, важнейшие из которых – различное мировоззрение и языковые картины мира (Федулова 2017. 549).

«Ну почему латиноамериканцы не могут научиться приходить вовремя?!», или «Почему тайцы не могут научиться кипятить воду, которую используют для приготовления ледяных кубиков?». Ответ же прост: их учили тому, что соответствовало их культуре», – очень точно замечает небезызвестный Эдуард Холл, основывавшийся в своих исследованиях взаимосвязи языка и культуры на работе «Язык, мысль и реальность» (1956) Бенджамина Ли Уорфа, продолжавшего идеи Франца Боаса.

Основная часть

Это ответ на вопрос, который зачастую можно слышать от преподавателей: «Ну почему меня не понимают? Неужели я плохо объясняю?» или «Скорее всего, мы имеем дело с учеником, мало интересующимся русским языком, нет мотивации к обучению» и пр. В данном случае и вопрос, и ответ являются неверными.

Причиной этому является тот факт, что лингвоориентированное обучение русскому языку, которое, казалось бы, является данностью, на сегодняшний день становится все более забытым. Каковы же причины этого?

1. Современная система обучения русскому языку иностранцев, которая не предполагает учёт национальных особенностей обучающихся. Доказательством чему являются разнонациональные группы, наполняемость которых в гражданских вузах достигает 20–30 человек.

2. Неверное (недостаточное) понимание страноведческой компетенции преподавателем (Пассов 2015. 52).

3. Разделение понятий «национальные особенности» и «мировоззрение». В данном случае учитываются лишь общие вопросы поведения обучающихся без относительности к языковым явлениям и их восприятию.

На сегодняшний день игнорировать глобализационные процессы не представляется возможным, но к чему это приведет и как отразится на процессе обучения русскому языку иностранцев – остается большим вопросом. Очевидно, что старые системы и принципы, на которые мы зачастую опираемся в аудитории, должны коренным образом пересматриваться. Так, понять иностранца, зная лишь, что один из них возьмет что-либо «только правой рукой, так как левая считается нечистой», а другой – «обеими руками, с почтительным поклоном, уважительно рассматривая», – уже недостаточно.

Действительно, обращаясь к той или иной теме (в частности, грамматическому явлению), преподавателю РКИ необходимо учитывать не только методику работы с ней, но ряд других аспектов:

- 1) психологические особенности конкретного обучающегося (правополушарный/левополушарный);
- 2) мировоззрение, восприятие окружающей действительности, отличительные особенности национального характера и др., что будет накладывать отпечаток и на восприятие грамматических явлений в языке;
- 3) синкретизм культур, возникший от наложения национальной и колониальной культур;
- 4) процесс глобализации (даже на уровне терминов и понятий).

При этом не стоит забывать, еще об одном важном факте: «Недопонимание [преподавателем] того, что готовность воспринимать чужое (чуждое!) не является естественным свойством человека. Наоборот, человеку свойственна ксенофобия» (Пассов 2015. 52). Большой частью иностранные обучающиеся не

готовы, к восприятию чуждой культуры (и даже не желают ее воспринимать). При этом в военном вузе ситуация усугубляется дефицитом часов и, как следствие, невозможностью включать в процесс обучения адаптивные курсы.

Обратимся, на первый взгляд, к несложной теме пространственных предлогов в русском языке (*в, через*).

Если говорить о проблеме изучения предлогов иностранными обучающимися, то она традиционно вызывает большие сложности. Так, К.У. Байшашева подчеркивает, что трудности вызывает вся тема в целом: «Наличие проблем в употреблении предлогов было еще раз подтверждено в процессе работы с нерусскоязычными студентами. Они указывают на существование трудностей, причем называют проблему употребления русских предлогов одной из сложных задач, которую им приходится решать при овладении грамматическим строем русского языка. Практические грамматики излагают эту тему неполно и используют обычно в качестве обучающего приема типовые модели словосочетаний. Это требует от обучающихся механического запоминания текстовых оборотов, в которых предлог выражает разные отношения. При такой подаче материала остается нераскрытым инвариант значения предлога, его знаковая функция. Недостаточность, а порой и полное отсутствие объяснений значений предлогов затрудняет усвоение и овладение грамматикой. Можно сделать квалификацию ошибок по следующим критериям: 1) их типичность; 2) их природа;

- а) интерференция родного языка;
- б) лингвистическая некомпетентность;
- в) плохое чувство языка.

Проблема чувства языка является одной из самых сложных задач в процессе обучения русскому языку» (Байшашева, 2013).

Действительно, лингвистическая некомпетентность – острая проблема сегодняшних студентов. Многие из них плохо знают грамматику родного

языка, не говоря уже об ассоциативных связях с другими языками. Им не с чем сравнивать грамматику. Зачастую студенты говорят, что изучая русскую грамматику, они более глубоко начинают понимать родной язык, что само по себе имеет явную лингвистическую ценность.

Чувство языка – это особое свойство, и полагать, что оно должно быть присуще каждому обучающемуся, не верно. В этом случае согласиться с автором статьи трудно. Как и музыкальный слух его нельзя развить упорными упражнениями. Если бы все обучающиеся обладали подобным свойством, то преподавателю русского языка как иностранного было бы работать весьма легко.

Относительно того, что «практические грамматики излагают тему предлогов неполно и используют обычно в качестве обучающего приема типовые модели словосочетаний» – опять-таки нельзя сказать, что это не верный подход, как полагает К. Бейшашева. Зачастую в силу определенных способностей / особенностей студентов подобный подход является единственно верным, равно как и механическое запоминание предлога в разных отношениях. Когда преподаватель в аудитории пускается в пространные объяснения того или иного вопроса студента (при этом, очень часто сам не владея подлинной информацией о семантике искомой лексемы), не всегда приводит к нужному методическому результату. В этом случае необходимо четко ранжировать учебный материал урока, не допуская двусмысленности примеров, при этом учитывая их функционально-стилистическую принадлежность. Скорее можно сказать, что достаточно пространные объяснения значений предлогов затрудняют усвоение и овладение грамматикой.

Говоря о португалоязычных студентах, отметим, что большое количество предлогов осложняется еще и тем, что они часто комбинируются (скорее сливаются) с артиклями. Предлоги португальского языка также могут

сливаться с местоимениями, в том числе указательными (*este, esta, isto, esse, essa, isso*), и даже с некоторыми наречиями (Федулова 2017. 550).

В этом отношении можно говорить о «явлении полифункциональности предлога в системе португальского языка» (Гренадерова, 2005). «Предлог – это особый лексико-грамматический класс слов в системе функционально-семантических полей португальского языка, как на уровне словосочетания, так и на уровне предложения. Реализуя отношения между разными лексико-грамматическими классами слов, сам предлог приобретает дополнительную семантику» (Гренадерова, 2005).

Проблемы возникают и в процессе слияния предлогов с артиклями и местоимениями. Некоторые лингвисты указывают на грамматическое явление «кразис» (португ. *crase* – стяжение). Кразис – грамматическое явление, а ассенту-граве – это ударение, которое ставится над буквой *a* при этом слиянии. Кразис играет важную роль в португальском языке, так как подчёркивает, что перед нами не только артикль или местоимение, но и предлог. Явление перехода из одной части речи в другую существует и в русском языке, однако оно не касается исконных простых производных предлогов.

Интересно, что это явление лучше осваивается изучающими португальский язык, чем самими носителями. Кразис играет важную роль в португальском языке, так как подчёркивает, что перед нами не только артикль или местоимение, но и предлог. Интересен факт, что в Бразилии вопросы на данное грамматическое явление включены в обязательный минимум для приёма на работу.

Явление перехода из одной части речи в другую существует и в русском языке, однако оно не касается исконных простых производных предлогов.

Так, предлог *a* (*в* – русск. яз.) имеет значения в португальском языке:

- 1) в направлении (куда?) – *Vou a Portugal*.

При этом учитывается время поездки, её продолжительность (что не рассматривается в русском языке). Так, предлог *a* в значении направления используется, если речь идет о **недолгой поездке** (еду на пару недель в Португалию), либо о **походе куда-то ненадолго** (зайду к ней домой на пару часов), в то время как предлог *para* в смысле направления означает переезд (уезжаю в Португалию навсегда (или надолго)), либо поход куда-то, где вы задержитесь надолго (иду домой (с работы), иду в школу (чтобы пробыть там весь день)).

- 2) расстояние до определённого места – *A duas quadras da casa*;
3) интервал, период – *De 200 a 300 unidades*; в этом случае предлог выполняет функцию артикля;
4) место направления, положения – *Entrar na sala* (войти в комнату);
5) вступать – *Engressar no partido* (вступать в партию);
6) контакт с чем-л. – *O vento sopra na cara* (ветер дует в лицо)
7) завернуть во что-л. – *Embrulhar meu jornal* (завернуть в газету);
8) время – *A uma hora da tarde* (я проснулся в час дня);
9) количество – *Bagagem de cem quilos* (багаж весом 100 кг);
10) призыв к чему-л., вовлечение в деятельность – *Convocar para o exército* (призвать в армию);
11) приходиться в состояние – *Chegar o desespero* (прийти в отчаяние);
12) быть примером – *Tomar como exemplo* (взять в пример);
13) рисунок – *Camisa de riscas / Camisa listada* (рубашка в полоску);
14) место жительства – *Vivo em Moscovo* (я живу в Москве);
15) дистанция – *A dois passos* (в двух шагах);
16) время рождения, дата – *Em Dezembro faz frio* (в декабре холодно);
17) быть одетым во что-то – *Mulher de branco* (женщина в белом).

В каждом случае используется соответствующий предлог либо вовсе не употребляется, подчеркивая тем самым, что в португальском языке указание на пространство в этом случае не имеет место быть.

В русском языке употребляется для обозначения:

- 1) места, направления, нахождения (*Положить что-л. в стол; Уехать в Санкт-Петербург; Подать заявление в университет; Учиться в университете*);
- 2) область деятельности, состояние кого-н. (*Весь день в работе; Впасть в сомнение*);
- 3) состояние, форма, вид чего-н. (*Сахар в кусках*);
- 4) внешний вид, оболочка, одежда (*Завернуть в бумагу; Конфеты в обёртке; Одеться в шубу*);
- 5) количество каких-л. единиц (*Комедия в трёх актах; Отряд в сто человек*);
- 6) момент времени (*В прошлом году; В один день*);
- 7) соотношение чисел (*В три раза меньше*);
- 8) ради, для, в качестве чего (*Сделать что-н. в насмешку; Не в обиду будет сказано*);
- 9) семейное сходство с кем-л. (*Весь в отца*);
- 10) расстояние от чего-н.; временной отрезок (*В двух шагах от дома; В пяти минутах езды*);
- 11) обозначение предметов, лиц, явлений, по отношению к которым что-н. происходит, наблюдается (*Недостаток в образовании; Знать в предмете; Разбираться в людях; Разница в годах*);
- 12) обозначение субъекта, носителя состояния (*В человеке живёт уверенность; В душе радость*).

Таким образом, португальский язык имеет больший объем значений предлога *в*. В ряде случаев предлог переходит в функцию артикля.

Предлог *por cima de* (*через* – русск. яз.) также не совпадает в значениях с русским предлогом *через* и в разных случаях предполагает разные варианты предлогов – *o, a, atraves, por meio, rassados* и пр.

Таким образом, анализ словарных статей в толковых словарях русского и португальского языков свидетельствует, что в португальском языке значений предлогов *в* и *через* гораздо больше, чем русском (Ожегов, Шведова 2010. 49; 807). Это объясняется синкретизмом в культуре обучающихся из Республики Ангола национальных культур и португальской, что усложняет усвоение русского языка, при обучении которому преподаватели, как правило, обращаются к моделям индоевропейских языков, не всегда понятных студентам.

Показателен пример в группе обучающихся из Анголы, которые не могли понять что предложения «Машина проехала через лес» и «Машина переехала через мост» имеют разное значение предлога ЧЕРЕЗ.

Зная перевод слов, входящих в состав данных синтаксических конструкций, слушатели выбрали в словаре значение предлога ЧЕРЕЗ – *por cima* (например, *через реку*) для обоих случаев, а не *através*.

Почему же это происходит? Ответ очевиден. В данном случае мы сталкиваемся с осознанием действительности, обусловленным традиционным национальным представлением об окружающем мире. Так, в африканской культуре отношение к пространству особое, отличное от европейского. Его особенностью является то, что его ограничивает только дом, а все, что за его пределами – это уже бесконечность. При этом традиционный африканский интерьер жилища предполагает черный пол и белые стены, символизирующие расширение пространства. Таким образом, жилище – это ограниченное пространство, все, что вне его – не имеет границ. Следовательно, и любое препятствие может быть легко преодолимо – «в значении *через* – *поверху*».

По этой же причине обучающиеся не могли обнаружить видимые препятствия для выполнения боевой задачи бригады – реку, которую необходимо было форсировать в целях уничтожения бригадных резервов противника и высоту, на которой располагалась артиллерийская батарея.

Учитывая национальные особенности восприятия пространства, отметим, что на территории Анголы проживает большое количество племен и народностей, имеющих собственные представления о пространстве. Объединяющий фактор – их проживание в условиях пустынной местности, где река является непреодолимым препятствием. Его совершенно не нужно пересекать. Так, стоянка для племени устанавливается таким образом, что забор, огораживающий ее, не будет ставиться со стороны реки, которая защитит от непрошенных гостей и опасности (Вагнер; Шнейдерова, 1987. 15).

Как и у многих древних народов Европы, река у жителей Африки ассоциируется с вечностью, которая напоминает о том, что человеческая жизнь при этом имеет свой очевидный конец. Об этом свидетельствует и песенная культура, и живопись. Порой река даже становится музыкальным инструментом (Корочанцев 1987. 237).

Трудности в обучении языку слушателей из Анголы объясняются и переводом с русского языка на португальский, который не является португальским как таковым, потому что существуют его разновидности – в Португалии, Бразилии и Анголе. Это касается и военной терминологии (например, «винтовка» – rifle (бразил.) / fuzil (ангол.), становится предпочтительнее в армии Бразилии, как дань английскому варианту термина. При этом на каждый из вариантов португальского языка оказывают влияние национальные особенности – латиноамериканские или африканские.

Студенты из Анголы, хотя и являются носителями португальского языка, который они изучают с рождения, но фактически они относятся к различным национальным группам, проживающим на их исторической территории.

Известно, что Анголу населяют, по крайней мере, три этнические группы: овимбунду, северные мбунду, конго, кроме них также проживают бантуязычные народности: лунда, чокве, гангела, няньека-умбе, овамбо, гереро и шиндонга. Примечателен факт (по данным нашего опроса, проводимого в группах студентов из анголы), что лучше русским языком овладевают те, кто знает не только португальский и испанский языки, но и национальные банту-языки, в особенности, няньека и овамбо. Те же, кто проживает в районах португалоговорящих жителей и не владеет банту-наречиями, испытывают значительные трудности как не приспособленные к быстрой языковой смене.

Каждый житель Анголы, безусловно, несёт в себе отпечаток генетической языковой памяти, присущей каждому народу по-своему. Даже будучи носителем португальского языка, он будет не только осознавать действительность в соответствии с традиционным, исконным мировоззрением, но и порождать на подсознательном уровне речевые акты, опираясь на него (Федулова 2004. 194). Так, С.Д. Кацнельсон указывал: «Можно утверждать, что в каждом процессе речевой деятельности чередуются акты синтеза и анализа порождаемых структур» (Кацнельсон 1972. 126).

Весьма актуальны в этом случае труды лингвиста Г.П. Мельникова, «посвящённые всем аспектам и уровням языка (фонологии, морфологии, синтаксису, лексической и грамматической семантике)». Им были исследованы «вопросы общего и частного языкознания на материале языков разных типов и семей – индоевропейских, урало-алтайских, семитских, банту, китайско-тибетских». Он «исходил из понимания, что инкорпорирующие языки образуются на основе коммуникативных потребностей малых коллективов охотников-собирателей; агглютинативные языки, со своей стороны, присущи для коллективов животноводов-кочевников, общение между которыми часто прерывалось из-за выпаса скота на летних пастбищах;

флективные языки, характерные для осёдлых коллективов земледельцев, для которых очень важна высокая помехоустойчивость языка, изолирующие языки свойственны для неоднородных языковых коллективов, для которых наиболее важно лёгкое поддержание текущих контактов» (Синячкина, Тодорова. 2017. 533).

Учитывая, что на территории Анголы языки банту значительно распространены, то несомненно, что генетическая языковая память будет довлеть над современными представителями этой страны. Животноводы-кочевники, как указывал Г.П. Мельников не открыты к общению с другими племенами, но скорее его теряют по причине частой смены обитания. Река для них будет являться не объектом для преодоления, но местом для расположения стоянки / лагеря. Таким образом, и историческое место проживания, и национальный язык объясняют проблемы восприятия пространства современным студентом. «Гений места» порождает не только человека, но и его язык.

Также, говоря о понимании пространства в целом, следует учитывать, что эта категория весьма важна для каждой языковой картины мира и в каждом случае она индивидуальна. Вопросы взаимосвязи пространства и языка неоднократно становились предметом исследования. Хотелось бы привести цитату из книги А. де Сент-Экзюпери «Полет в Аррас», где он размышляет о роли языка в оформлении пространственных представлений: «Что такое расстояние? Я знаю, что значение пространства для человека можно подсчитать, взвесить и измерить. Истинное пространство – не забота глаза. Пространство дано лишь духу. Его ценность может лишь определить язык, потому что лишь язык связывает вещи воедино». (цит. по: Фаст 1995. 275).

Аналогичные взгляды разделял и Эдуард Сепир, наставник и учитель Уорфа. Он писал: «Совершенно иллюзорно полагать, что человек приспособляется к действительности без помощи языка и что язык лишь

является случайным средством в решении особых проблем связи и мышления. Дело в том, что так называемый «реальный мир» в значительной степени является результатом языковых привычек того или иного сообщества людей» (цит. по: Фаст 1995. 275).

Недооценивать данную тему нельзя, потому что, опять-таки, как свидетельствует Э. Холл, «Наши трудности в понимании чужих представлений о пространстве неизмеримо возрастают, когда мы вступаем в контакт с народами незападных культур» (Фаст 1995. 293).

Ещё одним важным фактором являются и современные политические процессы, влияющие на процесс обучения языку. В последнее время в обществе наблюдается странная закономерность. При, казалось бы, набирающем обороты процессе глобализации и общего единения культур, напротив все активнее становятся голоса не об объединении, а об отделении, скорее изоляции одного народа (национальности) от другой, и как следствие его национальной культуры, традиций и религии. Порой голоса об изоляции национальной идентичности столь сильны, что перерастают в национализм и ксенофобию по отношению к иным культурам. Уже сегодня становится очевидным факт, что глобализация – процесс чуждый социуму, так как в противовес ей запустился механизм разрушения именно этих социальных связей, которые с большими трудностями формировались несколько последних десятилетий.

Если 20-10 лет назад обучающиеся с радостью включались в процесс изучения иной культуры, однако нынешние ученики не только не желают познавать ее, но и категорически не приемлют. Это касается в первую очередь иностранных студентов из Эфиопии, Марокко, Индии, Вьетнама, Кореи. Их нежелание принимать русские традиции, кухню и др. переходит и в отказ от восприятия языка, его скорее психологическое невосприятие, чем неспособность к обучению. Среди факторов, способствующих формированию

подобных настроений, можно выделить идеологические, политические и, безусловно, особую роль средств массовой информации (Федулова 2017. 549).

В странах бывшего социалистического лагеря, а порой и в бывших союзных республиках, набирает обороты негативное отношение к России, скорее не как к старшему брату, но недругу. Все чаще случаи прибывающих в Россию иностранцев, которые не могут адаптироваться к новой для них среде.

Какие меры может принимать преподаватель для обеспечения более качественного процесса преподавания русского языка иностранным студентам? Безусловно, это:

- внимательное отношение к обучающимся;
- индивидуальный подход к каждому студенту, несмотря на дефицит учебного времени, в порой и нежелания преподавателя обучать;
- компетентность преподавателя, достаточный опыт работы с разными уровнями подготовки студентов и разными национальностями;
- знание национальных, психологических и пр. особенностей обучающихся.

Всё особенности и трудности обучающегося преподавателю необходимо фиксировать в диагностической карте студента, чтобы не только составить психологический портрет, но и спрогнозировать дальнейшее его обучение, индивидуализировав тем самым процесс языковой подготовки. Диагностическую карту следует вести с начального этапа обучения до его окончания, чтобы контролировать, отслеживать динамику успехов / неудач обучающегося и формировать его индивидуальные задания и методику обучения.

Вот примерные вопросы, которые следует отразить в диагностической карте:

1. Фамилия, имя. Если имеется перевод имени и фамилии обучающегося, то желательно это указать.
2. Место рождения (область страны, район, город).

3. Нынешнее место проживания. Возможно, место рождения совпадает с местом проживания на данный момент.
4. Религиозная принадлежность.
5. Семейное положение (жена, дети, родители).
6. Уровень образования (посещение религиозной / светской школы, среднее или высшее образование).
7. Знание иностранных языков.
8. Знание национальных языков.
9. Интересы, хобби, пристрастия.
10. Желание изучать иностранные языки.
11. Культурные пристрастия (знакомство с культурными ценностями родной страны и других народов).
12. Желание познавать иные культуры. Способность жить в другой стране.
13. Терпимость к иным культурам (религиям).
14. Предпочтительные виды спорта (активные / неактивные).
15. Дружеские связи в коллективе. С кем общается обучающийся, легко ли он заводит знакомство со студентами из других стран.
16. Участие в общественно-культурных мероприятиях вуза. Нравится / не нравится.

Сведения фиксирует сам преподаватель:

1. Уровень владения русским языком на различных этапах обучения.
2. Типичные ошибки во всех видах речевой деятельности (чтении, говорении, письме, аудировании). Их динамика роста или спада.
3. Предполагаемые причины ошибок.
4. Уровень выполнения контрольных, проверочных работ.
5. Подготовка и сдача зачетов и экзаменов. Анализ ошибок во всех видах речевой деятельности.
6. Общая оценка успеваемости.

7. Физиологические особенности обучающегося (проблемы речевого аппарата, вероятные травмы, врождённые заболевания и пр.).
8. Психологический тип обучающегося, характер (холерик, сангвиник, флегматик и др.).

В зависимости от контингента обучающихся, их индивидуальных особенностей преподаватель может варьировать вопросы диагностической карты, добавляя их по своему усмотрению или, наоборот, исключая. Преподаватель должен быть готов к ситуации, когда обучающийся не желает отвечать на вопросы диагностической карты. В этом случае не следует принуждать студента, так как это может вызвать недоверие к преподавателю и нарушит процесс взаимопонимания и личного пространства ученика. Все, что оказывает давление – неприемлемо в аудитории. Без радости учения нет должного результата.

Вероятно, подобная работа может показаться преподавателю рутинной, однако только в тщательном анализе и фиксации подобного рода фактов возможен результат обучения.

Заключение

В настоящее время мы все чаще сталкиваемся с процессом глобализации, проникающим и в процесс обучения. Вследствие этого, мы приходим к выводу, что процесс упрощения обучения, его минимизация (а в сегодняшнем понимании – оптимизация учебного процесса) – не приводит к улучшению его качества и уж тем более не способствует истинному пониманию другой культуры. Поэтому в последнее время мы все чаще склоняемся в аудитории к объяснению культуры скорее через фольклорные традиции, игнорируя понятие «диалог культур», и при этом не учитываем в определенных случаях не только синкретичность культурного мировоззрения ученика, но и синкретичность его языковой картины мира, которая обусловлена определенным историческим, но не вновь приобретенным билингвизмом.

Литература

- 1- Байшашева К.У. (2013). *Проблемы в употреблении предлогов нерусскоязычной аудиторией*, URL: http://www.rusnauka.com/35_NOBG_2013/Philologia/7_151889.doc.htm.
- 2- Вагнер Й., Шнейдерова Н. (1987). *Царь зверей не лев*, Братислава, Изд-во «Обзор».
- 3- Гренадерова О.Л. (2005). *Полифункциональность предлога: на материале португальского языка*, Москва, автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук.
- 4- Кацнельсон С.Д. (1972). *Типология языка и речевое мышление*, Ленинград, Изд-во «Наука».
- 5- Корочанцев В.А. (1987), *Бой тамтамов будит мечту*, Москва, Изд-во «Мысль».
- 6- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. (2008). *Толковый словарь русского языка*, Москва, Изд-во «ИТИ Технологии».
- 7- Пассов Е.И. (2015). *Методика как наука будущего*, Санкт-Петербург, Изд-во «Златоуст».
- 8- *Русско-португальский учебный словарь* (1978). Москва, Изд-во «Русский язык».
- 9- Синячкина Н.Л., Тодорова И.Д. (2017). *О некоторых объяснительных возможностях системной лингвистики для преподавания русского языка*, Москва, Изд-во РУДН.
- 10- Фаст Д. (1995). *Язык тела. Как понять иностранца без слов* / Э. Холл. Москва, Изд-во «Вече».
- 11- Федулова Е.Г. (2017). *Лингвоориентированное обучение как важнейший компонент методики преподавания русского языка иностранцам*, Москва, Изд-во РУДН.
- 12- Федулова Е.Г. (2004). *О некоторых способах выражения главного члена в структуре безличного предложения*, Москва, Изд-во МГОУ.

Bibliography

- 1- Bajshasheva K.U. (2013). *Problemy v upotreblenii predlogov nerusskojazychnoj auditoriej*, URL: http://www.rusnauka.com/35_NOBG_2013/Philologia/7_151889.doc.htm.
- 2- Vagner J., Shnejderova N. (1987). *Car' zverej ne lev*, Bratislava, Izd-vo «Obzor».

- 3- Grenaderova O.L. (2005). *Polifunkcional'nost' predloga: na materiale portugal'skogo jazyka*, Moskva, avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk.
- 4- Kacnel'son S.D. (1972). *Tipologija jazyka i rechevoe myshlenie*, Leningrad, Izd-vo «Nauka».
- 5- Korochancev V.A. (1987), *Boj tamtamov budit mechtu*, Moskva, Izd-vo «Mysl'».
- 6- Ozhegov S.I., Shvedova N.Ju. (2008). *Tolkovyy slovar' russkogo jazyka*, Moskva, Izd-vo «ITI Tehnologii».
- 7- Passov E.I. (2015). *Metodika kak nauka budushhego*, Sankt-Peterburg, Izd-vo «Zlatoust».
- 8- *Russko-portugal'skij uchebnyj slovar'* (1978). Moskva, Izd-vo «Russkij jazyk».
- 9- Sinjachkina N.L., Todorova I.D. (2017). *O nekotoryh ob#jasnitel'nyh vozmozhnostjakh sistemnoj lingvistiki dlja prepodavaniya russkogo jazyka*, Moskva, Izd-vo RUDN.
- 10- Fast D. (1995). *Jazyk tela. Kak ponjat' inostranca bez slov / Je. Holl*. Moskva, Izd-vo «Veche».
- 11- Fedulova E.G. (2017). *Lingvoorientirovanoe obuchenie kak vazhnejshij komponent metodiki prepodavaniya russkogo jazyka inostrancam*, Moskva, Izd-vo RUDN.
- 12- Fedulova E.G. (2004). *O nekotoryh sposobah vyrazhenija glavnogo chlena v strukture bezlichnogo predlozhenija*, Moskva, Izd-vo MGOU.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Fedulova, E. (2019). Features of Teaching Russian to Students from the Republic of Angola. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literaturny*, 13, 193-211.

DOI: 10.29252/iarll.13.193

URL: <http://journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/52>

Similar Word-Formation Ways of Nouns in Russian and Persian Languages

Hemmatzadeh Shahram¹

Assistant Professor, Department of Russian and Slavic Languages and Literatures,
Shahid Beheshti University,
Tehran, Iran.

(date of receiving: May, 2018; date of acceptance: October, 2018)

Abstract

This article is devoted to the study of similar word-formation ways of nouns in Russian and Persian languages. In both languages, there are different ways of word-building, by which of them some new words are formed, but not all of them can be used in the formation of nouns. There are some extra-linguistic and intra-linguistic objectives to distinguish nouns from other types of words. The distinctive features of noun as a type of words are related to the features of the naming process leading to nouns, and to the role of nouns in the sentence. One of the difficult moments in the study of the Russian language by Iranian students is the correct understanding of word formation in the Russian language and their equivalent versions or examples in Persian. In this article, different and similar ways of noun formation in Russian and Persian languages are analyzed, and also an attempt has also been made to reveal new lexical and grammatical meanings, to analyze the word-forming function of new nouns.

Keywords: Word-Formation, Part of Speech, Noun, Existent, Producing Base, Derivative Word, Grammatical Meaning.

---

1. E-mail: sh_hematzadeh@sbu.ac.ir

Соотносимые способы словообразования имен существительных в русском и персидском языках

Хеммат-заде Шахрам¹

Преподаватель, кафедра русского языка и литературы и славянских языков,
Университет им. Шахида Бехешти,
Тегеран, Иран.

(дата получения: май 2018 г.; дата принятия: октябрь 2018 г.)

Аннотация

Статья посвящена изучению соотносимых способов образования имен существительных в русском и персидском языках. В обоих языках существуют разные способы словообразования, с помощью которых образуются новые слова. Но не все они могут употребляться при образовании имен существительных. Существуют объективные основания, как внеязыковые, так и внутриязыковые, для отличия имен от слов других типов. Отличительные черты имени как типа слов связаны с особенностями процесса наименования, приводящего к именам, и с ролью имен в предложении. Одним из трудных моментов при изучении русского языка иранскими учащимися является правильное понимание словообразования в русском языке и их равнозначные варианты или примеры в персидском языке. В данной статье анализируются разные соотносимые средства и способы образования имен существительных в русском и персидском языках. Также сделана попытка выявить новые лексические и грамматические значения, проанализировать словообразовательную функцию новых имен существительных.

Ключевые слова: Словообразование, Часть Речи, Имя Существительное, Производящая Основа, Производное Слово, Грамматическое Значение.

---

1. E-mail: sh_hematzadeh@sbu.ac.ir

Введение

Наиболее общими и необходимыми категориями в грамматике каждого языка являются части речи. С выяснения вопроса о частях речи начинается грамматическое описание любого языка. Говоря о частях речи, имеют в виду грамматическую группировку лексических единиц языка, то есть выделение в лексике языка определенных групп или разрядов, характеризуемых теми или иными признаками (Маслов 1997. 155)

Существительное – это самостоятельная часть речи, обозначающая предмет и выражающая общекатегориальное значение предметности в частных грамматических категориях одушевленности / неодушевленности, рода, числа и падежа. Существительными обозначаются предметы речи и мысли, то есть самостоятельно существующие субстантивации, обладающие определенными процессуальными и непроцессуальными признаками. Это значит, что словами с грамматическим значением предметности обозначаются не только конкретные предметы окружающей действительности (*дом, стол*), их совокупности (*листва, джунгли*) или составные части (*ветка, стебель*), но и живые существа (*птица, человек, Пётр*), а также действия и состояния в отвлечении от их производителей (*бег, отдых*), свойства и количества в отвлечении от их носителей (*белизна, сотня*). (Клобуков 2013. 433)

Основная часть

В данной работе мы изучаем способы словообразования имен существительных, поэтому считаем необходимым ввести этот термин. П. Лекант при изложении этого термина отмечает: «Словообразование в лингвистике употребляется в двух значениях: как название процесса образования новых слов в языке и как названия раздела языкознания, изучающего словообразовательную систему языка» (Лекант 2004. 158) Но надо иметь в виду, что изучение словообразовательной системы языка можно проводить в двух принципиально различных аспектах: синхронном и

историческом, или диахроническом. Е. Земская отмечает: «В первом случае язык изучается как определенным образом организованная система средств человеческого общения, действующая в тот или иной период времени. Задача такого изучения – описать устройство языка, вскрыть механизм его действия. При синхронном изучении не ставится вопрос о том, почему именно так сложился язык, какие изменения в предшествующие периоды привели к современному состоянию. Цель диахронического языкознания – изучение языка как продукта исторического развития, исследование изменений, происходящих в системе языка на протяжении того или иного отрезка времени (Земская 2011. 5).

Следующим важным термином для нас является «словообразовательное значение». Установив семантические отношения между производящими и производными, можно определить словообразовательное значение слов данного типа. Словообразовательное значение занимает промежуточное положение между лексическим и грамматическим значениями слова. Словообразовательное значение, в отличие от лексического является не индивидуальным значением отдельного слова, а присуще ряду слов, в котором оно имеет специальное общее средство выражения. В отличие от грамматического словообразовательное значение свойство лишь некоторых слов какой-то части речи (Лекант 2004. 168). Словообразовательное значение выражает тождество значений в одном словообразовательном ряду, каждый член словообразовательного ряда передает одинаковое словообразовательное значение.

В настоящей работе, рассматривая способы словообразования имен существительных в русском языке, мы поставили перед собой цель изучить параллельно их соотносимые варианты в персидском языке на основе анализа собранных нами примеров. Новизной этого исследования является изучение словообразовательных способов имен существительных с помощью анализа соотносимых вариантов в обоих рассмотренных языках. Был проведен

сравнительный анализ русских словообразовательных конструкций с персидскими соотносимыми вариантами.

В русском языке существует четыре способа образования новых слов: морфологический, лексико-синтаксический, лексико-семантический и морфолого-синтаксический способы словообразования (Там же. 170). В образовании существительных в современном русском языке используются все способы словообразования (Там же. 178). Наиболее продуктивным способом словообразования существительных является морфологический, а внутри него суффиксальный. С помощью многочисленных суффиксов существительные образуются от основ различных частей речи: имен существительных, имен прилагательных, глаголов, реже – наречий (Там же). В персидском языке употребляются такие же средства для образования новых слов. К таким способам словообразования относится образование существительных от основ различных частей речи: прилагательных, глаголов. При этом по сравнению со словообразованием других частей речи число суффиксов существительных самое большое.

Итак, рассматривая все вышеуказанные способы в русском языке, параллельно рассматриваются их соотносимые варианты и возможности в персидском языке.

В результате морфологического словообразования возникают новые в фонетико-морфологическом отношении слова, но из основ, аффиксов, уже существующих в языке. В морфологическом словообразовании современного русского языка выделяются такие его разновидности, как аффиксация, безаффиксное словообразование, сложение, усечение производящей основы, обратное словообразование (Там же. 171).

Аффиксация (فراینداشتقاق یا وندافزایی) – самый продуктивный вид морфологического словообразования в современном русском языке – это образование новых слов присоединением к производящей основе

(производящему слову) тех или иных словообразовательных аффиксов (Там же). В зависимости от того, какие аффиксы участвуют в образовании новых слов, различаются следующие виды аффиксального образования:

Суффиксальный способ словообразования (или суффиксация / پسوندافزایی) – это образование новых слов присоединением к производящей основе суффиксов (Там же.). Этим способом словообразования производятся существительные от основ различных частей речи: имен существительных, прилагательных, глаголов и реже наречий.

Отприлагательные синтаксические дериваты имеют значение отвлеченного признака и образуются с помощью суффиксов:

-ость: глупый > глупость, веселый > веселость;

-от(а): добрый > доброта, прямой > прямота;

-ин(а): тихий > тишина;

-изн(а): белый > белизна, голубой > голубизна.

От основ имен прилагательных производятся наименования лиц, живых существ и предметов со значением носитель признака, названного производящей основой. При этом используется суффиксация:

'ак: пошлый > пошл'-як, бедный > бедн'-як, толстый > толст'-як;

-ец: скупой > скупец, слепой > слепец, глупый > глупец;

'ик: умный > умн'-ик, рыжий > рыж-ик, черновой > чернов'-ик;

'атин(а): кислый > кисл'-атина, тухлый > тухл'-атина;

'аг(а): веселый > весел'-ага, скромный > скромн'-ага;

'уг(а): хитрый > хитр'-уга, жадный > жадн'-уга.

Существительные, образованные от глагольных основ, имеют общее словообразовательное значение «носитель процессуального признака» или «отвлеченного процессуального признака». Отглагольные синтаксические дериваты имеют значение отвлеченного действия и образуются с помощью суффиксов.

-ниj(e): рисовать > рисование, петь > пение;

-к(a): носить > носка, разрезать > разрезка;

-ш: отгонять > отгонишь, перелететь > перелетишь;

-б(a): косить > косьба, молотить > молотьба.

Для существительных, производимых от основ глаголов, характерны такие значения производных:

1) Существительные, обозначающие производитель действия, названного производящей основой. Такие производные могут быть именами лиц и именами орудий, инструментов (*ср. врун – человек и колун – предмет, исполнитель – человек и выключатель – прибор, разведчик – человек и передатчик – механизм*). Для производства существительных со значением производитель действия используются суффиксы:

-тель со значением «носитель процессуального признака». Существительные с суффиксом -тель называют лицо или предмет, производящий действие или предназначенный для осуществления действия, названного производящим словом: мечтать > мечтатель, исполнить > исполнитель, выпрямить > выпрямитель, выключить > выключатель;

-чик/-щик: возить > возчик, придумать > придум-щик, бомбардировать > бомбардиров-щик, корректировать > корректиров-щик;

-ец: бороться > борец, творить > творец;

-л(a) – со значением лица, -л(o) – со значением орудия: обирать > обирала, зубрить > зубрила, объедать > объедала, опивать > опивала, заводить > заводила; пугать > пугало, скрести > скребло, кадить > кадило;

-ун: врать > врун, прыгать > прыгун, бегать > бегун, колоть > колун;

-ш(a): заикаться > заикша, задирать(ся) > задирша.

Инструментальное (орудийное) значение имеют существительные с суффиксом *-лк(a)*: *веять > веялка, сеять > сеялка, прочищать > прочищалка, сбивать > сбивалка.*

2) Существительные со значением место, где совершается действие, названное производящей основой, производятся с помощью суффиксов:

-льн(я): *читать* > *читальня*, *раздевать* > *раздевальня*, *спать* > *спальня*;

-лк(а): *читать* > *читалка*, *раздевать* > *раздевалка*, *сушить* > *сушилка*, *гладить* > *гладилка*;

-ищ(е): *учить* > *училище*, *вместить* > *вместилище*, *лежать* > *лежбище*, *стрелять* > *стрельбище*.

Производные от основ имен существительных суффиксальным способом образуются названия лиц по профессии, виду деятельности, месту жительства. Например названия лиц мужского пола по профессии, виду деятельности образуются посредством продуктивных суффиксов *-щик*, *-чик*, *-(н)ик*, *-ец*, *-ист*: *летать* > *летчик*, *полярный* > *полярник*, *гребу* > *гребец*, *трактор* > *тракторист*, а названия лиц женского пола по профессии, виду деятельности образуются от соответствующих существительных – названий лиц мужского пола присоединением суффиксов *-щиц(а)*, *-чиц(а)*, *-(н)иц(а)*, *-к(а)* и др.: *продавец* > *продавищица*, *учитель* > *учительница*, *артист* > *артистка* (Там же. 178). Такие названия образуются и на базе словосочетаний посредством «сжатия» словосочетания в слово и присоединения суффикса: *работник текстильной промышленности* > *текстильщик*, *специалист по взрывным работам* > *взрывник* (Там же. 179). И так существительные с суффиксом *-ник* имеют то же общее значение, что и суффикс *-тель*. Следовательно, суффикс *-ник* имеет следующие значения: «носитель процессуального признака» и «предмет, предназначенный для осуществления действия».

В русском языке другую группу составляют существительные, образованные от прилагательных. Они также имеют две разновидности, существительные со словообразовательным значением «носитель признака» и существительные со значением «отвлеченного признака». Существительные со значением «носитель признака» образуются в основном с помощью

суффикса *-ик-*, (*-ник-*): *умный* > *умник* и со значением «отвлеченного признака» с помощью суффиксов *-ость*, *-от(а)*, или суффиксы, обозначающие уменьшительное или ласкательное значение. Такие образования характерны для разговорной речи: *молодой* > *молодость*; *добрый* > *доброта*; *красивый* > *красота*.

Суффиксальным способом и в персидском языке образуются новые существительные. Персидский язык обладает большим количеством аффиксов. Л. Пейсиков насчитал около 80 словообразовательных аффиксов, которые представляют собой структурно простые, морфологически неделимые суффиксы и префиксы: *ی*, *چى*, *انه*, *دان*, *هم*, *به*, *هم*, *و* и др. (Пейсиков 1973. 66). Кроме того, в персидском языке используются еще аффиксальные блоки, которые функционируют как простые неделимые элементы и присоединяются непосредственно к производящим основам: *صوفيگری*, *منشيگری*. Цельность аффиксальных блоков подтверждается тем, что в персидском языке отсутствуют слова *صوفيگر*, *منشيگر*, которые могли бы подтвердить образование отмеченных выше слов не в результате прибавления блочного аффикса, а путем прибавления суффикса *ی*. (Рубинчик 2001. 141)

К числу наиболее продуктивных суффиксов имен существительных относятся:

قهрман + ی < قهرمانی
 گوی + ش < گویش
 نمک + دان < نمکدان
 دژ + بان < دژبان
 آهن + گر < آهنگر
 معدن + چی < معدنچی
 خر + یت < خریت
 نشر + یه < نشریه
 تاک + استان < تاکستان

Следует отметить, что не все суффиксы могут соединиться к производящей основе, так как существуют лексические, морфологические, синтаксические, фонетические и употребительные ограничения. Например, суффикс «ستان» присоединяется к существительным и образует существительные, которые имеют значения места и пространства:

کودک +ستان < کودکستان
گل +ستان < گلستان

Но с точки зрения лексикологии этот суффикс не может соединиться к существительным со значением времени. Например, в персидском языке не существуют слова

روز +ستان < روزستان
سال +ستان < سالستان

Хотя в персидском языке есть слова بهارستان и شبستان, но, вдумываясь в значения этих существительных, отмечается, что они указывают не на время, а на место (за исключением можно указать на تابستان и زمستان, в которых наблюдается процесс опрощения, в силу чего суффикс не выделяется, и основа превратилась в непроизводную).

Следующим видом аффиксального образования является префиксальный способ словообразования (или префиксация/پیشوندافزایی). Это образование новых слов присоединением к производящей основе префиксов. Этот способ менее продуктивный, чем суффиксация: *проводник* > *сверхпроводник*, *урожай* > *неурожай*, *порядчик* > *субпорядчик* (Лекант 2004. 179). Префиксальным способом в персидском языке образуются новые слова, в том числе и новые имена существительные, например:

بر +نامه < برنامه
هم +کار < همکار

Существительные образуются префиксально-суффиксальным способом и, главным образом, на базе сочетаний существительного с предлогом, который в

производном существительном превращается в приставку: *при море* > *приморье*, *без ветра* > *безветрие* (Лекант 2004. 180). Этим способом в персидском языке образуются новые слова. Префиксы используются для образования имен прилагательных, но некоторые из них и употребляются для образования имен существительных:

بی+کار+ی < بیکاری

Сложение (فرایند ترکیب) является другим видом морфологического словообразования. Это способ образования новых слов соединением двух или более основ либо слов. В зависимости от того, что объединяется при образовании новой лексической единицы, различают словосложение и основосложение. При словосложении образуются составные слова: *выставка-продажа*, *диван-кровать*.

В персидском языке в результате этого словообразовательного акта образуется сложное слово, представляющее собой бинарное (иногда трехчленное или многочленное) объединение лексических основ, каждая из которых чаще всего является свободно употребляемым в языке словом (Рубинчик 2001. 158):

کتاب+خانه < کتابخانه

مار+ماهی < مارماهی

شتر+مرغ < شترمرغ

شب+نم < شبنم

چهارشنبه+سوری < چهارشنبهسوری

При основосложении образуются сложные слитные слова. Могут соединяться полные и сокращенные основы. Полные основы, как правило, соединяются посредством интерфиков *o*, *e*: чернозём, сталевар, земледелие. При основосложении в персидском языке с помощью двух или более производящих слов или аффиксов и при необходимости посредством интерфиксов, образуется новое производное слово. Пейсиков отмечает: "в

образовании сложных имен часто используются интерфиксы, предназначенные для соединения лексических морфем". Он, называя их связанными морфемами, подчеркивает, что они не обладают каким-либо категориальным значением и выполняют лишь функцию "пустой" связки (Пейсиков 1973. 16). Например:

گیر+و+دار < گیرودار
 رفت+و+آمد < رفت و آمد
 پخت+و+پز < پخت و پز
 رنگ+و+رنگ < رنگارنگ
 گیر+و+دار < گیرودار
 پی+در+پی < پی در پی
 خر+و+خر < خرتوخر

При изучении слов, образованных этим способом отмечается, что многие из этих слов имели изофетную конструкцию, которая в течение длительных употреблений утрачена:

چراغ+و+قرمز < چراغقرمز
 چادر+و+نماز < چادرنماز

Среди таких слов, существуют слова, в которых изофетная конструкция утрачена и одновременно менялся порядок определяемого и определяющего слов или основ:

آب+و+گل < گلاب
 مزد+و+دست < دستمزد

Сокращенные основы соединяются без посредства интерфикса. В результате сложения сокращенных основ (سرواژه سازی), входящих в состав словосочетания, образуются сложносокращенное слово (аббревиатура), имеющее то же значение, что и исходное словосочетание. В современном русском языке аббревиатуры характеризуют только словообразование существительных:

BBC > *военно-воздушная сила*

главный врач > *главврач*

специальный корреспондент > *спецкор*

ООН > *организация объединенных наций*

Сокращения в персидском языке чаще всего употребляются для названия организаций или учреждений, которые имеют длинные названия и приходится фиксировать это название на ограниченном или небольшом месте, в том числе на номерах автомобилей и т.д.:

نیروی انتظامی جمهوری اسلامی ایران < ناجا
تولید و انتقال نیرو < توانیر
آموزش زبان فارسی < آزفا

Усечение производящей основы (فرايند اختصارسازی), как один из способов морфологического словообразования, действует только среди существительных. Базой для образования новых слов могут служить существительные или устойчивые словосочетания субстантивного типа. Образованные существительные имеют то же лексическое значение, что и производящее слово или словосочетание (Лекант 2004. 174):

заведующий > *зав*

Волго-Балтийский канал > *Волго-Балт*

Этот способ является одним из основных способов сокращения длинных слов в персидском языке, с целью экономии в говорении или написании:

ج < جلد
ش م ه < شیمیایی، میکروبی، هسته ای
ت ت ت < تاکسی تلفنی تهران

Как уже говорилось, среди морфологических способов словообразования в русском языке существует обратное словообразование (واژه‌سازی برعکس), *доярка* > *дояр*.

Разберем слова *дояр* и *доярка*, *зонт* и *зонттик*. При изучении этих слов с точки зрения синхронного словообразования мы должны сопоставить между

собой эти слова по форме и по смыслу и поставить их в ряды слов, содержащих одну и ту же основу и один и тот же аффикс. Получим:

1) *дояр*: *доярка* = *артист*: *артистка* = *студент*: *студентка* и т.п.

2) *зонт*: *зонтик* = *дом*: *домик* = *стол*: *столик* и т.п.

Очевидно, что в обеих группах слов вторые члены каждой пары являются производными, так как они сложнее и по форме (к производящей основе добавлены суффиксы -к(а), -ик), и по смыслу: их смысл содержит семантическую добавку – лицо женского пола (1), маленький (2). С точки зрения исторического словообразования отношения между вышеназванными парами слов иные. Слово *дояр* более позднее по времени, оно произведено от *доярка* в те времена, когда доение коров в коллективных хозяйствах перестало быть профессией только женщин. Слово *зонтик* является более ранним, чем *зонт*. Оно произведено от голландского *Zonnedek*. Элемент *-ик* в составе этого слова стал восприниматься как суффикс уменьшительности (ср.: *столик*, *мячик*, *коврик*, *носик*) (Земская 2011. 7). Таким способом в персидском языке не образуются новые слова.

Следующим способом морфологического словообразования является безаффиксное словообразование (واژه‌سازی بیوندى). Этот способ, лишенный словообразовательных элементов, наименее распространен. Он применяется только при образовании имен существительных от некоторых глаголов и имен прилагательных. При этом основа имени прилагательного, от которого образуется существительное, подвергается изменению (меняется конечный согласный, место ударений), а основа глагола обычно не изменяется: *зелёный* > *зелень*, *сухой* > *сушь*, *глубокий* > *глубь*, *тихий* > *тишь*, *записать* > *запись*, *бегать* > *бег*, *заливать* > *залив*, *выходить* > *выход*.

Безаффиксное словообразование по модели "глагол > существительное" является весьма продуктивным в персидском языке. По этой модели образуются отглагольные имена от основ настоящего и прошедшего времени

простых, префиксальных и сложных глаголов. При реализации этой модели обе основы утрачивают парадигматические свойства глагольной системы и включаются в парадигму имени существительного. Наибольшее количество отглагольных существительных образуется от основ прошедшего времени (Рубинчик 2001. 166):

خواستن < خواست (требование)

خریدن < خرید (покупка)

شناختن < شناخت (признание)

Надо отметить, что количества слов, образованных от основ настоящего времени глаголов, невелико:

افتادن < افتاد (падение)

گذشتن < گذر (проход)

Также необходимо обратить внимание на способ редупликация (فرایند تکرار): повторение, удвоение корня или целого слова как способ образования слов, грамматических форм, фразеологических единиц. Этот способ внутрисловного удвоения своеобразно используется в современном русском языке и активно использовался в предшествующие периоды его развития. Помимо СЛОВНЫХ удвоений типа *белый-белый*, *ходишь-ходишь*, в русском языке на протяжении всего его исторического развития в словообразовательных подсистемах разных частей речи функционируют разнообразные модели с нанизыванием одних и тех же или, чаще, синонимических деривационных аффиксов. Удвоения реляционных аффиксов единично представлены в современном русском языке и его истории и обусловлены, очевидно, либо фонетическими процессами на стыке корневой и флективной морфем, затемняющими прозрачность морфемного состава, либо развитием стилистических норм в национальную эпоху. Употребление существительных с приставкой *раз-* в повторах: *рань – разрань*, *граф – разграф*, *профессор – распрофессор*.

В персидском языке с помощью этого способа образуются и новые имена существительные: تق تق > تق.

Представляется, что редупликаты персидского языка можно разделить на две обширные группы: полные и неполные (частичные). Данное деление предложено на основании того, что при редупликации основы в некоторых случаях наблюдаются те или иные изменения. Примерами полной редупликации являются такие удвоения, как تکه تکه > تکه.

Классификация неполных или частичных редупликатов представляет собой более сложный случай. Неполная редупликация – это фонеморфологическое явление, состоящее в удвоении производящей основы с фонетическими или морфемными изменениями. Примерами неполной редупликации являются такие удвоения, как فش فششه > فش, باد فشفششه > باد, جیر بادبادک > جیر بادبادک.

Вторым видом словообразования является лексико-синтаксический способ (شیوه ترکیب معنایی کلمات مرکب), при котором новые слова могут образовываться при сращении сочетаний слов как с сочинительной связью, так и с подчинительной связью (Лекант 2004. 177): *мать-и-мачеха, сегодня, сумашедший*.

В персидском языке этот способ словообразования употребляется и среди персидских примеров можно указать на следующие:

زرَق + و + برَق < زرَق و برَق
 تاب + و + توان < تاب و توان
 گل + - + گاو + زبان < گل گاوزبان
 زیر + و + بیم < زیر و بیم

Третим видом словообразования является морфолого-синтаксический способ (فرایند تبدیل یا صفر), и это значит появление новых лексических единиц в результате перехода слова или отдельной словоформы одного лексико-грамматического класса в другой, или перехода в другую часть речи (Лекант 2004. 176). Переход слов других частей речи в класс имен существительных называется субстантивацией: *мороженое, столовая*.

Переговорящие также при необходимости, меняя лексико-грамматический класс, образуют имена существительные от прилагательных. В связи с тем, что при таком виде словообразования никакой аффикс не соединяется и форма производящего слова не меняется, этот вид словообразования в персидском языке называется «нулевой функцией». При реализации модели "прилагательное > существительное" происходит субстантивация имен прилагательных. Наиболее часто это явление – результат эллипсиса определяемого компонента в атрибутивном словосочетании. В этом случае прилагательное берет на себя функцию всего словосочетания, приобретает новое лексико-грамматическое значение и превращается в существительное (Рубинчик 2001. 165):

[مجنون] صفت + و [مجنون] اسم
 [چینی] صفت + و [چینی] اسم (فارфор)
 [بارانی] صفت + و [بارانی] اسم (дождевая одежда)
 [تبریزی] صفت + و [تبریزی] اسم (пирамидальный тополь)

Последним способом словообразования является лексико-семантический (تحول معنایی واژه). Лексико-семантическим называется такой способ словообразования, при котором новые лексические единицы возникают в результате изменений в семантике уже существующих в языке слов. Изменения в семантике, приводящие к созданию новых лексических единиц, могут быть двух видов. Так, возможно появление новых слов в результате того, что разные значения многозначного слова превращаются в разные слова (омонимы): *красный «цвет» – красный «относящийся к революционной деятельности, связанный с советским строем»*. Новые слова могут возникать и в силу того, что за словом закрепляется лексическое значение, которое не связано как производное с присущим ранее этому слову лексическим значением, то есть происходит переосмысление уже существующего в языке слова. Например, в советский период появилось слово бригадир

«руководитель производственного коллектива» (ср. Бригадир «офицерский чин в русской армии XVIII в.»); в годы Великой Отечественной войны слово *гвардия* приобрело значение «*отборные, лучшие войска*» (ср. Гвардия – привилегированные воинские части для охраны царя. (Лекант 2004. 177).

В персидском языке слово (سوگند) в начале имело значение «*испорченная сера*», а в современном персидском языке значит «*клятва*».

Кроме вышеуказанных основных способов словообразования, при изменении в составе и структуре слова, образуются новые слова. В процессе развития языка происходят различные изменения в морфемной структуре слова: опрощение, переразложение, усложнение основы, рекорреляция морфем. (Лекант 2004. 164)

Понятие опрощения введено В.А. Богородицким, который определил его следующим образом: «Опрощением называется морфологический процесс, посредством которого слово со сложным морфологическим составом утрачивает значение отдельных своих морфологических частей и становится простым символом данного представления (Богородицкий 1935. 100). Опрощение основы может быть связано с изменением в семантике производного слова по сравнению с производящим, в результате чего семантическая связь между ними утрачивается (Лекант 2004. 164).

Так, например, слово «*вкус*» (ср.: *кус-ать, кус-ок*) имеет целостное значение и морфологический состав этого слова (*вкус*) уже не актуализируется. Основа слова «*неделя*» стала непроизводной вследствие того, что при изменении его семантики (первоначально имело значение «*день отдыха*») утратилась семантическая связь со словом «*делать*», от которого оно было образовано.

Опрощение может и происходить вследствие утраты языком словообразовательных аффиксов. Так, вследствие утраты суффикса *-кь* стали производными основы слов *знак, звук* (Земская 2011. 15).

Опрощение наблюдается и в персидском языке с такими же сходствами, перечисленные в русском:

جا + روب < جاروب < جارو

способы словообразования	морфологический	суффиксальный	пример в русском языке	пример в персидском языке
		префиксальный	глупость	نمکدان
		префиксально-суффиксальным	субпорядчик	همکار
		словосложение	безветрие	بیکاری
		основосложение	выставка-продажа	شتر مرغ
		сокращение	чернозём	پخت و پز
		усечение производящей основы	главврач	ناجا
		обратное словообразование	зав	ش م ه
		безаффиксное словообразование	дояр	не образуется
		редупликация	бег	خرید
		редупликация	белый-белый	تکه تکه
лексико-синтаксический		сегодня	گل گاوزبان	
лексико-семантический		бригадир	سوگند	
морфолого-синтаксический		мороженое	چینی	

Заключение

В основном существует четыре способа словообразования в русском и персидском языках: морфологический, лексико-синтаксический, лексико-семантический и морфолого-синтаксический способы словообразования.

Анализируя данные способы при образовании имен существительных в русском и персидском языках, и, находя соответствующие примеры наблюдается, что почти все эти способы, кроме обратного словообразования, с помощью которого в персидском языке никакого существительного не образуется, употребляются в обоих изученных языках и делается вывод, что существуют соотносимые способы образования новых существительных в указанных языках, также отмечается, что наиболее продуктивен в обоих языках морфологический способ словообразования – создание новых слов путем сочетания морфем, то есть образование новых слов по образцу уже существующих в языках словообразовательных типов и среди морфологических способов, самый продуктивный – суффиксальный. В обоих языках существительные в основном образуются от глаголов и прилагательных. В русском и персидском языках отглагольные существительные имеют общее словообразовательное значение «носитель процессуального признака» или «отвлеченного процессуального признака», а отприлагательные существительные имеют словообразовательное значение «носитель признака».

Литература

- 1- Богородицкий В.А. (1953). *Общий курс русской грамматики*. Москва, Изд-во «Соцэкигз».
- 2- Буслаев Ф.И. (1959). *Историческая грамматика русского языка*. Москва, Изд-во «Учпедгиз».
- 3- Виноградов В.В. (1986). *Русский язык (Грамматическое учение о слове)*. Москва, Изд-во «Высшая школа».
- 4- Земская Е.А. (2011). *Современный русский язык*. Москва, Изд-во «Наука».
- 5- Клобуков Е.В. (2013). *Современный русский литературный язык*. Москва, Изд-во «АСТ-ПРЕСС КНИГА».
- 6- Лекант П.А. (2004). *Современный русский литературный язык*. Москва, Изд-во «Высшая школа».

- 7- Маслов М.Ю. (1997). *Введение в языкознание*. Москва, Изд-во «Высшая школа».
- 8- Пейсиков Л.С. (1973). *Очерки по словообразованию персидского языка*. Москва, Изд-во «Восточная литература».
- 9- Рубинчиик Ю.А. (2001). *Грамматика современного персидского литературного языка*. Москва, Изд-во «Восточная литература».
- 10- Шагаги В. (2011). *Основы склонения слов*. Тегеран, Изд-во «Самт».
- 11- Шахматов А.А. (1952). *Из трудов А.А. Шахматова по современному русскому языку (Учение о частях речи)*. Москва, Изд-во «Учпедгиз».
- 12- Щерба Л.В. (1957). *Избранные работы по русскому языку*. Москва, Изд-во «Учпедгиз».
- 13- Ярцева В.Н. (1998). *Языкознание*. Москва, Изд-во «Большая Российская энциклопедия».

Bibliography

- 1- Bogorodickij V.A. (1953). *Obshhij kurs russkoj grammatiki*. Moskva, Izd-vo «Socjekigz».
- 2- Buslaev F.I. (1959). *Istoricheskaja grammatika russkogo jazyka*. Moskva, Izd-vo «Uchpedgiz».
- 3- Vinogradov V.V. (1986). *Russkij jazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)*. Moskva, Izd-vo «Vysshaja shkola».
- 4- Zemskaja E.A. (2011). *Sovremennyj russkij jazyk*. Moskva, Izd-vo «Nauka».
- 5- Klobukov E.V. (2013). *Sovremennyj russkij literaturnyj jazyk*. Moskva, Izd-vo «AST-PRESS KNIGA».
- 6- Lekant P.A. (2004). *Sovremennyj russkij literaturnyj jazyk*. Moskva, Izd-vo «Vysshaja shkola».
- 7- Maslov M.Ju. (1997). *Vvedenie v jazykoznanie*. Moskva, Izd-vo «Vysshaja shkola».
- 8- Pejsikov L.S. (1973). *Ocherki po slovoobrazovaniju persidskogo jazyka*. Moskva, Izd-vo «Vostochnaja literatura».
- 9- Rubinchiik Ju.A. (2001). *Grammatika sovremennogo persidskogo literaturnogo jazyka*. Moskva, Izd-vo «Vostochnaja literatura».
- 10- Shagagi V. (2011). *Osnovy sklonenija slov*. Tegeran, Izd-vo «Samt».
- 11- Shahmatov A.A. (1952). *Из трудов А.А. Шахматова по современному русскому языку (Учение о частях речи)*. Москва, Изд-во «Учпедгиз».

- 12- Shherba L.V. (1957). *Izbrannye raboty po russkomu jazyku*. Moskva, Izd-vo «Uchpedgiz».
- 13- Jarceva V.N. (1998). *Jazykoznanie*. Moskva, Izd-vo «Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija».

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Hemmatzadeh, Sh. (2019). Similar Word-Formation Ways of Nouns in Russian and Persian Languages. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 13, 213-234.

DOI: 10.29252/iarll.13.213

URL: <http://journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/53>

روش‌های مشترک واژه‌سازی اسم در زبان‌های روسی و فارسی

شهرام همت‌زاده^۱

استادیار گروه زبان و ادبیات روسی و اسلاوی دانشگاه شهید بهشتی،

تهران، ایران.

(تاریخ دریافت: مه ۲۰۱۸؛ تاریخ پذیرش: اکتبر ۲۰۱۸)

این مقاله به بررسی روش‌های مشترک ساخت اسم در زبان‌های روسی و فارسی می‌پردازد. در هر دو زبان روش‌های واژه‌سازی مختلفی وجود دارد که به کمک آنها واژگان جدید ساخته می‌شود ولی از همه این روش‌ها به هنگام ساخت اسامی استفاده نمی‌شود. مبانی اساسی برای تمایز اسامی از سایر مقوله‌های زبانی وجود دارد که می‌توانند هم زبانی و هم غیرزبانی باشند. ویژگی‌های متمایزکننده اسم به عنوان نوعی از واژگان، با فرآیند نام‌دهی که برای اسامی استفاده می‌شود و همچنین به نقشی که اسامی در جملات ایفا می‌کنند، مرتبط است. یکی از مشکلات آموزش زبان روسی برای زبان‌آموزان ایرانی، فهم صحیح واژه‌سازی در زبان روسی و گزینه‌ها یا مثال‌های مختلف آن در زبان فارسی است. در این مقاله ابزارهای مشترک و مختلف و همچنین روش‌های ساخت اسامی در زبان‌های روسی و فارسی تجزیه و تحلیل و همچنین سعی شده است که معانی جدید واژگانی و دستوری، مشخص گردد و عملکرد واژه‌سازی اسامی ساخته شده جدید نیز بررسی شود.

ویژگی‌های آموزش زبان روسی به دانشجویان کشور آنگولا

یکاترینا گینادیوونا فیدولوا^۱

استادیار، مرکز نظامی علمی و آموزشی نیروی زمینی «آکادمی نظامی نیروهای مسلح روسیه فدراتیو»، مسکو، روسیه.

(تاریخ دریافت: فوریه ۲۰۱۸؛ تاریخ پذیرش: نوامبر ۲۰۱۸)

در مقاله حاضر مشکلات آموزش زبان روسی به دانشجویان آنگولایی بررسی و مطالعه شده است. محور این پژوهش بررسی موضوع حروف اضافه در زبان روسی است. نویسنده مقاله به بررسی تطبیقی و مقایسه‌ای کاربردها و معانی حروف اضافه *в* و *через* در زبان‌های پرتغالی و روسی می‌پردازد و تفاوت‌ها و شباهت‌های آنها را شناسایی می‌کند. به عقیده او عوامل فرازبانی مهم‌ترین دلیل به وجود آمدن مشکلات برای زبان‌آموزان آنگولایی در یادگیری این مقوله زبانی هستند؛ این عوامل عبارتند از: زبان مادری، شرایط و محل زندگی زبان‌آموزان، طبقه اجتماعی آنها، ویژگی‌های فرهنگی و زبانی آنها، جهان‌بینی و دیدگاه‌های آنها درباره جهان پیرامون، روابط فرهنگی و گستردگی زبان. عوامل یاد شده، روش تدریس و آموزش اینگونه زبان‌آموزان و دانشجویان را تعیین می‌کنند. همچنین تأثیر پدیده جهانی شدن بر زبان‌آموزان و فرایند آموزش زبان روسی به عنوان زبان خارجی مطالعه و بررسی می‌شود. همچنین به ویژگی‌های فرهنگ‌های همجوار، ریشه‌های تاریخی و گسترش آنها در فضای فرهنگی دنیای معاصر پرداخته می‌شود.

واژگان کلیدی: حرف اضافه با مفهوم مکانی، معنی و مفهوم حروف اضافه، ضمیر، حرف تعریف، حافظه زنتیکی ملت‌ها، جهانی شدن.

قهرمان لیریک کتاب اشعار س. آ. یسنین «موتیوهای ایرانی» در جستجوی
«سرنوشت مطلوب»

ناتالیا میخائیلوونا اوستیمنکا^۱

استادیار، دانشگاه فدرال جنوبی راستوف-نا-دانو،

راستوف-نا-دانو، روسیه.

(تاریخ دریافت: آوریل ۲۰۱۸؛ تاریخ پذیرش: ژوئیه ۲۰۱۸)

«یسنین» اوضاع حاکم بر شوروی را فاجعه‌بار و تراژدی زندگی ملی کشور و گفتگوی فرهنگ‌های شرق و روسیه را یکی از راه‌های برون‌رفت از این اوضاع می‌دانست. یسنین در کتاب «موتیوهای (بن‌مایه‌های) ایرانی» به جستجوی زیباشناختی تعالی ملی آینده روسیه و راه شرقی آن می‌پردازد. هدف از نگارش مقاله حاضر شناسایی و بررسی ابعاد شاعرانه «موتیوهای ایرانی» در فرایند آنالیز و تحلیل سیر تکاملی قهرمان لیریک این کتاب است که آرمان‌های فرهنگی دارد. قهرمان در بخش اول کتاب به عنوان گردشگر روسی متأثر از شرق و در بخش دوم به عنوان سیاح و شاعری که به زیبایی‌های زندگی شرقی و فرهنگ آن دل بسته است ظاهر می‌شود و در بخش سوم کتاب در شعر «کشوری به رنگ آبی و شاد..» که در آن در راه زندگی زیبای جدید «بلبل گل را در آغوش می‌گیرد» آورده شده است.

واژگان کلیدی: یسنین، گفتگوی فرهنگ‌ها، شیراز، دشت‌های شهر ریزان، اشعار لیریک ایران.

ایران در تصویر ادبی از جهان ک. گ. پاستوفسکی

تاتیانا ویکتورونا سیووا^۱

استادیار دانشگاه دولتی یانکا کوپالا شهر گروندو،

گروندو، بلاروس.

(تاریخ دریافت: مارس؛ تاریخ پذیرش: اکتبر ۲۰۱۸)

مقاله به بررسی و مطالعه ویژگی‌های ادراک و توصیف اماکن ایران در آثار ادبی ک. گ. پاستوفسکی، نویسنده مشهور روسیه در دوره شوروی که خلأ بزرگی در بررسی زبانشناختی توصیفات او از اماکن و مناطق جغرافیایی احساس می‌شود، می‌پردازد. برخی از نتایج پژوهش عبارتند از: ۱. مدل شخصی این نویسنده در توصیف ایران به گونه‌ای است که جنبه فرهنگی در این توصیفات بیشتر به چشم می‌آید. ۲. در مقاله حاضر به نام‌های جغرافیایی ایرانی به‌کاررفته در آثار ادبی این نویسنده پرداخته و نقش آنها بررسی شده است. ۳. ویژگی‌های تصویرسازی شخصی مجموعه‌ای از اماکن ایران بررسی و مطالعه شده که در آنها از طیف وسیعی از رنگ‌ها (بیش از ۴۰ واژه با مفهوم رنگ و نور) استفاده شده و از جهان بینی رمانتیک نویسنده نشأت گرفته و باعث تشدید ادراک جهان پیرامون نویسنده شده است. در مقاله حاضر به صورت ویژه‌ای به موضوع رابطه متقابل ویژگی‌های رنگ، مکان و سرعت در ایجاد تصویر ایماگولوژیکی از ایران پرداخته شده است.

واژگان کلیدی: تصویر ادبی از جهان، مکان، زمان، ایران، ایران باستان، سبگ فردی، ک. گ. پاستوفسکی.

به من بگو دوست کیست: مفهوم «دوست» در زبان رسانه‌ای روسیه معاصر (بر
اساس پیکره ملی زبان روسی در سال ۲۰۱۴)

ویکتوریا ولادیمیروونا ماکارووا^۱

دانشیار، دانشگاه ویلنیوس،

ویلنیوس، لیتوانی.

(تاریخ دریافت: آوریل ۲۰۱۸؛ تاریخ پذیرش: اوت ۲۰۱۸)

مقاله حاضر به بررسی نتایج حاصل از مطالعه و بررسی مفهوم «دوست» به عنوان یکی از شاخص‌ترین مفاهیم فرهنگی روسیه (از نظر آ. وژبیتساکایا) می‌پردازد. این موضوع از گذشته تاکنون توجه بسیاری از زبان‌شناسان را به خود جلب کرده است. پژوهش‌های زبان‌شناسان و پژوهشگران این حوزه نشان می‌دهد که مفهوم «دوست» در نتیجه تغییرات و تحولات اجتماعی و تاریخی هم به لحاظ ساختاری و هم معنایی تغییر کرده است. هدف از پژوهش حاضر بررسی و مطالعه این تغییرات ساختاری و معنایی مفهوم «دوست» در زبان رسانه‌ای روسیه معاصر است. منبع اصلی پژوهش حاضر متون موجود در پرتال پیکره ملی زبان روسی است و متون روزنامه‌ای و مطبوعاتی که در آنها قبل از اسم «دوست»، صفت آمده است و به فاصله یک لغت از هم قرار گرفته‌اند بررسی شده‌اند. پس از حذف مواردی که در آنها به عنوان مثال قید با شکل کوتاه صفات یکسان بود، کار تحلیل و آنالیز داده‌ها بر روی نمونه آماری متشکل از صدوپنجاه مثال انجام شده است. (برای مثال: برای دوست آلمانی، دوست خوب، نزد دوستان جدید، بهترین دوست).

واژگان کلیدی: مفهوم، تصویر از جهان، دوست، دوستی، زبان رسانه‌ای، پیکره ملی زبان روسی.

---

1. E-mail: makarovavv@gmail.com

ایجاد مهارت‌های ارتباطی دانشجویان ایرانی از طریق متون ادبی (بر اساس تجربیات کار)

یلنا ایوانوونا گرینکوویچ^۱

دانشیار، دانشگاه دولتی علوم پزشکی بلاروس،
مینسک، بلاروس.

(تاریخ دریافت: مه ۲۰۱۸؛ تاریخ پذیرش: سپتامبر ۲۰۱۸)

متن یکی از ابزارهای آموزشی است. از آنجا که فرایند آموزش و یادگیری با تصویرسازی در ذهن زبان‌آموزان رابطه تنگاتنگی دارد، متن به عنوان ابزاری که حاوی اطلاعات درباره تاریخ و سنت‌هاست، می‌تواند در ایجاد تصویر در ذهن زبان‌آموزان بسیار مفید باشد. متن ادبی به‌مثابه نظام باز فرهنگی است که برای زبان‌آموزان افکار مؤلف را منعکس می‌کند و در شکل‌گیری افکار و اندیشه‌های زبان‌آموزان درباره زندگی انسان و ارزش‌های فرهنگی به زبان خارجی کمک می‌کند. در اولین مرحله از فرایند آموزش زبان روسی به عنوان زبان خارجی لازم است که مدرس متن‌ها را بر اساس فایل‌های تصویری ساده‌سازی کند و به سطح صفر برساند. منابع اینترنتی نیز می‌توانند تأثیر زیادی بر ایجاد تصویرسازی در ذهن زبان‌آموزان داشته باشند. در اینگونه منابع، کلمات، موسیقی و نقاشی‌ها ترکیب شده و بر درک بیشتر زبان‌آموزان از متون در فرایند یادگیری تأثیر چشمگیری دارند. در مقاله حاضر نمونه‌هایی از تمرینات کاربردی برای کار با کتاب و فیلم انیمیشن «او. جویس» با عنوان «کتاب‌های سحرآمیز پرندۀ آقای موریس لسمور» در راستای شکل‌گیری و ایجاد مهارت‌های ارتباطی و تقویت توانایی‌های ایجاد متون آورده شده است.

واژگان کلیدی: آموزش زبان روسی، متن ادبی، فیلم انیمیشن، تصویرسازی، مهارت‌های ارتباطی.

---

1. E-mail: GrinkevichEI@bsmu.by

ارتقای سطح کیفی روش‌های آموزش زبان در مراکز آموزش عالی

مارینا آناتالیونا گالوانیو^۱

دانشیار، دانشگاه دولتی آستراخان

آستراخان، روسیه

(تاریخ دریافت: مارس ۲۰۱۸؛ تاریخ پذیرش: سپتامبر ۲۰۱۸)

مقاله حاضر به بررسی و مطالعه ارتقای سطح کیفی فرایند آموزش زبان روسی به عنوان زبان خارجی در مراکز آموزش عالی می‌پردازد و روش‌ها و شیوه‌هایی را که به ارتقا و کیفیت بخشیدن فرایند فراگیری زبان‌آموزان خارجی در دوره مقدماتی کمک زیادی می‌کنند بررسی می‌کند. همچنین مهم‌ترین شیوه‌های آموزش در کلاس و خارج از کلاس و همچنین میزان کارایی آنها مطالعه و بررسی می‌شود. در مقاله حاضر به شرایط آموزشی لازم در راستای رسیدن به اهداف آموزشی نیز پرداخته شده است. برای هر مورد با ذکر مثال توضیحات و اطلاعات لازم ارائه شده است تا بتوان از آنها در کلاس‌های ترم اول زبان‌آموزان بهره برد. همچنین به کارایی تمرینات متداول و جدید که به ارتقای سطح آموزشی زبان‌آموزان و حتی مدرسان کمک شایانی می‌کنند، پرداخته شده است. علت استفاده از اینگونه تمرینات تطابق کامل آنها با اهداف آموزشی، موثر و مفید بودن آنها و بازتولید شدن آنها است. روش‌ها و شیوه‌های آموزشی ذکر شده در مقاله کاملاً با شرایط آموزشی لازم مطابقت دارند و شامل مدل‌های آموزشی بسیار متنوعی می‌شوند. پژوهش‌های «کاربردی-نظری» عموماً در چارچوب نظریات آموزشی و زبان‌شناختی تحقق می‌یابند و توصیه می‌گردد که اینگونه کارهای علمی به سمت کاربردی شدن حرکت کنند و در چارچوب روش‌های کاملاً نوین تعریف گردند.

واژگان کلیدی: راهبردهای آموزشی، کیفیت بخشیدن امر آموزش، اصول آموزش، روش‌ها و شیوه‌های آموزش، زبان‌آموزان خارجی.

ژانرهای سینتتیک هنر به عنوان منابع زایشی ترکیبات کنایه‌ای زبان روسی معاصر

سوتلانا گریگوریونا شولژکوا^۱

استاد، دانشگاه دولتی گ. ای. نوسوف ماگنیتوگورسک،
ماگنیتاگورسک، روسیه.

لیودمیلا پتروونا دیادیچکا^۲

استاد، دانشگاه ملی ت. گ. شفچنکو کیف،
کیف، اوکراین.

(تاریخ دریافت: فوریه ۲۰۱۸؛ تاریخ پذیرش: مه ۲۰۱۸)

در نیمه دوم سده بیستم و اوایل سده بیست و یکم ترکیبات کنایه‌ای زبان روسی با سرعت بیشتری تولید شدند اما دلیل آن نه در جهانی شدن بلکه در ویژگی‌های زایشی درونی سیستم زبانی بود. در آن دوره، جامعه روسیه دستخوش تحولات فرهنگی زیادی می‌گردد: خیلی زود جامعه ادبیات‌محور جای خود را به جامعه تصویرمحور می‌دهد. اگر در سده‌های هجدهم و نوزدهم ترکیبات کنایه‌ای عمدتاً ریشه زبانی داشته‌اند اما در عصر حاضر ژانرهای سینتتیک هنر در زایش و ایجاد ترکیبات کنایه‌ای جدید و غنی تر کردن گنجینه اینگونه ترکیبات در زبان روسی مهم‌ترین نقش را ایفا می‌کنند. در این میان سینمای انیمیشن از جایگاه ویژه‌ای برخوردار است. این نوع هنر در روسیه پیشینه‌ای بالغ بر صد سال دارد و در سال‌های ۱۹۷۰ تا ۱۹۸۰ به اوج شکوفایی خود می‌رسد. کلمات و ترکیبات کنایه‌ای از انیمیشن‌ها و کارتون‌های آن زمان تا به امروز به صورت گسترده در زبان استفاده می‌شوند. انیمیشن‌ها و کارتون‌های روسی که به زبان‌های دیگر دنیا ترجمه شده‌اند نیز بر تعداد آنها به صورت چشمگیری افزوده است. ضرورت دارد که در آینده شاهد مطالعه زبانشناختی و فرهنگ‌شناختی این موضوع باشیم. نویسندگان در مقاله حاضر به بررسی و مطالعه یکی از روش‌های احتمالی پیشنهادی در حل این مسئله پیچیده می‌پردازند.

واژگان کلیدی: واحدهای زبانی کنایه‌ای، نظام زبان، ژانرهای سینتتیک هنر، فرهنگ تصویرمحور.

1. E-mail: shulezkova@gmail.com

2. E-mail: eptonim@ukr.net

ادبیات کلاسیک روسیه در گرجستان: نوشته‌های تاریخی کیتا آباشیدزه درباره

لف تالستوی

ایرین یگورونا مادابادزه^۱

استاد پژوهشی انستیتو ادبیات شووتا روستاوی جواخیشویلی گرجستان،
تفلیس، گرجستان.

تامار گئورگیونا تسیتسیشویلی^۲

استاد پژوهشی انستیتو ادبیات شووتا روستاوی جواخیشویلی گرجستان،
تفلیس، گرجستان.

(تاریخ دریافت: فوریه ۲۰۱۸؛ تاریخ پذیرش: نوامبر ۲۰۱۸)

در سال ۱۹۰۰ در شماره ۵ مجله وستنیک مقاله یکی از منتقدان مشهور گرجستان در سده نوزدهم، کیتا آباشیدزه (۱۸۷۰-۱۹۱۷) با عنوان «رمان جدید لf تالستوی، «رستاخیز»» به چاپ رسید. در این مقاله برای اولین بار است که این متن بررسی و مطالعه می‌شود و بخشی از پژوهش‌های مربوط به مطالعه فرایند رشد اندیشه انتقادی-اجتماعی در گرجستان معطوف به این موضوع است. کیتا (ایوانه) آباشیدزه بر ادبیات گرجستان، روسیه و اروپا مسلط بود و این امر سبب شده بود که او بتواند به‌خوبی آثار ادبی آن زمان را از دریچه کلی فرایندهای ادبی تحلیل و نقد کند. اما با این حال محافل ادبی دوره شوروی مواضع و نظرات انتقادی او را به هیچ‌وجه قبول نداشت تا حدی که بسیاری از آثار وی به فراموشی سپرده شده بودند و مجال تجدید چاپ نیافتند. پذیرش آثار ادبی ملت‌های دیگر ضرورت پذیرش فرهنگ آن ملت را به همراه دارد و دیدگاه‌های انتقادی کیتا آباشیدزه درباره رمان «رستاخیز» لf تالستوی از اهمیت ویژه‌ای برخوردار هستند. پژوهش حاضر نه‌تنها به بررسی نظرها و دیدگاه‌های شخصی خود منتقد می‌پردازد بلکه سیر تحولات فرهنگی گرجستان در سده نوزدهم را نیز واکاوی می‌کند.

واژگان کلیدی: پذیرش، لf تالستوی، «رستاخیز»، کیتا آباشیدزه، نقد ادبی گرجستان در سده نوزدهم.

1. E-mail: irinamodeb@gmail.com

2. E-mail: t.tsitsishvili@yahoo.com

ایماگولوژی زبانشناختی به عنوان گرایش جدید در زبان‌شناسی

لیودمیلا پتروونا ایوانووا^۱

استاد دانشگاه ملی علوم تربیتی م. پ. پ. دراگومانوف
کیف، اوکراین.

(تاریخ دریافت: مارس ۲۰۱۸؛ تاریخ پذیرش: نوامبر ۲۰۱۸)

در مقاله حاضر موضوع ایماگولوژی زبانشناختی به عنوان مرحله جدیدی در علم زبان‌شناسی که نظرات، پدیده‌ها و روش‌های علوم دیگر را در بر می‌گیرد، بررسی و مطالعه می‌شود. علم ایماگولوژی زبان‌شناختی از علم ایماگولوژی به عنوان بخشی از ادبیات تطبیقی به مطالعه برداشت‌ها، تصاویر (اصطلاح این علم از همین ریشه ساخته شده است) و تصورات یک ملت یا کشور از ملت یا کشور دیگر می‌پردازد. به عبارت دیگر در این علم بازتاب ویژگی‌های یک ملت از نظر ملت دیگر بررسی می‌شود. از آنجا که تصویر به واسطه ابزارهای زبانی شکل می‌گیرد، علم ایماگولوژی به بررسی ابزارهای زبانی‌ای که به وسیله آنها تصویری از یک ملت یا کشور در ذهن ملت دیگر به وجود می‌آید می‌پردازد. هیچ‌گونه الزامی در همپوشانی و یکسان بودن این گونه تصاویر و تصورات وجود ندارد. این علم از علومی مانند ایماگولوژی، زبان‌شناسی تاریخی-تطبیقی (خصوصیات و تصویر یک کشور با گذشت قرون متمادی متغیر است)، ارزش‌شناسی (پذیرش پدیده‌های بیگانه نمی‌تواند منفعل باشد، همیشه مؤلفه ارزشی وجود دارد)، فرهنگ‌شناسی زبان‌شناختی (از بعد واحدهای زبانی مورد مطالعه)، زبان‌شناسی شناختی (مقوله شخصیت زبانی، تصویر زبانی جهان پیرامون و مفاهیم و پدیده‌های آن)، نظریه ارتباطات از بعد ارتباطات بین‌فرهنگی تشکیل می‌گردد. ارتباطات بین‌فرهنگی خود سبب می‌شود که ایماگولوژی زبان‌شناختی بنیان اصلی سبک‌های گفتاری کاربردی را به وجود آورد. در این مقاله به بررسی و مطالعه کشور فرانسه و مردم آن از دیدگاه «د. ای. فانویزین» و ایالات متحده آمریکا از دیدگاه «آ. س. پوشکین» پرداخته شده است.

واژگان کلیدی: ایماگولوژی زبان‌شناختی، فرهنگ‌شناسی زبان‌شناختی، ارتباطات و مناسبات بین‌فرهنگی، آ. س. پوشکین، د. ای. فانویزین.

نقش اصطلاحات در یادگیری زبان روسی

استفکا ایوانووا گیورگیوا^۱

استاد، دانشگاه پائیسیا خیلندارسکی شهر پلوودیو،

پلوودیو، بلغارستان.

(تاریخ دریافت: فوریه ۲۰۱۸؛ تاریخ پذیرش: ژوئن ۲۰۱۸)

در مقاله حاضر قابلیت‌های اصطلاحات در فراگیری زبان خارجی به ویژه زبان روسی بررسی و مطالعه می‌شود. پژوهش‌های روش‌شناسان نشان می‌دهد که استفاده از اصطلاحات و ترکیبات ثابت، کلمات قصار، ضرب‌المثل‌ها در تمام مراحل فراگیری زبان خارجی بسیار ضروری تلقی می‌گردد. در یادگیری این گونه ترکیبات بسیاری از مراکز درکی ذهن انسان فعال می‌شود. اصطلاحات موجب تقویت حافظه ذهن می‌شوند و به حفظ کردن و به خاطر سپردن حجم وسیع‌تری از اطلاعات کمک می‌کنند. در مقاله حاضر اصطلاحات به عنوان فرهنگ‌سازترین سطح زبانی بررسی می‌شود. زبان‌آموزان در واقع در کنار یادگیری ترکیبات و واحدهای زبانی ثابت مربوط به یک ملت، فرهنگ آن ملت را فرامی‌گیرند. به منظور تربیت نیروی انسانی حرفه‌ای و متخصص در شرایط جهانی شدن و همچنین ایجاد ارتباطات بین فرهنگی سازنده می‌بایست بر اصطلاحات و ترکیبات ثابت زبان مورد مطالعه تسلط کافی پیدا کرد زیرا اینگونه ترکیبات زبانی حامل ویژگی‌های فرهنگی آن زبان هستند.

واژگان کلیدی: اصطلاحات، کد فرهنگی، بیان کنایه‌ای، موقعیت گفتاری، ارتباطات بین فرهنگی.

چکیده‌های فارسی

اشعار فارسی از دریچه نگاه کیوخلبئکر

استفانو وینچنتساویچ آلوئه^۱

استاد، دانشگاه شهر ورونا،

ورونا، ایتالیا.

(تاریخ دریافت: ژانویه ۲۰۱۸؛ تاریخ پذیرش: اکتبر ۲۰۱۸)

توجه به آثار منظوم خاورمیانه یکی از پدیده‌های متداول در فرهنگ روسیه و ادبیات نیمه اول سده نوزدهم میلادی و به عبارتی در دوره کوتاه ترویج و گسترش مکتب رماتیسم است. با این حال در بیشتر موارد این توجه را می‌توان به سطحی از مد شدن کوتاه‌مدت محدود کرد که اثری از خود در طبع ادبی به جا نگذاشته است. اما در این میان گریبایدف که در میان ادبای روسیه از معدود کسانی است که به زبان‌هایی چون عربی و فارسی در کنار زبان‌های دیگر مسلط بوده‌اند مستثنی است. در این میان «کیوخلبئکر» دوست وفادار گریبایدف شهرت چندانی ندارد. کیوخلبئکر به زبان‌های یاد شده تسلطی نداشت اما به شدت به آثار منظوم خاورمیانه و به ویژه اشعار فردوسی و سعدی علاقه و توجه نشان می‌داد؛ این امر سبب شد که برخی از آثار منظوم او مربوط به دهه‌های ۲۰ و ۳۰ با تأثیرپذیری از این آثار خلق کردند.

واژگان کلیدی: و. ک. کیوخلبئکر، آ. س. گریبایدوف، فردوسی، اشعار فارسی، ی. و. گوته.

برگ درخواست اشتراک

حق اشتراک سالانه: ۲۰۰۰۰ تومان

لطفا وجه مورد نظر را به شماره کارت ۶۰۳۷۹۹۱۱۸۱۸۶۵۶۸۸ یا حساب جاری فراگیر: ۰۲۱۲۱۱۵۵۲۵ بانک تجارت، شعبه کوی دانشگاه ۲۱۲۰، مؤسسه انجمن علمی ایرانی زبان و ادبیات روسی واریز و اسکن اصل فیش را به آدرس پست الکترونیک سردبیر مجله ارسال فرمایید:
myahya@ut.ac.ir

✂-----

	<h3>برگ درخواست اشتراک</h3>
نام و نام خانوادگی / مؤسسه:	.....
شغل / نوع فعالیت:	..... میزان تحصیلات: .....
نشانی:	.....
تلفن:	.....
کد پستی:	..... صندوق پستی: .....
شماره‌های درخواستی از شماره	..... تا شماره .....
تعداد	.....
درخواستی از هر شماره:	..... تاریخ: .....
امضاء	

بر اساس نامه شماره ۱۳۹۲/۶/۱۶ مورخ ۳/۱۸/۸۷۵۶۴ / مورخ ۱۳۹۲/۶/۱۶ مدیرکل محترم دفتر سیاست‌گذاری و برنامه‌ریزی امور پژوهشی وزارت علوم، تحقیقات و فناوری در جلسه مورخ ۱۳۹۲/۵/۳۰ کمیسیون بررسی نشریات علمی کشور به «پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی» نشریه انجمن ایرانی زبان و ادبیات روسی از شماره یک اعتبار علمی - پژوهشی اعطا شده است.

*****

«پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی» در پایگاه‌های ISC (پایگاه استنادی علوم جهان اسلام)، SID (پایگاه اطلاعات علمی جهاد دانشگاهی)، پرتال جامع علوم انسانی، سیویلیکا و ResearchBib نمایه می‌شود و مقالات آن قابل دسترسی است.

«پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی» از تاریخ ۲۶ ژانویه ۲۰۱۶ در پایگاه استنادی علوم روسیه (رینتس؛ elibrary.ru) با شماره ۱۶/۲۰۱۶ - ۱۸ نمایه شده است و در آدرس زیر قابل مشاهده است.

http://elibrary.ru/title_about.asp?id=56226

پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی

پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی با هدف انتشار پژوهش‌های اصیل با موضوعات مرتبط با زبان و ادبیات روسی در ایران منتشر می‌گردد و با توجه به عنوان نشریه در حوزه‌های مربوط به زبان روسی، ادبیات روسی، ادبیات تطبیقی، زبانشناسی همگانی، زبانشناسی تطبیقی، آموزش زبان روسی، جامعه‌شناسی و روانشناسی زبان روسی، ترجمه و..... مقاله می‌پذیرد.

راهنمای نگارش و شرایط پذیرش مقاله

- مقالات ارسالی به مجله باید حاصل تحقیق و پژوهش نویسنده یا نویسندگان مقاله باشد.
- زبان مجله روسی است.
- مقاله در مجله دیگری چاپ نشده باشد و همزمان برای مجلات داخلی و خارجی ارسال نشده باشد. مجله از پذیرش مقالات رد شده در مجلات دیگر معذور است.
- ساختار مقاله شامل عنوان؛ چکیده «۱۲۰ تا ۱۴۰ کلمه» و واژگان کلیدی «۵ تا ۷ کلمه» (عنوان، چکیده و واژگان کلیدی به زبان‌های روسی، فارسی، انگلیسی)؛ مقدمه؛ متن اصلی؛ نتیجه‌گیری و فهرست منابع (به زبان‌های روسی و انگلیسی) ارجاع داده شده در متن مقاله، باشد. متن اصلی نباید کمتر از ۳۰۰۰ و بیش از ۴۰۰۰ واژه باشد.
- صفحه عنوان مقاله دارای عنوان کامل مقاله، نام و نام خانوادگی، دانشگاه و مرتبه علمی، تلفن و نشانی پست الکترونیکی (دانشگاهی) نویسنده (یا نویسندگان) باشد.
- ارجاعات در متن مقاله در میان دو کمان (،)، شامل نام خانوادگی نویسنده، سال انتشار منبع و شماره صفحه باشد (ایوانوف ۲۰۱۳، ۹۲).
- منابع مورد استفاده در متن به ترتیب الفبایی نام خانوادگی پدیدآورندگان، به شکل زیر تنظیم شود:
- کتاب: نام خانوادگی، نام؛ تاریخ انتشار (داخل پرانتز)؛ عنوان اثر اصلی و فرعی با خط کج (ایتالیک)؛ محل نشر: ناشر.
- مقاله: نام خانوادگی، نام و تاریخ انتشار داخل پرانتز؛ عنوان مقاله؛ نام مجله یا مجموعه مقالات ایتالیک؛ دوره یا سال و شماره برای مجله، محل نشر و ناشر برای مجموعه مقالات صفحه شروع و پایان مقاله.
- منابع اینترنتی: نام خانوادگی، نام؛ عنوان اثر؛ نشانی کامل پایگاه اینترنتی، تاریخ مراجعه به سایت.
- مجله حق رد، چاپ و ویرایش مقالات را برای خود محفوظ دانسته و از برگرداندن مقالات دریافتی معذور است.
- مقاله ارسالی با برنامه "Word 1997-2003" و قلم Times New Roman، اندازه حروف ۱۴ با فاصله ۱/۵ بین سطور، فاصله بالا و پایین صفحه ۲/۵ سانت، فاصله چپ ۳ سانت، فاصله راست ۱/۵ سانت و فاصله برای شروع پاراگراف ۱/۲۵ سانت باشد.
- مقاله به صورت فایل ضمیمه (Word 1997-2003) همزمان به پایگاه نشریه و به آدرس سردبیر myahya@ut.ac.ir ارسال شود.
- برای اطلاعات بیشتر به صفحه نشریه به آدرس <http://www.journaliarll.ir> مراجعه فرمایید.

اعضای مشورتی هیأت تحریریه (بین‌المللی):

استیفان آلوا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه ورونا (ورونا، ایتالیا)

ماری آن برودا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه لودز (لودز، لهستان)

کادزهیکو ساوادا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی سایتاما (سایتاما، ژاپن)

تاتیانا آلکساندرنا کاشمچوک، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه کشاورزی سن پترزبورگ
(سن پترزبورگ، روسیه)

والری ولادیمیریچ لپاخین، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه سگد (سگد، مجارستان)

یوردان دیمیتروف لوتسکانف، دانشیار زبان و ادبیات روسی انستیتو ادبیات آکادمی علوم
بلغارستان (صوفیه، بلغارستان)

آلکساندر واسیلیویچ ماتورین، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی یارسلاو مودری
نیژنی نوگروود (نیژنی نوگروود، روسیه)

ایرین یگورونو مادابادزه، استاد پژوهشی زبان و ادبیات روسی انستیتو ادبیات گرجی شوتا
روستاوولی (تفلیس، گرجستان)

فیروزه عبدالله یونا ملویل، استاد زبان و ادبیات فارسی، مدیر بخش پژوهش‌های ایران‌شناسی
دانشگاه کمبریج (کمبریج، انگلستان)

آنجلیکا مولنار، دانشیار زبان و ادبیات روسی دانشگاه مجارستان غربی (سمباتهی، مجارستان)

مهرالنساء نغریبیکووا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه ملی تاجیکستان (دوشنبه،
تاجیکستان)

میشل نیک یو، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه کان، نورماندی (کان، فرانسه)

ناتالیا پترونا ویدماروویچ، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه زاگرب (زاگرب، کرواسی)

پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی

(دو فصلنامه علمی-پژوهشی)

نشریه انجمن ایرانی زبان و ادبیات روسی

اعضای هیأت تحریریه

روسلان احمدشین، دانشیار زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی مسکو (ام.گ.او)، روسیه
میرلا احمدی، دانشیار زبان و ادبیات روسی دانشگاه تربیت مدرس، ایران
یلنا زاویالووا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی آستراخان، روسیه
سوتلانا شوستووا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی تحقیقات ملی پرم، روسیه
حسین غلامی، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه تهران، ایران
المیرا قاضی‌یوا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی پیتی‌گورسک، روسیه
ولادیمیر کاتلنیکوف، استاد زبان و ادبیات روسی انستیتو ادبیات روسی «خانه پوشکین»
آکادمی علوم روسیه، بخش ادبیات نوین روسی. سن پترزبورگ، روسیه.
جان‌اله کریمی مطهر، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه تهران، ایران
والینتین گالوین، استاد زبان و ادبیات روسی انستیتو ادبیات روسی «خانه پوشکین»
آکادمی علوم روسیه، سن پترزبورگ، روسیه.
محمد رضا محمدی، دانشیار زبان و ادبیات روسی دانشگاه تربیت مدرس، ایران
مرضیه یحیی‌پور، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه تهران، ایران
تامارا یروقی‌یوا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی تحقیقات ملی پرم، روسیه

مدیر مسئول: جان‌اله کریمی مطهر

سردبیر: مرضیه یحیی‌پور

مدیر داخلی: مهدی محمدبیگی

مدیر اجرایی: پروین عزیززاده

ویراستار علمی روسی: سوتلانا شوستووا

ویراستار فارسی: مهیود فاضلی

صاحب امتیاز: انجمن ایرانی زبان و ادبیات روسی

چاپ و صحافی: انتشارات دانشگاه تهران

آدرس: دانشگاه تهران، دانشکده زبانها و ادبیات خارجی، اتاق ۲۳۵

تلفن: ۰۲۱-۶۱۱۱۹۱۲۰؛ فاکس: ۰۲۱-۲۲۱۴۳۸۵۹

شاپا چاپی: ۲۴۹۸-۲۳۴۵

شاپا الکترونیکی: ۳۵۰۰-۲۴۷۶

بها: ۱۰۰۰۰ تومان

تهران - ایران

وبسایت: <http://www.journaliarll.ir>

فهرست

- ۱۱ اشعار فارسی از دریچه نگاه کیوخلبئکر استفانو وینچنتساویچ آلونه
- ۲۹ نقش اصطلاحات در یادگیری زبان روسی استفکا ایوانووا گیورگیوا
- ۴۵ ایماگولوژی زبانشناختی به عنوان گرایش جدید در زبان‌شناسی لیودمیلا پتروونا ایوانووا
- ادبیات کلاسیک روسیه در گرجستان: نوشته‌های تاریخی کینا آباشیدزه درباره لف تالستوی
- ۶۵ زانرهای سینتتیک هنر به عنوان منابع زایشی ترکیبات کنایه‌ای زبان روسی معاصر ایرین یگورونا مادابادزه؛ تامار گئورگیونا تسیتسیشویلی
- ۸۳ سوتلانا گریگوریونا شولژکووا؛ لیودمیلا پتروونا دیادیچکا
- ۹۹ ارتقای سطح کیفی روش‌های آموزش زبان در مراکز آموزش عالی مارینا آئاتالیونا گالوانیوا
- ایجاد مهارت‌های ارتباطی دانشجویان ایرانی از طریق متون ادبی (بر اساس تجربیات کار)
- ۱۱۷ یلنا ایوانوونا گرینکویچ
- به من بگو دوستت کیست: مفهوم «دوست» در زبان رسانه‌ای روسیه معاصر (بر اساس پیکره ملی زبان روسی در سال ۲۰۱۴)
- ۱۳۵ ویکتوریا ولادیمیروونا ماکارووا
- ۱۵۵ ایران در تصویر ادبی از جهان ک. گ. پاوستوفسکی تاتیانا ویکتورونا سیووا
- قهرمان لیریک کتاب اشعار س. آ. یسین «موتیوهای ایرانی» در جستجوی «سرنوشت مطلوب»
- ۱۷۳ ناتالیا میخائیلوونا اوستیمنکا
- ۱۹۳ ویژگی‌های آموزش زبان روسی به دانشجویان کشور آنگولا یکاترینا گینادییونا فیدولووا
- ۲۱۳ روش‌های مشترک واژه‌سازی اسم در زبان‌های روسی و فارسی شهرام همت‌زاده